

Центр інформаційних технологій
«Соціальна перспектива»
Інститут соціології НАН України

СОЦІОЛОГІЧНЕ ЗНАННЯ ТА ВЛАДА

Київ
2005

ІС

**СОЦІОЛОГІЧНЕ
ЗНАННЯ ТА ВЛАДА:
СУПЕРЕЧЛИВІ
ВЗАЄМВІДНОСИНИ
СОЦІОЛОГІЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ
І ПОЛІТИЧНОЇ ПРАКТИКИ**

Київ
Видавничий дім «Стилос»
Поліграфічний центр «Фоліант»
2005

ББК 60.5
С 69

Матеріали міжнародного круглого столу,
організованого Центром «Соціальна перспектива»
та Інститутом соціології НАН України,
Київ, 17 березня 2005 р.

За фінансової підтримки
Міжнародного Фонду «Відродження»

Матеріали подані в авторській редакції
і не обов'язково відображають погляди редакторів збірки

С 69 Соціологічне знання та влада: суперечливі взаємовідносини соціологічних досліджень і політичної практики. – К.: ВД «Стилос»; ПЦ «Фоліант», 2005. – 254 с.

ISBN 966-8474-31-7

Збірка, підготовлена за матеріалами доповідей та виступів учасників міжнародного круглого столу, присвячена осмисленню теоретичних і практичних аспектів складних взаємин соціологічного знання та влади в сучасних Україні і Росії. Пропонований дослідницький проект є гостро актуальним для розвитку і самовдосконалення сучасної української соціології як наукової дисципліни, суспільного інституту й професійної спільноти. Це – одна з перших спроб вітчизняної «соціології соціології», дискусії навколо основних професійних і моральних підвалин функціонування соціологічного знання, взаємин між владою, громадянським суспільством і соціологами-експертами.

Книга розрахована на фахівців й усіх, хто цікавиться сучасним суспільним знанням, соціологією та політикою.

ББК 60.5

ISBN 966-8474-31-7

ПЕРЕДНЄ СЛОВО

Ідея цього круглого столу – взаємини соціального знання та влади – виникла під час одного з професійних обговорень в Інституті соціології НАН України в лютому 2005 р. і згодом набула конструктивної конкретики під час чисельних розмов та міркувань із багатьма колегами, а її організаційне втілення – у результаті плідних переговорів ініціаторів та організаторів (Ігоря Бурова та Центру «Соціальна перспектива») з представниками Фонду «Відродження» і його директором, доктором філософії Євгеном Бистрицьким. Ми щиро вдячні йому за розуміння, а очолюваному ним Фонду – за фінансову підтримку в реалізації цієї ініціативи, яка зацікавила не лише вітчизняних, але й провідних російських соціологів.

Тема складних взаємин соціології та влади не була, однак, спонтанною імпровізацією: ця «вічна» для соціології тема буквально висіла в повітрі і не лише для українського професійного співтовариства, а з 2003 р. співробітники відділу історії, теорії та методології Інституту, який ми маємо честь представляти, фокусували свій дослідницький інтерес саме у цьому напрямку. Ми та наші колеги були переконані (а на сьогодні й поготів), що такий, як здавалось на перший погляд, академічний, дослідницький проект є гостро актуальним для розвитку та самоусвідомлення сучасної української соціології як науки, інституту та професійного співтовариства. Вихідні тези такого переконання, які формували концепцію круглого столу і були ґрунтовно розвинені учасниками обговорень, є такими:

- Суперечливі взаємовідносини соціального знання та влади завжди мали тривалу і не просту історію: частіше з'єднуючись, коли владні структури намагалися підім'яти інші суспільні інституції, поглинути їх, іноді – протистоячи, опонуючи одна одній, але при цьому виявляли свою взаємозалежність, потребу

один в одному: ефективне управління не може не спиратися на певне узагальнення, пояснення прогнозування, яке виробляє наука, остання – не може існувати без підтримки (матеріальної, ресурсної, символічної, статусної тощо), яку надають владні структури (тут теза М. Фуко про взаємообертання, або іманентність, знання та влади є актуальною).

- У той же час наше історичне минуле доводить, що соціальне знання, контрольоване та підкорене владою, або навіть розчинене в ній, послабляє саму цю владу, робить її неефективною за відсутності відстороненої соціально-експертної критики (як і зворотного зв'язку з суспільством). У сучасний період суспільного розвитку виникає розуміння певної автономності сторін і того, що для їх корисної взаємодії необхідно дистанціювання структур науки і влади. Тобто, для ефективного функціонування суспільного управління корисне не тільки розділення гілок влади та дієвість громадянського суспільства, але й певна автономність соціальних інституцій, які формують суспільну політику. Реалізація цього складного завдання є справою не тільки науковців, соціальних дослідників та аналітиків, а й державних керманічів, законотворців, політиків та громадських активістів.
- У сучасній соціокультурній ситуації значення експертного професійного соціального знання зростає, адже в інформаційних умовах «множинності голосів» і розширення поля суспільно-політичного та культурного вибору підвищується соціальна та моральна відповідальність експертів як тлумачів та інтерпретаторів, котрі виробляють та розповсюджують соціальне знання – старовинний ідеал сполучення знання та громадянської доброчесності стає вимогою часу.

- Роль соціального знання, особливо в умовах суспільства, що трансформується, є двоякою: воно сприяє соціальній емансипації, демократизується та демократизує. Водночас соціальне знання у владному використанні часто слугує способом контролю та маніпуляції з метою збереження та відтворення соціального порядку та існуючої системи влади.
- У взаєминах соціології з владою виявляється характерна особливість цього соціального знання. Один класик соціології зазначав, що головна складність нашої науки полягає в тому, що «люди вивчають людей», і це не дозволяє досліднику бути цілком об'єктивним, безстороннім. Якщо перенести цю думку на відносини соціології і влади, то можна констатувати, що основна складність їх аналізу міститься в тому, що обидві сторони є важливими соціальними інститутами, до того ж взаємозалежними. При цьому кожна сторона прагне використати іншу у своїх інтересах. Однак інтерес та об'єктивна небезсторонність соціолога у траєкторіях його взаємин з владою може набувати деформованого характеру. Саме в цих взаєминах корозія наукового ідеалу пошуку істини під впливами політичних, організаційних, фінансових, корпоративних тощо факторів є найвідчутнішою та найпомітнішою.
- У відношеннях соціального знання та влади тривіальним, але актуальним є висновок про те, що в конфліктній ситуації та в загостренні суперечливих взаємин треба звертатись до нейтральної сторони, «третьої сили», тобто вирішувати конфлікт через пошук посередницьких інституцій, рівною мірою відсторонених від конфліктуючих сторін. Такими в наш час виступають інституції громадянського суспільства: громадянські організації, рухи, спілки, асоціації. Отже, сучасною парадигмою вирішення конфліктних ситуацій, у тому числі поміж

інституціями, які виробляють та продукують соціальне знання, та владою є взаємодія у трикутнику «влада – соціальні експерти – громадянське суспільство».

Ці «сухі» теоретичні викладки, які поряд з іншими аспектами означеної проблематики представлені у *першій частині* цієї збірки, набули своєї практичної суспільно-політичної гостроти та актуальності під час історичної виборчої кампанії кінця 2004 – початку 2005 рр. та розгортання помаранчевої революції в Україні. У безпрецедентній політичній боротьбі за голоси, симпатії та умонастрої людей соціологи виявились на політичній «передовій» по обидві сторони уявного політичного «фронту» (а деякі «соціологічні ландскнехти» навіть воюючи за різні політичні сторони одночасно). Драматична історія та конфліктні колізії Національного екзит-полу і чисельних альтернативних проектів щодо нього ще раз підтвердили двоїсту роль соціального, насамперед, соціологічного знання: з одного боку, як механізму громадського контролю за владою, зокрема у підрахунку голосів виборців (а отже – і соціології як експертного інституту громадянського суспільства) та з іншого – як засобу маніпуляції громадською думкою та фальсифікації реального волевиявлення виборців в політично замовлених дослідженнях (роль псевдосоціології як політтехнологічного знаряддя «чорного PR-у»). Крихкі конвенційні грані між наукою та політикою, істиною та інтересом, мораллю та нечесною грою були порушені. Ці гострі питання також стали предметом обговорення учасників круглого столу і представлені в основному у *другій частині* його матеріалів.

Було б невдячною та й недоречною роботою коментувати основні тези, точки зору та аргументи учасників обговорення. Зацікавлений читач, знайомлячись із цим, одним з перших досвідів не лише вітчизняної, а й пострадянської «соціології соціології», може сам поринути в атмосферу живої, творчої, професійної, часом напруженої, дискусії.

Хочемо лише підкреслити, що українська соціологічна драма ще раз довела необхідність осмислення основних інституціональних, професійних та моральних підвалин функціонування соціологічного знання та соціологів-експертів у трикутнику взаємин поміж владою та громадянським суспільством, необхідність формування єдиних професійних стандартів та етичних принципів, які поділяються соціологічною спільнотою.

Ця збірка, звичайно, не дає готові відповіді на чисельні гострі питання та проблеми подальшого розвитку нашої науки, які були підняті учасниками обговорення. Це – радше свідчення закономірного етапу становлення української соціологічної науки з необхідною потребою її саморефлексії та професіоналізації. Сподіваємось, що цей круглий стіл стане початком подальших, конче актуальних досліджень української «соціології соціології», а також корисним досвідом безпосереднього спілкування соціологічного співтовариства – єдиного наукового і водночас громадсько-цивілізованого формату пошуку істини.

Редактори висловлюють подяку І. Венгерчук та Л. Етенко за допомогу у впорядкуванні цієї збірки.

Віктор Танчер
Віктор Степаненко

СЕКЦІЯ І.

**СОЦІОЛОГІЧНЕ ЗНАННЯ
ТА ВЛАДА: ТЕОРЕТИКО-
МЕТОДОЛОГІЧНІ ПРОБЛЕМИ
ВЗАЄМИН**

Віктор Танчер (Київ)

СОЦІОЛОГІЯ І ВЛАДА: ІСТОРІЯ ТА НОВА ДИСПОЗИЦІЯ ВЗАЄМИН

Продуктування й використання соціологічних знань має яскраво виражений соціальний характер. Взагалі, будь-яке знання має соціально обумовлений характер відтворення і використання, але знання про суспільство – особливо, оскільки соціальні відносини досліджуються самими суб'єктами цих відносин та сам цей процес стає об'єктом соціологічного аналізу. Відомо, що соціологія – це самопізнання суспільства, водночас можна вважати, що соціологічний аналіз – це самопозиціонування аналітика і самопояснення «із середини суспільства». Ці процеси завжди залежні від створюваних для дослідників умов, суспільних настанов, зацікавленості влади. До того ж кожна національна соціологія відображає якісні характеристики свого суспільства, особливості функціонування політико-управлінської системи. Можна констатувати певну подібність системи отримання соціальних знань наявній суспільній організації, залежність від соціально-політичного ґрунту, на якому знання культивуються.

Наголосимо, що завданням соціологів є не тільки опис і узагальнення фактів суспільного життя, розкриття його визначальних тенденцій й чинників розвитку, але й пояснення смислів тих чи інших явищ, створення сенсів соціального життя й визначення ціннісних орієнтирів тощо. Тобто не тільки віддзеркалення і пояснення, а й конструювання соціального світу. Ці дві сторони – прагматично-позитивістська й активістсько-гуманізуюча – виступатимуть обов'язковими атрибутами соціологічної діяльності. Вони різною мірою затребувані й стимульовані різними моделями влади. Авторитарні режими більш прихильні до соціоінженерних

проблемно-розв'язувальних, обслуговуючих функцій соціології. Демократичні – до критико-оновлюючих, гуманізуючих, перспективно-далекосяжних аналітичних розробок. Так чи так, кожна влада потребуватиме соціологічного «супроводження», а соціологічна наука – владної підтримки.

* * *

Історія взаємин соціології і влади складалася від початку формування нашої наукової дисципліни. За однієї системи влади умови були сприятливі для розвитку соціологічної науки, наприклад, США 20–30-х рр. (Чиказька школа, пізніше структурно-функціоналістський напрямок), Західна Європа з 70-х рр. до теперішнього часу і т. д., за інших систем влади, насамперед тоталітарних режимів, соціологію забороняли або дискримінували, піддавали утискам – у фашистській Німеччині (переслідування співробітників Франкфуртської школи) або в Радянському Союзі, де певне відродження, та й то тільки прикладних досліджень, почалось лише у 70-ті рр.

Ці різні умови та моделі взаємовідносин іноді ставали предметом аналізу, підставою висновків і самооцінок соціологами своєї діяльності. Деякі з них є сенс пригадати.

Яскравим прикладом взаємин соціології і влади постають бурхливі події в американській соціологічній спільноті у кінці 60-х – початку 70-х рр. ХХ ст. Як відомо, масовий демократичний рух 60-х рр. у США, протести проти загрози ядерної війни, мілітаризму, расових утисків, війни у В'єтнамі і т. д. викликали необхідність дослідників суспільних явищ якось визначитись зі своєю роллю у цих процесах, винесли на авансцену американської соціології ліво-радикальних теоретиків. Ціла низка соціологів, переважно молодішої генерації, такі як А. Гоулднер, І. Горовіц, Г. Маркузе, М. Зейтлін, Р. Фрідріхс, Д. Ронг, М. Шоу та ін. розпочали компанію в соціологічній публіцистиці та наукових виданнях критики офіційної, як вони означили, «істеблішменту» соціології. Йшлося про те, що академічна соціологія

керується верствою, що панує на суспільній арені, що вона збирає і вивчає інформацію лише корисну для інституцій, що правлять, тоді як завдання соціології, у розумінні ліво-радикальних дослідників, полягає в тому, щоб працювати у протилежному напрямі, в інтересах тих, кого експлуатують і пригнічують¹.

Одним із перших завдання «оновлення й критики» американської соціології обґрунтував А. Гоулднер в своїй роботі «Криза західної соціології, що наближається» (1970 р.). Поєднання ідеологічної загостреності його критики із проникненням у теоретико-методологічні підвалини соціальної науки висунуло його в чільну групу соціальних мислителів того часу. Розвінчання професійних міфів, співставне лише з постаттю «батька радикалізму» в соціології США – Ч.Р. Мілза, заперечення традиційних постулатів академічної науки, де політична діяльність й «наукова соціологія» не повинні були пересікатися, у творах Гоулднера мало на меті показати нероздільність ідеологічних і власне соціологічних проблем, значущість проблем морально-політичного вибору в соціологічній роботі. З'ясування місця ідеологічних установок, нормативних рамок досліджень, професійного етосу, розвінчання ідеологічної мімікрії й міфів, які мали місце в соціологічному середовищі, поклато початок цілого напрямку в соціологічній науці – «соціології соціології»².

Головний зміст прихильників цього напрямку полягав у викритті консервативного характеру переважної більшості соціологічних розробок, нездатності соціальних аналітиків слугувати інтересам широких верств населення, звинувачення у прислужництві владі. Адже пошук вирішення соціальних проблем у площині менеджменту, вдосконалення управління, що притаманно ліберальній соціології, виводить за

¹ Show M. The Coming Crisis of Radical Sociology / Ideology in Social Science – Ed by R.Blackburn. – Fontana, 1973. – С. 45–60.

² Танчер В.В. Алвин Гоулднер: «обновление и критика» в американской социологии // Современная американская социология. – М: МГУ, 1994. – С. 251–264.

межі досліджень політичні аспекти цих проблем. Звідси виводилось завдання «ізсередини» проаналізувати стан соціологічної дисципліни, позбавитись ілюзій і професійних міфів «ціннісної нейтральності» соціології.

Питання ставилося, як співробітничати «професійній соціології» із владою й одночасно зберігати певну автономію від неї. Адже, як показав у своєму аналізі І. Горовіц (слідом за Ч.Р. Мілзом), понад 80% бюджетів соціологічних досліджень фінансуються державними відомствами, у тому числі ЦРУ, Пентагоном, ЮСІА. Скандальне викриття «обслуговуючих» секретних програм уряду соціологічними дослідженнями (таких як проект Камелот, Pax Americana та ін.) «незалежними» вченими виявило дійсну роль соціальних дослідників у відносинах з правлячим істеблішментом³. Соціологи, за висловом Гоулднера, опинилися у становищі «вікторіанської дами застигнутої за читанням непристойної книжки». Утім заклик ліво-радикального соціолога зайняти політичну, активістську позицію до діяльної участі в боротьбі з панівною елітою не знайшов широкого розуміння в професійному соціологічному середовищі.

Після гучних критичних розвінчань прислужницької ролі соціологів, спрямуванні їх досліджень на збереження статус-кво наявних суспільних відносин ліберальні соціологи дійшли висновку, що соціальна наука так чи так є гілкою древа політичної влади, а значить «сидіти на цій гілці й, на-свистуючи «Інтернаціонал», пилити її» – справа абсурдна⁴.

Можна зробити висновок що «соціологія соціології», яка так голосно прозвучала у 60–70-х рр. минулого віку, внесла мало ясності у проблему взаємин соціальної науки і влади. Проблеми залежності досліджень від фінансових джерел, суперечності між інтересами громадськості

³ The Rise and Fall of Project Camelot. Studies in the Relationship between Social Science and Practical Politics – Ed. by J. Horowitz, – Cambridge, 1967. – С. 3–4.

⁴ Ideology in Social Science – Ed. by R.Blackburn – Fontana, 1973. – С. 53.

і діяльністю державних органів, взаємозв'язки вчених з політиками, дилеми між науковими принципами отримання об'єктивних даних і очікуваннями замовників досліджень, включаючи цілу низку моральних проблем вчених, які займаються аналізом суспільних явищ, не знайшли адекватного витлумачення й розрішення. Виявилось лише, що, поперше, очевидною є залежність соціальних дослідників від владних структур суспільства, насамперед державних інституцій. По-друге, розвіявся позитивістський міф про незаангажованість, об'єктивність і неупередженість соціологів, які працюють на замовлення цих інститутів. Певною мірою, та в силу різних причин результати соціологічних досліджень зазнають викривлень на догоду «владі преєктивним». Це констатувалось як даність, неунікненні обставини, з якими щось соціологам потрібно було робити, якимось долати, «врівноважувати впливи», корпоративно протидіяти тощо. Тобто проблема була вимальована, але ефективного механізму її розрішення запропоновано не було.

* * *

Проблема взаємовідносин між «соціальною наукою і практичною політикою» – як вона була сформульована критично налаштованими соціологами в 60-х рр. ХХ ст. – зберегла той самий зміст і в наш час. Це і методологічні проблеми спрямування результатів досліджень (акцентування на підтримання рівноваги у суспільстві чи окреслення ліній конфліктного протистояння, соціоінженерні цілі чи морально-ціннісні орієнтири, долання девіантності соціальної патології чи адвокація революційних трансформаційних змін тощо), це і вічні дилеми цінності нейтральності та ідеологічної заангажованості, дуальних політичних прихильностей лівих і правих, радикалів і консерваторів, це і проблема морального вибору вченого: на кого він має працювати – на «переможців» чи на «програвших» – в безупинних суспільно-політичних перегонах?

Водночас за сучасних умов ще виразніше вимальовуються проблеми морально-філософських аспектів соціологічного знання, реконструкції соціології у «демократичну науку», яка набуває нових рис у сучасному глобалізованому світі⁵. Намічається тенденція переходу від часів модернізму, де соціоекономічна система ґрунтувалась на раціональних знаннях, знання були важливим ресурсом, а їх поширення – засобом соціального контролю, до постмодерної ситуації, де перед «демократичною соціологією» – соціологією ХХІ ст., яка є більш адекватною новим умовам, – ставиться мета розповсюдження інформації, яка призначена для демократизації суспільних інституцій, для громадського суспільства, для широкого загалу, а не тільки політичної верхівки, державного апарату. Створення нової «практичної соціології» (*doing sociology*), яка покликана слугувати громадянському суспільству, а не бути академічно відстороненою від потреб захисту прав і свобод громадян, стає нагальним завданням сучасної соціологічної науки, а для України і поготів. Недаремно ці проблеми активізувалися в світлі «помаранчевої революції» кінця 2004 р. Новій владі необхідно відбудувати нові відносини із соціально-гуманітарною наукою, виробляти взаєморозуміння цілей, завдань і можливостей.

У світлі «нової парадигми політичної соціології» та постмодерної теорії демократії, які все голосніше заявляють про себе в цій царині, на авансцену суспільствознавчого аналізу висувуються питання: як спрацьовують демократичні принципи в політичному житті та як їх належним чином реалізувати за сучасних обставин? Нове бачення акцентує увагу на відході від ідей державоцентричної політики у світі, що глобалізується (зменшення можливостей держави у контролюванні інформаційних потоків, медіа-продуктів, русі товарів, технологій і т. д.; вплив міжнародних організацій та інституцій), натомість на зростаючому значенні громадськості, соціальних рухів, оскільки саме вони, а не

⁵ Connell R.W. Charting Futures for Sociology // Contemporary Sociology. ASA. – Vol 29. – № 2. – 2000.

національна держава стають центром політичної активності. Актуалізується переосмислення процесів соціального життя за нинішніх умов багатоскладності й мультифакторності соціальних структур та ідентичностей. Підкреслюється, що постмодерна фрагментаризація суспільства, плюралізацію громадянськості загрожують підірвати соціальну солідарність, суспільну цілісність, проте ці загрози можуть бути врівноважені космополітичним демократичним скеруванням, новими формами глобальної демократії⁶.

Ці аспекти також позначатимуться на обговорюванні проблеми, адже українська соціологічна наука є частиною світової наукової системи.

* * *

Поряд з науково-методологічними і моральними оцінками взаємовідносин соціологічних установ та владних структур, самокритичним аналізом поведінки соціологічної спільноти під час електоральних змагань на часі постановки питання про взаємодію останньої з інститутами громадянського суспільства. Не тільки і не стільки з політичними партіями, а з громадськими організаціями, творчими союзами, асоціаціями, регіональними об'єднаннями і, звичайно, ЗМІ.

Якщо дійсно українська влада бере курс на долучення до сучасної Західної цивілізації, Атлантичної співдружності країн, то важливою передумовою України входження до цієї співдружності виступатиме посилення взаємодії органів влади з громадськістю, інституцій політичного управління з інституціями громадського суспільства. Наука якраз належить до останніх. Гармонізації і демократизації взаємовідносин влади і соціології, безумовно, сприятиме розвиток інститутів громадського суспільства в Україні. Вони мають стати третім кутом у трикутнику сил, які формують масову

⁶ Nash K. Contemporary Political Sociology. Globalization, Politics, and Power. – Oxford: Blackwell, 2000.

свідомість. Бажано б було, щоб громадянське суспільство стало не тільки посередником між владою і наукою, але арбітром й замовником соціальних досліджень. На жаль, ще слабкі елементи українського громадянського суспільства й насамперед професійні організації науковців – особливо Соціологічна асоціація України – до такої ролі ще не готові. І це є актуальним завданням формування і громадського суспільства, і соціологічної науки України.

Необхідно також взяти до уваги й зміну основних функцій соціології в добу постіндустріального, постмодерного суспільства. Якщо від часів заснування суспільствознавчої дисципліни соціологія розглядала себе як потужне знаряддя – раціонально обґрунтоване, оснащене об'єктивними науковими методами – прогресивного вдосконалення суспільного життя, то в наші дні вона набагато скромніше оцінює свої можливості і дещо інакше розуміє свою роль. На це вказують відомі прибічники постмодерністської соціології, зокрема З. Бауман, Е. Гіденс, С. Леш та ін.

Передусім це пов'язують із зміною ролі інтелектуальної, гуманітарної еліти в перебігу суспільних подій: від ролі законодавців соціальної царини, речників «розуму», «прогресу», «істинного знання»... до ролі інтерпретаторів, коментаторів соціальних процесів. За умов постмодерної релятивізації наукових суджень і рекомендацій вони вже не є експертами, яким належить монополія на істину, як за часів модерну. Відійшло в минуле призначення бути «навігаторами прогресивного розвитку» в ейфорії нарративу Просвітництва. Соціологи не можуть претендувати на місце незамінних професійних експертів з раціональних стратегій суспільного життя й оптимального розвитку, оскільки вже домінують інші стратегії «нав'язуваного, спокушаючого споживацтва» і ринкового маркетингу, які тепер визначають соціальний порядок, на думку, зокрема, З. Баумана⁷. Зміна ролі відбувається також внаслідок втрати колись потужної

⁷ Bauman Z. Legislators and Interpreters. On Modernity, Postmodernity, and Intellectuals. – L, 1987. Цит. за: Postmodernism. – Krakow, 1997. – С. 269–298.

політичної місії інтелектуалів як носіїв універсальних цінностей раціоналізму, прогресизму, бо останні вже знецінені, через захоплене вітання постмодерною соціологією плюралізації, релятивізації, деконструкції системи знань епохи модернізму, через ерозію «об'єктивних засад» постсучасної науки, критеріїв істини за ситуації плюралізації різних світів дискурсу.

Проте роль соціології як фахової критики владних структур та інституцій, котрі покликані керувати соціальним життям, як професійного експерта і радника цих структур зовсім не зникає. Тим більше їй забезпечене достойне місце – в постмодерному дискурсі, який характеризується насамперед як «діалоговий». Отже, пошук правильних рішень очікується у площині діалогу влади і соціології, знову ж таки із залученням широкого кола громадськості.

Виходячи з вищенаведеного, представляється доцільним розглянути проблему взаємовідносин соціологічної діяльності науковців і політичних практик влади у трьох ракурсах:

– співвіднесення громадянської позиції соціолога, його політичних переконань з науковою неупередженістю, об'єктивністю, додержання принципів професійної етики, узгодження двох сторін соціологічної діяльності;

– розвинення інститутів громадянського суспільства, «третьої сили», зацікавленої як в оптимізації суспільного скерування, так і в розвитку автономної соціальної науки, громадського арбітража суперечливих відношень організацій політичної влади і соціологічної науки;

– завдання і роль громадських органів професійної соціологічної спільноти у стосунках соціологічних установ зі структурами влади, винайдення важелів впливу, методів експертизи, моральних засад тощо.

Видається, що саме в цих напрямках можна знайти певне розрішення названих проблем.

Виктор Степаненко (Київ)

ПУБЛИЧНОСТЬ ВЛАСТИ КАК МОДУС СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ: МИФ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОСТСОВЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ?

Я хотел бы поразмышлять о такой специфической проблеме, имеющей, по моему убеждению, непосредственное отношение к теме нашего круглого стола, как публичность власти. Я постараюсь показать, что *публичность власти*, понимаемая здесь в двух основных смыслах как 1) открытость функционирования властной бюрократии и прозрачность принятия ею решений и 2) участие общественности в формировании политического порядка дня и властных решениях – это, прежде всего, проблема специфического взаимоотношения власти (как некогда всевидящего, всезнающего, всемогущего субъекта решения) и социального знания. Публичность власти – это определенный модус ее реализации, делающий возможным доступ граждан к общественно-важной информации и тем самым позволяющий формирование специфического социального знания. Как хорошо показывает Ю. Хабермас, публичность как историческая общественная практика и нормативный идеал формировалась как социально-эмансипаторский проект модерна, стойко ассоциируемый с политическим понятием демократии как «демократии договоренностей» (*deliberative democracy*). В контексте своей коммуникативной модели Хабермас также подчеркивает, что политическая открытость как «высшее проявление тех условий коммуникативности, при которых может реализовываться дискурсивное формирование мнения и воли граждан государства, может рассматриваться как основное понятие нормативно сформированной

теории демократии»¹. Сущностное понимание власти как средства коммуникации обосновывает также и Н. Луман. Более того, согласно Луману, власть лишь усиливается при расширении выбора большего количества разнообразных решений для ее реализации². В своем социально-философском анализе власти Луман (в отличие от Хабермаса) не анализирует способы и алгоритмы, позволяющие расширение альтернатив выбора для власти. Но вполне логичным будет предположить, что основным таким алгоритмом является расширение спектра голосов, а также поля участников принятия властных решений.

В постмодерной парадигме общественное требование и развитие форматов публичности власти предстает не только следствием исторического развития современного демократического проекта (исторически обусловленные структурные изменения сферы публичности, как сказал бы Ю. Хабермас), но и признанием ограниченности познавательных потенций властной машины (в любом спектре смыслов – от анализа политики и расчета ее последствий до возможности отслеживать сложные пути преступных бизнесов, терроризма и т. д.). Современные теоретики, включая того же Ю. Хабермаса, в своих характеристиках постмодерной социокультурной ситуации, говорят о «новой непрозрачности», «непрозрачности» смыслов, действий, решений, а главное – последствий и результатов³. Наступает «конец знакомого мира», утверждает И. Валлерстайн. Очевидно, что сфера реализации власти и принятия решений также становится все более сложной и неоднозначной (и в этом смысле – «непрозрачной»), а государственное управление, несмотря на все попытки рационализировать и формализовать его практи-

¹ Габермас Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості. – Львів, 2000. – С. 32.

² Луман Н. Власть. – М., 2001. – С. 20.

³ Цит. по: Ионин Л. Подступы к новой магической эпохе // Постмодерн: новая магическая эпоха. – Харьков, 2002. – С. 10.

ки, во многом остается и даже актуализирует свой характер культурно контекстуального знания⁴.

Особые нюансы проблемы публичности (прозрачности *vs.* «непрозрачности») власти обретают в постсоветском контексте. Здесь «непрозрачность» – не столько новая постмодерная социокультурная характеристика, сколько социально-политические атавизмы авторитарного режима и исторической специфики власти как *заговора и захвата*. Бурные события избирательной кампании 2004 г., эйфорически-непосредственная близость к народу тогда еще оппозиционных лидеров в период оранжевой революции также актуализировали многие аспекты этой проблемы в ее конкретно-историческом измерении в Украине. Прежде всего был обозначен новый формат общения власти, пусть тогда еще потенциальной, с гражданами. Впервые в новейшей украинской истории будущий Президент и премьер-министр активно выступали перед многотысячными аудиториями на митингах в Киеве и других городах, делясь информацией, сетуя на трудности и прося у народа поддержки. «Властное» социальное знание было тесно переплетено с политическим действием и с локальным практическим знанием масс. Революция заострила насущные проблемы взаимоотношений власти с «широким» обществом (а не только с наиболее активным его сегментом, профессиональным «гражданским обществом», представленным политически-ориентированными общественными организациями, «менеджерами от демократии» и активно развивающейся сетью неправительственных аналитических и экспертных центров). Проявились вполне постмодерные синтезы знания и такой формы познания истины как вера («Верю! Знаю! Можем!» – характерный в этом отношении слоган избирательной кампании В. Ющенко). Проблемное поле новых взаимоотношений власти и социального знания обозначило также потребность в поисках новых форм, дискурсов и практик оптимального

⁴ Fukuyama F. State-Building. Governance and World Order in the 21-st Century. – Ithaca, New York, 2004.

функционирования власти и порядка принятия решений в декларируемых новой властью парадигмах открытости, прозрачности и публичности.

Впрочем, тема не нова. В определенном смысле всю историю постсоветской демократизации, начиная, пожалуй, с политической риторики *перестройки* и *гласности* середины 1980-х гг., можно представить как сложную и противоречивую трансформацию традиционно авторитарного режима «закрытости» власти и технологий принятия решений в новые синтезы и мутации, включающие ритуальные поправки на *голос народа, общественное мнение, национальные интересы* и т. д. Демократизация по-советски (инициированная *сверху*) и была задумана как декоративный, по-сути, популистский, политический проект демократических уступок по форме, ради сохранения сути властного авторитаризма. Другое дело, что джинн «общественного политического участия» был выпущен из бутылки уже помимо воли инициаторов демократического косметического ремонта в бывшем СССР.

В современный период развития демократизационного проекта есть по крайней мере *три объективных обстоятельства*, которые вынуждают уже новую постсоветскую власть (в частности, в Украине) задействовать формат «участия граждан в принятии решений»:

1) истощение ресурсов (экономических, политических, психологических) и возможностей (прежде всего идеологически-пропагандистских) для властного маневрирования в режиме традиционной закрытой политики;

2) тенденции развития государственной политики как «закрытого акционерного предприятия» для избранных и немногих стали угрожающими для безопасности существования большинства не инкорпорированных во власть граждан (Чернобыльская катастрофа 1986 г. и особенно «закрытая» реакция на неё со стороны центральной и республиканской власти послужили реальной дополнительной мотивацией для многих граждан Украины в их политическом выборе государственной независимости). История постсоветских стран продемонстрировала взаимосвязь кланово-

распределительной экономики с мутациями клановой «демократии», во многом репрезентирующей интересы немногочисленных групп политического и экономического влияния. Эта проблема трансформируется в императив выживания для «широкого общества»;

3) глобальные демократические влияния и политическое давление стран западных демократий на постсоветскую власть относительно расширения поля политического участия и борьбы с коррупцией, а также мировой кризис традиционных форм представительской демократии (в спектре аспектов от дилеммы «безопасность или управляемая демократия» до универсальных тенденций десакрализации власти и диффузии авторитетов). Риторика и вынужденно-показные «разрешительные» уступки и жесты прежней украинской власти в этом отношении политической оппозиции, СМИ и структурам гражданского общества к началу 2000-х гг. переросли формат ритуальной и контролируемой властью активности. Расширяющееся поле политической и социокультурной свободы уже не «схватывалось» единым центром принятия решений, традиционно именуемым властью (кульминация – оранжевая революция 2004 г.). Давление на этот некогда единый центр лоббистских групп специфических интересов имеет своим неизбежным следствием плюрализацию, распыление и эрозию властных механизмов единоначалия;

4) к тому же в Украине (как и во многих других национальных республиках) усиливающийся демократический прессинг на власть *снизу* часто дополнялся за счет специфических факторов национальной мобилизации – риторика *предательства национальных интересов* в обвинениях режима Л. Кучмы его политическими оппонентами стала эффективным мобилизационным фактором разворачивающегося в стране с начала 2000-х гг. неформально стихийного и политически организованного движения гражданского неповиновения.

Внутренняя конфликтность имплантации новых элементов публичности в тело власти с его все еще традиционно-авторитарным режимом жизнедеятельности и функционирования проявлялась в противоречивых и причудливых мутационных синтезах. Это, с одной стороны, законодательные инициативы правительства Л. Кучмы и В. Януковича с целью «обеспечения участия общественности в формировании и реализации государственной политики» середины – конца 2004 г., декларации отчетности правительства перед обществом, внедрение Интернет-технологий «электронного правительства» (в виде президентских и правительственных веб-порталов с предложениями *обратной связи* для интересующихся граждан), устоявшаяся практика парламентских слушаний, отдельные, в основном иницируемые общественными организациями, практики общественных слушаний бюджетов и социальной политики местной власти, оформление законодательных инициатив и юридических возможностей создания общественных советов с правом совещательного голоса при министерствах и ведомствах, усиливающийся поток продукции неправительственных социальных экспертиз с разработкой альтернативных проектов и видений общественной политики, а также активно развивающаяся индустрия опросов общественного мнения. С другой стороны, это – практика закрытости и секретности принятия важных политических решений (ЕЭП, геополитические ориентации, нефтепровод, крупные приватизационные проекты – Криворожсталь и др., деятельность нерегулируемых законом Администрации Президента и ее хозяйственно-административной структуры, печально-известной ДУС⁵ и т. д.), властный контроль и цензура СМИ («темники»), политическое манипулирование социальным экспертным знанием (в том числе результатами опросов общественного мнения), клонирование «независимых» практик и центров, претендующих на репрезентацию «общественных интере-

⁵ Акроним от украинского «Государственное управление делами Администрации Президента» – В.С.

сов», фильтрация лоббистских инициатив с учетом политической лояльности особых групп интересов в стратегии политического выживания власти.

Для рассмотрения сложных и противоречивых проявлений публичности постсоветской власти вновь обратимся к двум основным ее смыслам (и алгоритмам), обозначенным выше. Представляется, что публичность власти как режим открытости её функционирования и прозрачности принятия политических решений может быть охарактеризован как основной исторический алгоритм представительской демократии. В тоже время публичность власти как система и механизмы участие общественности в формировании политического порядка дня и принятии решений – это относительно недавние актуальные практики. Эти два формата публичности реализуются в Украине (впрочем, и в других постсоветских демократиях) как все еще *имитационно-потенциальные* модели.

Под *имитационностью* я понимаю перенос практик и процедур функциональной публичности из опыта исторических представительских демократий (в том числе «авангардных» практик, получивших свое развитие с конца 1990-х гг., в некоторых странах, в частности в Канаде) на все еще не подготовленную (культурно и институционально) почву постсоветских демократий. Однако даже формальность этих начинаний имеет значительный культурно-политический *потенциал* в виде хотя бы формирования законодательного поля возможностей и нарождающейся практики прецедентов их использования. Более того, культурно-политическая *tabula rasa* постсоветского развития с такими ее остаточными генетическими особенностями как коллективизм, массовое чувство социальной справедливости, ритуалы народного (рабочего и т. д.) контроля и т. д. могли бы трансформироваться в демократическое лоббирование публичности власти. Но все же проблем здесь пока больше, чем достижений.

Для устоявшихся представительских демократий (даже несмотря на кризисные тенденции в их развитии, связанные, в частности, с проблемными решениями постмодерной культурно-политической дилеммы *безопасность или открытость*) более характерен выше упомянутый *первый алгоритм* реализации публичности власти. Он реализуется через развитые демократические традиции парламентаризма, гражданского контроля за властью через институты СМИ и надзорных (*watch-dog*) общественных организаций. Канадский, во многом «авангардный» для Запада, опыт реализации второго упомянутого алгоритма выглядит здесь скорее исключением.

Для новых постсоветских демократий, в частности в Украине, велик соблазн доступности и кажущейся популистской привлекательности в адаптации *второго алгоритма* публичности, а именно якобы «непосредственности участия общественности в практике формирования и принятия политических решений». В массовых протестных проявлениях начала 2000-х гг. публичность власти в образно-метафорическом выражении воспринималась в форме ее иллюзорной доступности при накопившемся политическом зуде «*ее поиметь*». По признанию одного из активистов кампании «Украина без Кучмы» этого периода, «власть (подобно публичной девке – почти зримые в этом контексте ассоциации. – В.С.) буквально лежала на улице, и нам не хватило решимости (отчасти, из-за нерешительности лидеров оппозиции) ею овладеть». Планка массовых ожиданий непосредственного властного решения и участия во власти (ранее недоступной, ненавистной и накопившей массу грехов) была особо высоко поднята в недавних революционно-романтических феноменах общественной политики Майдана.

Однако уже апелляции лидеров революции непосредственно к народному вече, собравшемуся на Майдане, обозначили принципиальные узкие места этой модели. Потенциальные носители новой власти просили граждан *скорее*

поддержать уже принятое ими решение или декларацию, нежели участвовать в процессе их разработки. «Аргумент улицы» (как его часто характеризовали оппозиционные лидеры) действительно во многом оказался *скорее эффективным средством массового силового прессинга на власть (часто неконтролируемого самой «улицей»), нежели формой осознанного массового участия в принятии решений.* Последнее предполагает знание ситуации и видение альтернатив решения вопросов. Однако во многом этот эффект «сорванной крышки» и явился следствием *неразвитости традиционно устоявшегося в представительской демократии основного (первого упомянутого) алгоритма публичности власти, ассоциирующегося прежде всего с прозрачностью принятия решений.* Политическая власть в Украине оказалась на удивление нечувствительной и негибкой в реагировании на потребность со стороны общества (или, скорее, групп политических интересов, претендующих на презентацию его интересов) *быть услышанными.* Непризнание политической оппозиции в качестве полноценного партнера переговорного процесса, зажим и давление на альтернативные голоса в политическом дискурсе, практики манипулирования общественным мнением – характерные показатели неадекватного функционирования «неслышащей и непонимающей» украинской посткоммунистической власти конца 1990-х – начала 2000-х гг.

Для революционной реакции «сорванной крышки» такое активное властное нежелание слышать должно было достичь самых крайних форм и проявлений во все еще патронально-клиентелистском (и потому вполне благосклонно относящемся к авторитарному стилю управления) украинском обществе. Характерно, что в проводимых Институтом социологии НАН Украины с 1992 г. ежегодных Мониторингах убедительное большинство респондентов (46,7% опрошенных в 2004 г.) согласны с мнением, что *«несколько сильных руководителей могут сделать для страны больше, чем все законы и политические дискуссии».* Для сравнения,

в том же 2004 г., респондентов, не согласных с этим мнением и, очевидно, больше ценящих законы и дискуссии, оказалось лишь 18,4% (впрочем, положительно и то, что более трети опрошенных таки сомневаются в эффективности «сильной руки»). Однако не все так мрачно. Вполне цивилизованное и оправданное желание *быть услышанными* в довольно традиционных и устоявшихся формах демократической публичности власти проявляется в результатах того же опроса 2004 г. Здесь в иерархии наиболее эффективных «нереволюционных» форм участия граждан в принятии решений оказываются такие доступные для «слушающей» власти формы как профессионально близкие людям моего цеха *опросы общественного мнения* (около 33% респондентов) и греющие души журналистов *обсуждения проектов решений власти в СМИ* (27% респондентов) (см. табл. 1).

Таблица 1

Какие формы влияния общественности на принятие решений институтами власти Вы считаете наиболее эффективными? (2004, N = 1800, %)

Изучение общественного мнения	32,7
Обсуждение проектов решений власти в СМИ	27,0
«Горячие» телефонные линии органов власти	23,3
Общественные слушания социально значимых проблем	19,5
Парламентские открытые слушания	14,8
Консультации органов власти с независимыми экспертами	11,2
Интернет-страницы органов власти для вопросов и предложений граждан	3,8
<i>Не знаю, трудно сказать</i>	40,4

Замечу, речь идет именно о *проектах*, а не традиционной PR-пропаганде и информировании об *уже принятых* решений.

Новая власть стоит перед довольно трудными проблемами по цивилизованно-демократическому «усмирению» революционного джинна и развеиванию иллюзии «посредственного и массового участия» во власти (с такими постреволюционными феноменами гражданской активности, как палаточные городки, организованные манифестации протеста на локальном уровне с требованиями смены местных начальников, борьбы против уплотнения застроек, за общедоступные зеленые загородные зоны и т. д.). Спираль ожиданий граждан от становящейся особо чувствительной в предвыборный период власти на ее помощь в решении многочисленных, в основном социально-экономических проблем, уже была раскручена в 2004 г. Количество же «ходоков» под стены центральных властных учреждений, и особенно Секретариата Президента, с окончанием оранжевой революции побило все рекорды. Принятие новой правительственной программы, которая провозглашает новые форматы публичности власти даже в своем названии – *Навстречу людям*, одним из своих результатов также имеет многократное увеличение статистики просьб, обращений, писем и заявлений граждан в центральное правительство. Массовый поток людских чаяний и поиска справедливости у новой власти, по признанию сотрудников соответствующих служб правительства, уже с начала 2005 г. превышает все ресурсные возможности этих служб по их полноценной и эффективной работе.

Спору нет – не от хорошей жизни, а как следствие традиционной нечувствительности властных бюрократов, а также секретной келейности многих их решений граждане выходят на манифестации или засыпают новую власть потоком просьб и заявлений. С одной стороны, это, безусловно, проявления определенного доверия к новой власти. С другой – это индикатор все еще стойкой патронально-клиентелистской культуры и психологии, так и комплекса таких постсоветских социальных проблем, как бедность, особенно социально уязвимых слоев общества (пенсионеры, молодежь, одинокие

матери), конфликтное социальное расслоение, недоверие людей к местной власти, историческое отсутствие эффективной связи власти с обществом, слабая осведомленность граждан о законных способах влияния на власть, а также слабость структур гражданского общества, ориентированных прежде всего на социальную помощь и солидарность.

И, возможно, отчасти, эти проявления массового «прощения и давления» на новую власть, пока еще не разобравшуюся с громадным ворохом накопившегося келейного наследия от власти минувшей, – проблема общественного такта и самоконтроля. Власть, даже самая демократическая, не должна быть популистской и реализовываться впопыхах. Вряд ли эта власть будет эффективной в стиле массовки *a la Майдан*. Символически жест нового Президента В. Ющенко, снявшего физические ограждения власти от народа на улице Банковой⁶. Однако вполне обоснованны и его сетования и опасения в отношении публично-массовых злоупотреблений в этом новом, пусть пока символическом формате публичности.

Более того, я бы не пугал накатанные революционной инерцией формы «выпуска политического пара» с реальными и более существенными стратегиями нового политического участия. А проблемных вопросов здесь уже накапливается достаточно. Это, в частности, нерешенные проблемы доступа граждан к общественно-важной социальной информации, законодательное оформление такого все еще узко кланового феномена как лоббизм, «непрозрачность» важных кадровых решений новой власти, исчезнувшая куда-то доступность новых лидеров к народу.

Думается, что без никому не нужного популизма *основными стратегиями* новой политики публичности новой власти могут быть такие:

- Повышение уровня *гражданской компетенции*, которое предполагает необходимую стадию информи-

⁶ Пока готовился этот текст, ограждения вокруг Секретариата Президента были восстановлены. Новый символический поворот?

рования общественности об альтернативах решений общественных проблем (наступая «на горло» собственной «социологической песне», необходимо признать, что публику необходимо сначала информировать о сути дела или проблемы и альтернативах её решения, прежде чем спрашивать ее, публики, мнение). Здесь важно развитие политики слышимости альтернативных (часто нелицеприятных) голосов через СМИ это во многом снимет тему манипуляции политикой «больших статистических чисел» в «удобных» опросах общественного мнения. К тому же очевидно, что политика трансформации общества вынуждает и даже обязывает власть к принятию непопулярных (лучше – *непопулистских*) решений.

- Развитие гражданской *культуры участия* и информирования граждан о возможных законных способах их участия в обсуждении и принятии важных для общества решений. В постреволюционный период граждане попросту имеют довольно слабое представление о формах своего цивилизованного влияния на власть и ее политику. Симптоматично подтверждение этому выводу то, что большинство респондентов (свыше 40%) не знает или имеет слабое представление об эффективных способах влияния на принятие властных решений (см. *табл. 1*).
- Адаптация (без горячего фанатизма, перерождающегося в модную ритуальность) новейших технологий, в частности канадских, практик гражданского участия. Демократическая роскошь новых моделей расширенного гражданского круга принятия решений, однако довольно дорога в буквальном смысле. К примеру, только в бюджете канадской провинции Альберта предусмотрено ежегодно около 20 миллионов канадских долларов для достойного и неформального функционирования этой модели. Она включает буквальную доступность любой социально важной информации (вплоть до бесплатной

распечатки громадных разворотов структуры провинциального бюджета для любого интересующегося гражданином), информационные буклеты и дайджесты о деятельности правительства, круглосуточные «горячие» линии правительственной информационной связи для граждан, поддержание правительственного веб-сайта с информацией об управленческой рутине провинции, опросы общественного мнения по социально важным проблемам и другие компоненты реализации публичности власти. К чести украинской власти некоторые эти инновации уже реализуются и у нас. Развивать эти практики необходимо и в дальнейшем, и соответственно, они должны быть гарантированы не декларациями, а бюджетным обеспечением.

- Оптимизация нового формата взаимоотношений в треугольнике «*власть – профессиональная социальная экспертиза – общество*», где профессиональные социальные эксперты могут и должны стать представителями общественных интересов и гражданского общества в Украине. Проблема честных и профессиональных экспертов в этом смысле – утвердить свой профессионализм, тем самым получив важный кредит доверия от общества как представителей его интересов. Почему общество все еще неохотно доверяет такой форме своего влияния как «консультации органов власти с независимыми экспертами»? (табл. 1) – вопрос не к обществу, а скорее к людям, именующим себя «социальными экспертами». Последним, часто самозабвенно обслуживающим власть, не лишне помнить о том, что *со-вѣсть* не только морально-этическая категория, но и коммуникационная концепция связи с чаяниями народными.

Честный и открытый диалог новой власти с обществом о трудностях и проблемах нынешнего периода, последова-

тельность и обязательность выполнения декларируемых обещаний, честность в мелочах (прекращение практики кумовства, неукоснительное следование Закону в таких вещах как государственно-парламентское совместительство, реальное разведение бизнеса и политики и т. д.) – это и есть по-человечески понятная и наиболее доступная форма оправдания массовых ожиданий и укрепления мостиков доверия между властью и обществом. В этом смысле публичность новой украинской власти и есть реальная демократическая возможность. При ином раскладе фраза лидеров вчерашней оппозиции и сегодняшней власти «*вы знаете, как пройти на Майдан!*», обращенная к многотысячной армии поддержки оранжевой революции, станет вновь актуальной.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, с вашей точки зрения, нынешняя демонстрируемая готовность общественности и непосредственное ее участие в принятии решений, то, что мы видим на примере выборной кампании и событий сегодняшних, разворачиваемых на региональном, муниципальном уровне, можно было бы назвать вот эту степень социального проявления, социального действия как снижение демократии?

Ответ: Это скорее не снижение демократии, это результат политики неслышания и нечувствительности власти. Потому что аргумент «улицы» – это последний аргумент, когда не работает то, о чем я говорил – первый алгоритм публичности, – когда есть прозрачность в принятии решений, СМИ информируют общественность, альтернативные точки зрения подаются, есть организации, которые следят за властью и имеют обратную связь именно с обществом, а не с заказными исследованиями власти. Есть проблемы, я согласен. Непосредственное массовое участие – это некий джинн, выпущенный из бутылки, который не всегда решает проблему, и во многом есть прессинг на власть, силовой прессинг. Кстати, сейчас власть оказалась в той же ситуации, она

разбудила этого джинна. И тот символический жест Ющенко, когда он убрал барьеры с Банковой, а потом возникла ситуация прессинга возле здания Секретариата Президента, и Президент сказал, что нужно иметь какой-то общественный такт и понимание, когда надо выходить на улицу, а когда нет, — это свидетельствует о том, что здесь есть нерегулируемые вещи. Думается, что социальная активность и энергия, которая разбужена революцией, должна найти адекватные общественные формы, связанные, скажем, с общественными организациями, с нормальными цивилизованными каналами, взаимодействия власти и общества через те же СМИ. Скажем так, это не от хорошей жизни, когда люди выходят, разбивают палатки, протестуя против уплотнения застроек или против того, что зеленую зону вокруг Киева начинают застраивать особняками и т. д. Это как раз тяжелое наследие закрытой практики принятия решений прежней власти.

Вопрос: У меня вот какой вопрос. После оранжевой революции в Украине сохраняется ли проблема интеграции общества и может ли публичность власти решить эту проблему? Или, кроме публичности, нужно выработать еще какие-то алгоритмы, механизмы для решения проблемы интеграции?

Ответ: Единственный способ, как я считаю, это налаживание нормальных коммуникаций между властью и так называемыми проблемными регионами, как мы говорим. Потому что вы знаете, что Украина в результате выборов была поделена географически на «оранжевую» и «голубую». И, скажем, на мой взгляд, Ющенко стоит уделить особое внимание налаживанию коммуникаций с востоком и югом Украины, и он начинает это делать. Самый доступный язык — это язык экономической политики, когда приглашается российская элита, и он дает гарантии, что российскому бизнесу здесь ничего не угрожает, — это отличный стратегический ход. В смысле снятия тех нагроможденных стереотипов, воз-

можно, искусственных, которые насаждались в период этой кампании. Есть проблемы по консолидации нации, и тут стратегический образец — формирование украинской демократической гражданской нации, где гражданская и национальная идентичность сочетались бы. Я не имею в виду, что люди должны становиться членами демократических партий, но гражданская идентичность в моем понимании — это осознание возможности альтернатив и разных точек зрения. Я думаю, тут много вопросов, и публичность — это один из аргументов, достаточно убедительный. Когда власть будет демонстрировать прозрачность в принятии решений, открытость относительно болезненных вопросов особенно.

Вопрос: На Ваш взгляд, разве власть не продолжает транслировать ценности аргументов улицы? Скажем, когда премьер-министр говорит, что когда бюджет не будет принят Верховной Радой, то она выведет всех, поставит на голову все майданы страны. Разве власть тем самым не говорит нам, что если у вас в кране нет воды — идите на Майдан, если у вас начальник не удовлетворяет — идите на Майдан.

Ответ: Мне понравился аргумент Ющенко. Когда революция заканчивалась, одним из последних его выступлений то ли Тимошенко, то ли Ющенко сказали: в случае чего, вы знаете куда идти. То есть этот аргумент, мне кажется, он обоюдоострый. Есть некий кредит доверия, но он не бесконечный. Разбужена социальная энергия, наработаны некие механизмы достаточно активного социального протеста и гражданского неповиновения, что, в принципе, хорошо, я считаю. И я согласен с тем, что власть еще не чувствует себя властью. Они по-прежнему по инерции пребывают в некоем оппозиционном поле. Они говорят, что мы выведем народ на улицу, но против кого вы будете выводить? Я согласен, что тут есть некая оппозиционная политическая инерция.

Евгений Степанов (Москва)

СОЦИОЛОГИЯ КОНФЛИКТА КАК ЭКСПЕРТНОЕ ЗНАНИЕ

Я представляю Институт социологии Академии наук, но одновременно представляю в рамках этого института определенное направление, поэтому с этой колокольни, с этого направления – социологии конфликта, или конфликтологии, как все чаще определяется, и хотел бы поделиться с вами какими-то, может, впечатлениями, соображениями и так далее. Здесь уже говорили об актуальности обсуждаемых проблем, поскольку взаимосвязь власти и науки, социологической, прежде всего науки, проблема их взаимоотношения и действия самой науки и ее представителей в этих достаточно сложных и острых сейчас условиях, с которыми и вы здесь сталкиваетесь, и мы у себя в России. Это действительно очень важный вопрос, и я благодарен организаторам круглого стола, что они такую тему задали и что пригласили поучаствовать. Действительно, это и важно, и интересно. Сразу хотел бы сказать, что современная конфликтология вообще развивается достаточно долго. Правда, в России она только с середины 80-х гг., когда перестройка началась, могла и заявиться и развиваться. Когда она уже начала развиваться, то было удобно, что все-таки западная конфликтология прошла определенный путь, можно было использовать этот опыт. И опыт этот вот в чем заключался. Мне кажется, это значимо и для обсуждения нашей темы. Конечно, конфликтология тоже начала с того, с чего обычно начинается всякая научная дисциплина – формирование каких-то специфических подходов, понятийного

аппарата, каких-то концепций и так далее. То есть объяснение каких-то явлений, которыми предстоит заниматься, в данном случае – социальных конфликтов. Но достаточно быстро, хотя на это ушло около четверти века для нее, она все-таки вышла на то, что эта вот школа Джона Бертона вышла на то, какие бы ни были хорошие объяснения и оценки, адекватные каким-то явлениям, в данном случае, социальных конфликтов, этого недостаточно, чтобы знание было эффективным, в данном случае, конфликтологическое знание. А этого ждут, конечно, вот скажем, конфликтующие стороны, которым конфликтологи должны помогать, каких-то объяснений, каких-то оценок, в том числе и экспертных оценок. Но этого недостаточно, поскольку ясно, что каждая из конфликтующих сторон ждет: а что же делать ей? А не просто каких-то объяснений и оценок. Поэтому наука все-таки должна технологизировать знания. Вот, собственно, и есть вклад этой школы Бертона, и я думаю, что он сейчас достаточно важен и для нас. Поскольку, если наука не выйдет не просто на сообщения каких-то знаний и оценок, в том числе и экспертных оценок, а не перейдет в собственно выработки четких рекомендаций для каких-то групп социальных, что делать им в такой ситуации, я думаю, что это знание будет доведено до реализации.

Я почему сейчас на этом заостряю внимание? Потому что мы убедились на собственной практике – конфликтологи российские, можно сказать, академические, прежде всего, – что когда мы действительно начали разворачивать наше направление у себя, это происходило достаточно эффективно, и вот на протяжении 15 лет, собственно, мы все время ориентировались на то, чтобы дать какую-то картину происходящего в конфликтах. Сначала в целом, вообще по стране, потом перешли на то, что этого недостаточно, поскольку в каждом из наших регионов своя специфика конфликтов. Надо заниматься этим – выделять и выявлять эту специфику и т. д. И в результате этих усилий на протяжении 15 лет мы вот издавали такую серию «Социальные

конфликты: Экспертиза, прогнозирование и технологии разрешения». Вот 20 выпусков сделали такого рода, в которых представлена информация, что происходит с точки зрения конфликтологии в российской действительности, главным образом – в регионах. Потом пришли к тому, что нам надо объединять усилия, используя эту информацию, усиливая регионов, в том, чтобы совместно вырабатывать какие-то рекомендации. Для этого было в нашей серии задано направление «региональная конфликтология» с точки зрения моделирования региональных конфликтов, мониторинга их, то есть организации их изучения, динамики, и менеджмента конфликтологического, то есть разработки каких-то мер. И больше того, мы решили, что этого даже тоже еще недостаточно, что нужно переключить внимание с науки, на экспертизу, которая прежде всего ориентирована на научных работников и каких-то специалистов, которые активно работают с этой информацией. Этого недостаточно. Нужно еще и с населением поработать, чтобы и до него доводить какие-то выводы. Начали издавать журнал «Конфликтология: теория и практика». Все это было хорошо, и, тем не менее, мы убедились и все больше убеждаемся, наши условия к этому все больше подталкивают, что по существу мы еще недостаточно активно участвуем в технологизации нашего знания. В чем это должно заключаться и в чем собственно для нас задача все больше стоит? Мне кажется, что это может быть не только наша задача, а вообще социологии сейчас в целом. Технологизация должна заключаться в том, что мы, конфликтологи, должны работать с региональными властями. Не только разрабатывая какие-то программы, с которыми мы можем к ним выходить, а они могут это принимать, но и действовать в соответствии с этими научно обоснованными программами. Участвовать не только в разработке этих программ, но и в контроле за их реализацией и за результатами. Поэтому главная задача нашей работы, чтобы находить – и мы активно ищем – в регионах заинтересованных в нашей помощи, в наших усилиях администра-

тивных структур. До центральной власти мы пока не дошли, а вот в регионах действительно уже есть, особенно сейчас, когда стала очень острая, напряженная ситуация по регионам вообще, по некоторым особенно, действительно, отклик идет. Как раз там, где есть проблемные и острые ситуации – на Северном Кавказе или тех регионах, где острота каких-то проблем достигла высоких степеней.

В качестве примера на Северном Кавказе. Мы на Ставрополе получили очень большую заинтересованность в том, чтобы Совет безопасности губернатора получил какую-то программу гармонизации межэтнических отношений. Поскольку этнические факторы у них особенно острая проблема, они, конечно, были заинтересованными. Помогли сделать программу, она была принята и сейчас реализуется и получаются результаты. Из других регионов, где достаточно остро стоят эти проблемы и проявлена заинтересованность к работе конфликтологов, к программированию действий местных администраций, можно отметить Ярославскую обл., точнее, муниципалитет г. Ярославля. Там обнаружилось очень острые проблемы с преступностью, в том числе с молодежной преступностью и вообще с молодежными проблемами. И сама администрация Ярославля была заинтересована в том, чтобы создать такую структуру, занимающуюся молодежными проблемами и ее реализовывать. Они нас пригласили, и мы активно в этом сейчас участвуем. Уже есть определенные результаты и благодарности.

Хотел бы очень кратко описать ту ситуацию и проблему, которую, как мне кажется, надо сейчас иметь в виду. Что касается результатов наших исследований, на основании которых мы, собственно, свои рекомендации предлагаем, я, конечно, мог бы высказать определенные положения, которые можно считать выводом из конфликтологических исследований. Тут никаких цифр нет, но какие-то принципиальные вещи можно озвучить. У нас был проведен мониторинг в течение 4-х лет в ряде регионов, прежде всего как раз в Ярославле, когда пришлось активно анализировать

ситуацию. Так вот один из выводов, который мы заложили в эту программу, что решение практических задач управления социально-политическими конфликтами в российском обществе в целом и в данном регионе. Приходится осуществлять в условиях так называемой конфронтационной культуры, то есть быстрого перехода к состоянию, когда появляется напряженность, противоречия между людьми или группами, к такому жесткому противостоянию, давлению друг на друга, с целью продавить свой собственный интерес, не считаясь с интересами своего оппонента.

Этот так называемый опыт «конфронтационной культуры» пока что превалирует в российском обществе, как был сделан этот вывод на материалах мониторинга. И это воспроизводится во всех структурах власти, что затрудняет переход от состояния непримиримости интересов к их частичному или полному согласованию через компромисс или консенсус. Вот такая ситуация была зафиксирована и подтверждена данными.

Общим для постсоветских регионов является то, что повсюду социальная напряженность и провоцируемые ею конфликты затрудняют проведение социально-экономических и политических преобразований, тормозят объединение общественности вокруг демократических идеалов. В каждом регионе имеется своя специфика и своя острота этой напряженности и конфликтов. И следующий вывод, который был сделан, исходя из этих опросов, что истоки региональных конфликтов связаны не только с региональной спецификой, а они как минимум трехканальны, то есть они генерируются и мировыми, и общефедеральными конфликтами и процессами, ну и внутренними проблемами самого региона. Поэтому нужно учитывать все эти факторы, а не только, скажем, внешние или только внутренние. Дальше вывод был таков: ответственность за какие-то неурядицы, определенную неудовлетворенность население часто возлагает на общефедеральные власти. И конечно, раз так, то нужно общефедеральной власти внимательнее отнестись к этому и зани-

маться профилактикой или урегулированием возникающих конфликтов, когда претензии именно к верховной власти. Но это не значит, что роль региональных властей, проводимой ими политики незначительна. Хотя часто верховная власть делегирует ответственность, на самом деле региональная власть тоже может очень многое сделать, чтобы поддержать или даже скорректировать действия центральной власти. Так что здесь взаимоотношения власти центра и регионов тоже чрезвычайно важно и требует внимания. Поэтому необходимо повышение ответственности региональных властей и местного самоуправления за региональную стабильность, разрешение конфликта в интересах граждан. Это предполагает создание и функционирование на постоянной основе соответствующих институтов или структур, способных вырабатывать и осуществлять решения в интересах этих граждан. И одной из таких форм может быть возрождение практики проведения круглых столов, объединяющих все влиятельные политические силы для экспертизы наиболее значимых и ответственных решений, касающихся внутрирегиональных проблем и выработки определенных решений на базе этой экспертизы. Очень важно именно в регионах это сделать, потому что именно регионы сейчас превращаются едва ли не в основных носителей конфликтного потенциала общества. Не в общем плане, а именно в регионах прежде всего и больше всего это заметно, неудовлетворенность какая-то и т. д. Даже обращаемая к центральной власти.

Сейчас все больше переход зафиксирован от претензий к центральной власти (эти претензии, конечно, продолжают звучать) к региональным административным структурам, почему они не реагируют на то, что делает центральная власть, не корректируют. Внимание все больше начинает обращаться именно к регионам. И активность тогда начинает выражаться в том, что не какие-то там демонстрации, адресованные центральной власти, претензии с плакатами, лозунгами, а все больше у зданий региональных административных структур, к ним больше всего и прежде всего обращаются эти лозунги и претензии.

Последнее, что мы предложили: раз региональные власти все больше напрягают взаимоотношения с населением, и действия самого населения направлены на них, то необходимо самой этой власти понимать, что без организации каких-то своих региональных центров – исследовательских, экспертных и вырабатывающих программы, не время от времени работающих, а на постоянной основе – невозможно активизировать разработку эффективной региональной политики, а потому это следует обязательно планировать самой администрации, чтобы она рассматривала это не как один из второстепенных факторов, а как один из наиболее значимых.

То есть подключение науки через эти организационные структуры, непосредственно контроль за ситуацией и выработки эффективных решений. Вот, собственно, такие выводы были сделаны. И сейчас, когда у нас обозначились напряжения, особенно в связи с принятием 122-го закона, конфликтный всплеск негативной реакции на действия центральной власти, но сразу переходящей и на претензии к местной власти – почему она содействует этому, почему не противодействует, хотя такие решения ухудшают положение населения, причем достаточно резко и в разных направлениях. Сейчас региональные власти сами этот вывод наш поняли и обращаются к конфликтологам все больше, чтобы создавать такие структуры. Правда, они хотят это делать через свои региональные вузы. Там создавать такие научные центры. А вот через вузы, с помощью администрации такое предложение есть. Сейчас они просто посыпались со всех регионов. Я не знаю, так ли здесь происходит или нет, обращаются ли в Институт социологии или даже к каким-то вузам за научной помощью. Вот это было бы тоже интересно услышать. Спасибо.

Сергей Макеев (Киев)

О ВЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К ОБЩЕСТВОЗНАНИЮ

Не уверен, будто существует хороший ответ на вопрос о том, как относится или как должна относиться политическая власть к обществознанию. И не его поиск составляет суть данной статьи. Любопытно другое: почему мы вообще задаемся таким вопросом в начале XXI в. и возможно ли предъявить какие-либо аргументы, оправдывающие его постановку? Другими словами, не является ли наше вопрошание ложным, не имеющим никакого смысла? Дело в том, что постоянное пребывание в кругу концептов, образов, представлений, некогда обретших самостоятельное существование и весьма убедительных в своей самодостаточности, препятствует возникновению сомнений в их истинности, правильности, надежности. Отсутствие подобных сомнений соблазнительно принять за знак некоей изначальной мудрости именно такого мироустройства, поскольку привычные образы и представления не только идентифицируют порядок – они его олицетворяют. Иначе – они и есть собственно порядок. Часть из них Ф. Бекон предложил называть «идолами», то есть пустопорожними концептуальными истуканами, чистыми оболочками, задающими одну только видимость упорядоченности и организованности, образующими «иллюзион» значимости. Отсюда и вопрос: не с такого ли рода идолом мы столкнулись, со всей серьезностью восприняв вопрос о соотношении власти и обществознания?

Без определений самого общего порядка, видимо, не обойтись. Итак, власть – универсальный принцип установления иерархии, соподчиненности, порядка зависимости; она же – непрерывный конфликт за установления верхо-

венства физического, символического, юридического, статусного, а также уверенная поступь к победе. И потому оказаться в поле власти – значит быть втянутым в конфликт, обречь себя на неминуемое поражение, обрести в конце концов предписанный таким поражением статус и не перечить, принять вписанные в него роли. Общество размещается, естественно, полностью в пределах поля власти, но напряжение последнего распределено неравномерно, гарантируя возникновение зон относительной автономии, зон приглушенного и слабо проявляющегося конфликта за установление соподчинения.

Со своей стороны, общественные науки – это архив по большей части не имеющих и не имевших утилитарной ценности знаний об устройстве мира людей, о самих людях и о том, что побуждает их действовать. В гораздо большей степени они – потенциальная способность получать новое знание о мире людей и самих людях, утилитарная пригодность которого в лучшем случае не бесспорна. Изначальная погруженность в поле власти общественных наук представляет собою обстоятельство, не требующее доказательств. В дальнейшем, для удобства, слова знание отождествим исключительно с социальным знанием – твердо установленными фактами, нормами и правилами, а также способами получения новых сведений о фактах и правилах.

История взаимных отношений знания и власти насчитывает не одно тысячелетие. Образцы их возможной или только актуальной соотнесенности давно и определенно обозначились. Их беглый обзор позволит наметить контуры ситуации, в которой пребываем мы. А уточнение ситуации подскажет, какие вопросы уместны в ее пределах, а какие подлежат безусловному ответу.

Для Платона, скажем, раздельность знания и власти является структурным фактом: знание вырабатывается и хранится в одних «местах» (в школах, в Академии), а повелевают (отдают распоряжения, приводят к покорности, достигают желаемого, невзирая на сопротивление)

чистые носители власти. Основатель Академии заложил традицию, согласно которой ученый свысока и несколько надменно поглядывает на власть, знанье и богатство. Он ничего не ищет во власти, ему там нечего искать – он просто выше. Много столетий спустя мусульманский мир знакомится с греческим философским наследием, и уже в правление Аббасидов часто цитировавшая цитата одного грамматика VII в. гласила: «Нет ничего более могущественного, чем знание. Это подтверждается тем фактом, что правители властвуют над людьми, тогда как ученые властвуют над политиками»¹. Но в арабском средневековье достаточно противоположных, более прагматических версий относительно действительной иерархии знания и власти, а также социального статуса мудреца: «Если вы видите ученого, находящегося постоянно при дворе, вы должны понимать, что он вор»².

Тем не менее, корреляция знания и власти активно обсуждается носителями знания всю хорошо документированную историю человечества. В этих дискуссиях множество оттенков, и помимо уже названных здесь уместно отметить лишь некоторые из них. Прежде всего, возможное разделение знания и власти трактуется в качестве изъяна, подлежащего устранению – обладатели знания и наделенные властью не должны быть порознь. В классической Греции уже ясно понимали: власть есть главным образом действие, а знание есть политическое бездействие. При этом Платон убеждал, будто лучшим правителем будет философ. Отчасти и потому, что знание им мыслится в качестве верховной общественной силы, как то, что обладает потенциалом жизнеспособного мироустройства.

В том же ряду упомянем еще только Кампанеллу, который в своем «Городе Солнца» самого себя – монаха-философа – видел на вершине социальной иерархии – образованного и отлично ведающего, как именно и наилучшим

¹ Роузентал Ф. Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе. – М.: Наука, 1978. – С. 318.

² Там же. – С. 320.

способом все должно быть организовано в мире людей. А маргинальные философы, удаляющиеся в бочку и прочие экзотические места, становятся предметом исторических анекдотов (не в нынешнем, а в исконном смысле слова – подлинных повествований о подлинных мудрецах). Знание, становящееся политической властью, – такая цель не могла не вдохновлять.

Однако ее утопичность была ясна уже Аристотелю. Он, правда, сомневался, в возможностях философов отгеснить властвующих от власти и не рассчитывал на социальные преобразования и эффективную политику в реально существовавших античных полисах. Но не исключено, что своему воспитаннику Александру Македонскому он внушал мысль о возможности устройства справедливых порядков на новых местах, при основании новых городов. Допустим, под впечатлением от услышанного Александр двинул войска с одной целью – заложить множество поселений, где был бы реализован Аристотелев план обеспечения равенства и справедливости, план обустройства пространств, где царят социальный мир и лад. Если бы это было так, то мы бы имели свидетельства плодотворности союза монарха и мудреца, единения знания как силы и знания как власти.

То есть реалисты могли грезить исключительно об объединении знания и власти, подпитывая свою убежденность из самых разных источников. Соблазн влиять и поучать подталкивает к сближению, но не он один. Нельзя не заметить очевидный «материализм» такой позиции, ведь мудрецы выносили на обмен единственное, что у них было, – знание явное, тайное и то, которое они только намеревались обнаружить. Забота о своем престиже в глазах власти – довольно таки древняя практика, а пребывание рядом с властью предоставляло позитивное свидетельство о незаурядном социальном положении ученого. Такой вот античный и средневековый способ преодоления социального неравенства. В то же время желание быть вблизи мест сосредоточения власти (при дворах) демонстрировало полную

зависимость ученого от владеющего политической властью. В результате преодоление неравенства оказывалось мнимым. Впрочем, за всем этим и многим другим каждый вправе распознать и благородный мотив, ведь подобным образом распространяется и укореняется также идея самоценности знания.

Ф. Бекону приписывается знаменитый афоризм «Знание – сила», в ином переводе «Знание – это власть». Какую бы версию не принимать, ясно, что перед нами – подытоживание традиции: знание есть действие, ибо немыслима бездействующая сила или власть. Но афоризм Нового времени предвещает нечто совершенно иное. Чему могли научить властителей Сократ или Аристотель? Только одному – этически выверенному действию, тому, как должно поступать, как должно говорить. Но не тому, что следует делать и как именно. Ф. Бекон, между тем, прозорливо предвидит практическое употребление в первую очередь естественных наук. Властвование над силами природы, их укрощение и подчинение стало популярным, неоспариваемым проектом эпохи Просвещения. После Ньютона миропорядок обретает изящную завершенность, силы природы все успешнее укрощаются и приводятся на службу человечеству.

Вместе с тем, в Новое время усложняются взаимные отношения знания и власти. Наряду с традиционными местами хранения, воспроизводства и производства знания (монастыри, библиотеки, университеты) в Европе возникает уникальное место исключительного производства знания – Академии наук. Для властвующих они – предмет чести, гордости, уважения при полном отсутствии утилитарных домогательств немедленной практической выгоды. Здесь, в Академиях, культивируются отныне фундаментальные науки, то есть области познания, не требующие оправдания собственного существования. Такого рода институциональные структуры выработки знания не повсеместны, но накрепко утверждаются в некоторых странах.

Применительно к обществу знание также обнаруживало свою силу. М. Фуко во всем известных работах показал как путем накопления эмпирических умений известных и малоизвестных дизайнеров мироустройства в облик общества вносились новые черты, сохраняющиеся до сих пор. Немного удастся прибавить, вероятно, к анализу процесса превращения знания в дисциплинирующую власть, а фактически в институциональную структуру социума в виде больниц, школ, сумасшедших домов, тюрем, казарм, выполненного М. Фуко. Он утверждает, что в виде знания власть получает инструмент контроля за поведением индивидов и групп, равно как и влияния на их установки и намерения – нежданное, но ценное приобретение.

Однако в XVIII в. перед взором обществоведов расстился огромный материк, где властвовала стихия и хаос – человеческое общество в целом, поскольку практики-управленцы действовали большей частью интуитивно, без плана, составленного на основании науки. Набрасывая замысел науки об обществе – социальной физики – О. Конт вдохновлялся той же позитивной естественнонаучной идеей: знать для того, чтобы предвидеть и эффективно управлять. Постичь структуру этого мира, выявить законы, управляющие поведением таких структур, – и все готово для конструирования желательного социального порядка или же выверенной коррекции уже существующего. Таков Конт времен написания «Курса позитивной философии», он все еще под сильным впечатлением от социального хаоса революционной Франции.

Позитивизм Конта отчего-то принято трактовать расширительно, с непременно включением, скажем, социотехнологической переменной. Или, иначе, социология в версии Конта будто бы должна разрабатывать социальные технологии. Не думаю, что такое расширительное толкование является верным. Если подобные притязания у него и имелись, то позднее он гораздо больше внимания уделяет ценностному обоснованию действия индивидов и групп индивидов, отчетливо намечая сюжетное и тематическое развитие научной

дисциплины. К тому же вряд ли основатель социологии мог забыть, как в 1790-е гг. во Франции внедрялся культ поклонения Разуму, который якобы стал властью/силой. Припомним также М. Вебера с его «Протестантской этикой», а также с одной из последних работ «Политика как профессия и призвание», где политик действует либо в согласии с этикой ответственности, либо в соответствии с этикой убеждения: забота о единстве дисциплины, мало оцененная критиками и историками социологии.

Короче, практическое приложение науки не витало в воображении, когда классики задумывали науку об обществе и утверждали ее. В максимальном осадке ожидалось то, что, без опаски показаться наивным, решусь обозначить как нравоучение. Неиссякаемый интерес к ценностям, нормам и правилам социального действия поддерживается строгой ориентацией на получение такого осадка, и никакого иного. Отношения социологии с властью/действием мыслились в формате, напоминающим отношения древнегреческой философии с теми, кто реально обладал властью. Сохранялась и свобода включать политическое действие в свою предметную область.

Не забудем и эволюционную идею, изначально присутствующую в социологии. То, что социология пытается зафиксировать в качестве предмета своего интереса, подвержено непрерывным изменениям; побудительные мотивы действия, актуальные еще вчера, сегодня уже сданы в архив; обнаруженные тенденции внезапно утрачивают направление; неопределенность стремительно надвигается из будущего, обесценивая вчерашнее знание об устройстве социального мира. Классики, если желаете, предчувствовали невиданную и неубывающую динамику предмета дисциплины и поэтому весьма скептически относились к возможностям, как говорят, научного предвидения. Этот скепсис налагает строгие ограничения на отношения социолога и власти: ученый мало что имеет сообщить представителям политической элиты, роль наставника ему не по плечу, ведь ему бы поспеть справиться с вызовами его методологии и методикам, иско-

дящим от безустанно и непредсказуемо трансформирующегося объекта.

Невозможно отрицать и другое. Основной массив спроса на естественнонаучное и инженерное знание, заказ на него вплоть до начала девятнадцатого века формируются преимущественно в научной среде. Но практически никогда – во власти (поддержка, оказываемая сильными мира сего отдельным ученым не в счет). Позднее такой заказ начинает исходить от бизнеса во всем его отраслевом многообразии, а потом и от государства (власти), но только в части удовлетворения военных потребностей и нужд. Между тем спрос на социальное знание культивируется исключительно в научном сообществе в контексте признания властью самооценки обществознания.

Так или иначе, но к середине XIX в. складываются материальные предпосылки обретения социальными науками двух радикально различных статусов. Одна возможность реализовывалась в странах европейской и североамериканской демократии. Здесь метафора знания как силы не применялась к сведениям об обществе. И, понятно, полностью отсутствовали подобного рода ожидания. Для экономистов, политологов, социологов престижно выступать в роли советников правительств или президентов, поскольку тем самым признаются их личная квалификация и компетентность. Некоторые приемы и процедуры получения информации использовались в политическом менеджменте: при изучении настроения людей и особенно во время избирательных кампаний. Но политикам не приходило в голову требовать от социологии, например, выработки каких-либо схематизмов действия или технологий достижения успеха. Гласно и негласно признается, что политика остается сферой деятельности, в которой решения принимаются в условиях извечного, непреодолимого дефицита информации, то есть в условиях неопределенности. Отсюда – не перелагаемое ни на кого, в том числе на научные дисциплины, бремя ответственности политика.

Другими словами, общественные науки обретают высокую степень автономности от власти (или власть от науки, что не менее верно) вследствие отсутствия взаимных институционализированных обязательств и ожиданий. И, далее, не отождествляется наука с тем или иным ученым или с группой ученых. Кузнец, Самуэльсон, Кейнс, Норт – выдающиеся ученые, но далеко не экономическая наука. Без недоразумений, как водится, не может обойтись, и не единичны случаи, когда обладающие властью публично обвиняют (или же только подозревают) обществоведов в нелояльности, а социологов, например, в том, что зеркало настроений граждан, которое они демонстрируют публике – кривое. Власти можно не нравиться, но она не ставит под сомнение правомерность существования науки и не требует быть полезной обществу в самом меркантильном смысле этого слова. Кстати, Нобелевские премии по экономике присуждаются не архитекторам хозяйственных порядков (Б. Гейтсу, скажем), но нонутилитарным, проведенным постфактум исследованиям функционирования экономики: их авторам они и приносят наибольшую «пользу».

Случилось, однако, так, и здесь речь заходит о второй возможности обретения наукой статуса, что идея о социальном знании как силе оказалась сопряжена с массовыми движениями, порожденными индустриальным переустройством общества. А наиболее завершенное воплощение нашла в марксизме. Схема, воспроизводимая ниже, и в простейшем изложении не утрачивает убедительности или же одной только привлекательности. Итак, развитие истории подчинено определенным закономерностям, оно телеологично (движется к определенной цели) и сопровождается последовательной сменой технического, институционального и социально-группового оснований общества. Вплоть до предпоследней ступени такое развитие является «слепым», оно никем не направляется, люди и группы не понимают, отчего они поступают так, как поступают. Однако на предпоследней стадии («капитализм») знанию открываются закономер-

ности (гегелевское «Сова Минервы вылетает в сумерки») и отныне начинается период сознательного управления историей. Здесь, в этой исторически достигнутой точке, в обе стороны умозрительно просматривается ось времени. Прошлое становится понятным и упорядоченным в контексте знаменитого афоризма – анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны, а путь, пройденный человечеством влепую, отныне можно проделать вспять, реконструируя институциональное и социально-групповое устройства общества разных исторических эпох. Освобожден и горизонт будущего: отчуждение ликвидируется, творческие силы человека окончательно раскрепощаются.

Однако история не есть автомат с бесконечным заводом и будущее не обеспечено, оно остается только возможностью. Материализация будущего, превращение его в настоящее (действительность) требуют выполнения неременного условия: должна состояться встреча носителей знания с общественным классом, который до поры до времени не знает о своей исторической миссии («класс в себе»). В результате встречи (местом встречи замысливается «партия») носители знания обретают могущество и могут позволить себе «критику оружием», то есть имеем вооруженное знание, знание, предуготовленное к применению насилия, а общественный класс, отдав отчет в условиях своего существования и ближайших задачах, превращается в «класс для себя». При этом ему никак не обойтись без всезнающих «вождей».

Уже в «Манифесте Коммунистической партии» так заявившая о себе часть носителей социального знания открыто претендует на то, чтобы стать силой/властью (кстати, всю явную и латентную полемику Вебера с марксизмом вполне можно прочитать как отведение тезиса о превращении знания в силу). Не случайно как Ленин, так и Сталин почтиительно величаются «вождями и учителями», то есть носителями знания, в их работах разыскиваются обществоведами всех отраслей знания неопровержимые подтверждения собственных утверждений (скажем так: осуществляется

отсылка к окончательным истинам). Рабоче-крестьянская власть абсолютно все знает; мир для нее или абсолютно прозрачен, или абсолютно пассивен – делай с ним что пожелаешь. У власти нет потребности в новом знании, она не желает знать о себе или окружающем мире ничего такого, что ей раньше уже не было бы известно. Более того, власть ограничивает доступ ученых к важной экономической и социальной информации, предлагая получать новое знание в таких экстремальных условиях.

На фоне такой эпистемологической самодостаточности у власти развивается боязнь иного, непохожего знания. Другое знание заведомо расценивается как прямая и явная угроза устоям и порядку. Подобная фобия принимает различные формы. Так, в якобы научное, а на самом деле в псевдонаучное противоборство с буржуазным обществоведением втянуты едва ли не все социальные науки. Не менее активна и борьба на внутреннем фронте: идеологический контроль за формой и содержанием научных публикаций иерархичен и неусыпен, а отделы обществоведческих институтов Академии наук часть рабочего дня выполняют заказы партийных органов. Иначе говоря, они поставлены на службу и обслуживают; власть вмешивается, поскольку полагает себя вправе поступать так вследствие полной зависимости академических институтов и их руководства от партийных структур. Обязательной практикой становится и различение между науками «правильными» и «неправильными».

Между тем время вождей прошло, менялся и мир, освящаемый законсервированным знанием. В начале 60-х гг. кладезем мудрости становится коллективный субъект – партия. Потребность в новом знании еще не артикулируется, но пролагает себе дорогу подспудно. Потихоньку отвоевывает себе место социология, но горизонт притязаний ей устанавливается твердо: появляется «прикладная социология». И никакой иронии нет в том, что ей велено приносить практическую пользу, велено быть «силой» на микроуровне общества. В результате племя промышленных социологов

гораздо многочисленнее племени академических социологов, и взаимную холодность не удастся скрыть на съездах украинского отделения советской социологической ассоциации.

В 1983 г. мир развитого социализма окончательно утратил прозрачность, союз знания и власти объявляется распавшимся. Только что избранный генеральным секретарем ЦК КПСС Ю. Андропов вдруг сообщает всей стране, что «мы не знаем общества, в котором живем». Призыв предельно звонок – разузнайте, доложите, восстановите узы знания и власти. Академические и промышленные социологические сообщества оживляются, и, следует признать, ряд хороших дел сделать удастся: возникают новые институты экономико-социологического направления и чисто социологические подразделения, слабеет контроль за общественной наукой, все настойчивее раздаются голоса неортодоксальных ученых из Новосибирска и Москвы. Практически сходит на нет внешний контроль, происходит значительное освобождение знания от власти, от ее удушающей опеки. Но владеющие знанием готовы подставить власти свое плечо – таково еще одно впечатление от тех дней. Вскоре выяснится, что общество уже не жизнеспособно.

При всех издержках положения академических общественных наук в независимой Украине одно оказалось безусловно положительным: власть от них ничего не требовала. Ни подсказать, ни внести предложения, ни набросать тезисы доклада для высокопоставленного чиновника. Отчасти так происходило потому, что власть окружила себя собственной наукой, людьми с высшими научными степенями и званиями, а также собственными, закрытыми для всех других каналами обеспечения экономической и социальной информацией. При президенте Украины – Институт стратегических исследований, Академия госуправления (учебное заведение со множеством кафедр), управления Администрации/Секретариата, укомплектованные специалистами. Несколько институтов существуют при Совете национальной

безопасности и обороны. Ничего подобного в СССР не было, и в этом легко усмотреть шанс для академической науки окончательно отдалиться от власти, уступив свои экспертно-аналитические функции специально созданным организациям. Но союз знания и власти не случился. Если Ю. Андропов не знал общества, в котором жил, то президент Л. Кучма просил подсказать, какое же общество ему строить.

Не случилось и многого иного: не утвердилась идея самоценности социального знания, не состоялась автономизация науки в виде ликвидации институциональных основ взаимных ожиданий и обязательств, доступ обществоведов к информации по-прежнему ограничен, что невозможно трактовать иначе, как контроль за наукой, налицо рецидивы боязни «неприятной» для политиков информации, проявляющиеся в недоверии к публикуемой информации или же в ее игнорировании. Это уже не власть «власти», но, скорее, власть инерции ослабленного контроля за наукой – для нас, обществоведов, двадцать первый век еще не наступил.

Исходящий от власти призыв к сотрудничеству, к оптимизации функционирования науки, к ответственности – это проговор бессилия политика, не знающего собственных истоков, ничего не подозревающего о собственном происхождении. Оно, бессилие, все еще полагает, что вся причина в какой-то внешней недодаче, в задержке с подпиткой знаниями или информацией. Это голос прошлого, тоскующего о реставрации анахроничных иерархий соподчиненности. Откликнуться на него, а тем более соблазниться им стало бы обидной ошибкой.

В общем, мы подтверждаем свое пребывание в прошлом веке, выставляя вопрос о соотношении социального знания и власти. Это – идол в беконовском значении слова. Стоит его водрузить, как неминуемо начинается разговор о полезности знания, его технологичности, ответственности перед властью – то есть о подчиненности, лояльности, услужливости не только отдельных научных работников с учеными степенями и званиями, но и науки в целом, о контроле за ними.

Пока неизжитые и удивительно цепкие формы контактов знания и власти остаются доминирующими, а они остаются таковыми, мы обречены на унижайшее занятие: формулировать благопристойные ответы на бессмысленные вопросы. Только после размежевания и длительной политики взаимного невмешательства можно искать и находить взаимно приемлемые формы взаимодействия. И основная проблема не в формах организации науки, не здесь «пожары» и «разруха» (это к вопросу о судьбе НАН Украины), но, по словам героев Достоевского и Булгакова, – в головах.

Юрій Пачковський (Львів)

ТРИ ВИМІРИ СОЦІОЛОГІЇ У СУЧАСНОМУ ПОЛІТИЧНОМУ ПРОЦЕСІ

Ситуація виборчого процесу в Україні за своїм ходом та наслідками з новою силою підняла низку актуальних методологічних та прикладних проблем сучасної соціології. Це тим більше актуально, що вітчизняна соціологія є чи не найпоказовішим чинником, здатним кардинально змінити політичні підходи в управлінні державою. Така увага до соціології, як показує розвиток української й не лише української державності, є не випадковою. Чим це зумовлено? Перш за все тим, що будь-які політичні процеси в ідеальному наближенні повинні спиратися на соціальні настрої. Тому соціологія за рівнем розвитку методики дослідження є чи не найоперативнішим та достатньо надійним інструментом у їх всебічному аналізі та вивченні. По-друге, еволюція та логіка розвитку соціології відходить від *констатуючого розуміння*, опису та пояснення соціально-політичних процесів до *формуючого, діяльнісно-активного впливу* на ці ж самі процеси. Інакше кажучи, соціологія сьогодні є невід'ємною частиною політичних технологій. По-третє, структуроване політичне середовище вбачає у соціології широкі можливості в налагодженні зворотнього зв'язку в ланцюгу політичних намірів – політичних дій – можливих політичних наслідків. Тим самим за соціологією визнається пріоритетне право першим донести соціальну інформацію, на основі якої будуть прийняті ті чи інші політичні рішення.

З огляду на це увесь передвиборчий президентський марафон 2004 р. пройшов під егідою соціологічного бачення політичних процесів, перебіг яких докладно висвітлювався в мас-медіа. Справа навіть дійшла до того, що один з цільних

представників виборчого штабу провладного претендента на посаду Президента публічно заявив про динаміку зростання рейтингу на кшталт «догоним и перегоним». Така «прогностичність», очевидно, передбачала не лишень реальні кроки політиків, але й копітку працю заангажованих соціологів. Усе це разом з іншими, далеко уможлядними аспектами виборчих перегонів, дотичних до соціології, є джерелом та поштовхом до серйозної наукової дискусії. У більш загальному вигляді її тематика сформульована організаторами цього круглого столу. Лаконічніше проблема стоїть так: «Чи соціологія сьогодні заслуговує на довіру соціуму, наукової спільноти і влади зокрема?»

Одна з можливих відповідей на це запитання вбачається у зверненні до трьох вимірів соціології у сучасному політичному процесі, які ми окреслили як об'єктивність, публічність та відповідальність соціології.

Об'єктивність. Як вимір визначає передусім науковість соціології, її обличчя та здатність спиратися на доказовість та аргументованість емпіричної бази. Уся історія розвитку наукової соціології – це подолання суб'єктивізму в отриманні та інтерпретації результатів соціологічного дослідження. Однак, як показує реальна практика, досягнення об'єктивності, а в контексті масових політичних досліджень – збіг прогнозу і реального результату, – це ще далека і бажана перспектива.

Показовим прикладом тут слід розглядати шерек екзит-полів, що були зреалізовані достатньо великою кількістю організацій (цілими консорціумами) за відмінними методами під час президентських перегонів. При цьому, зважаючи на достатньо велику розбіжність результатів між першим і другим турами виборів і практично показову однотайність у третьому турі з похибкою у 8% і більше тоді, як величина задекларованої похибки становила, як правило, 2%. Пародоксальність ситуації з екзит-полами полягала в тому, що в третьому турі президентських перегонів були зняті чинники, що могли б кардинально вплинути на їхні показники. Зокрема, був практично нівельований вплив адмінресурсу.

За своєю суттю така ситуація репрезентувала «чистий» польовий експеримент в межах усєї країни.

У загальному контексті реалізація екзит-полу в Україні дала змогу підтвердити *політичну об'єктивність* волі соціуму, адже не було ні для кого секретом, що перемога опозиційного до чинної влади кандидата була задекларована самою участю у виборчих перегонах В. Ющенко, який уособлював антитезу та протидію злочинному та корумпованому режиму Л. Кучми. З іншого боку, значна похибка зреалізованих екзит-полів у третьому турі засвідчила *наукову необ'єктивність* найнадійнішого та найефективнішого методологічного інструментарію у вивченні політичної активності електорату.

Можна сперечатися про саму методику проведення екзит-полу (відкритого і закритого (через скриньки)). На мое переконання, основна проблема тут була закладена не в самій технології опитування, а в потаємних підвалинах особистості, в її психології та поведінці. Формально-організаційний підхід, накладаючись на особистість, у підсумку («на виході») дав результат, що не вклався у чітко вивірені схеми соціологів. Чому? Питання риторичне і відкрите. Як можливий шлях інтерпретації – звернення до масової свідомості, її стану. Навряд чи варто сьогодні її скидати з розрахунків. Тим паче вся система політичного впливу базується на апеляції до масової свідомості. Це у кращому разі. У гіршому – на різного роду маніпуляціях та провокаціях. Саме провокативність ще до недавнього часу була звичною практикою у спілкуванні влади з соціумом. Насправді це призвело до протистояння в українському суспільстві, напруги, закликів до федеративного устрою країни і т. ін. Як наслідок, на когнітивному рівні сформувалися елементи деформації масової свідомості у сприйняттях та оцінках реальних політичних подій, що, очевидно, впливало й на результати екзит-полів.

Політична діяльність, спрямована на масову свідомість, на наш погляд, повинна враховувати такі закономірності в її функціонуванні.

По-перше, з одного боку, масова свідомість є неоднорідною за своєю структурою і перебуває під впливом національних традицій, соціокультурного процесу та регіональної специфіки. З іншого – масова свідомість виступає цілісним утворенням, феноменом, в основі якого – кумулятивність думок, настроїв, які у своєму поєднанні не є простою арифметичною сумою.

По-друге, у своїй конкретній реалізації масова свідомість – це певні поведінкові акти, спрямовані на відстоювання певної позиції індивіда чи групи індивідів. У своїх персоналізованих проявах масова свідомість несе відбиток емоційності, яка у поєднанні з раціональним вибором дуже часто формує «глас» народу, силу і потугу колективної дії.

По-третє, масова свідомість – це невичерпне джерело консервативності та відстоювання «застарілих» норм та цінностей, які подекуди мають визначальний вплив на повсякденну поведінку людей. Така «інертність» масової свідомості – це відображення стереотипності поглядів, небажання їх підпадати під вплив невідомому, інноваційному.

По-четверте, масова свідомість – це суперечливе соціальне явище, в якому поєднуються як конструктивні, так і деструктивні елементи, наслідком взаємодії яких є непрогнозовані ситуації, далекі від простої екстраполяції у майбутнє.

По-п'яте, масова свідомість, вплетена в політичні наміри, є невід'ємною частиною цих намірів. Благо, якщо ці наміри шляхетні. Інакше, масова свідомість з тонкою, ніжною душею врешті-решт залишиться понівеченою та згвалтованою.

По-шосте, не варто маніпулювати масовою свідомістю, бо інакше вона буде маніпулювати вами.

Публічність. Тенденції інституціоналізації соціології в Україні неухильно супроводжуються зростанням питомої ваги її публічності. Особливо це яскраво проявляється в процесі політичних змін, необхідності обговорення актуальних для суспільства соціально-економічних проблем тощо. Це позитивний факт. Адже суспільство потребує компетентних оцінок, прогнозів, яскравих думок, полеміки. Інший аспект

розвитку публічності соціології – це те, що пересічний читач вбачає основне завдання соціології у визначенні (діагностуванні) певних соціальних індикаторів суспільного розвитку. У межах політичного процесу дуже часто – це банальні політичні рейтинги політичних партій та їх лідерів. Відповідно формуються упереджене ставлення до соціології, думка про можливість навіть не фахівців від соціології реалізовувати масові опитування, робити за соціолога-фахівця інтерпретацію одержаного результату та висновки. Це, зрозуміло, відкриває шлях до дилетанства і актуалізує необхідність контролювати цей стихійний процес професійними об'єднаннями та асоціаціями соціологів.

Ще один аспект публічності в контексті останніх політичних подій в державі. Соціологія, представлена результатами екзит-полів, виплеснулася на сторінки преси, телебачення, радіо. При цьому випереджуюча оперативність екзит-полів призвела до активізації прихильників опозиції і по суті після другого туру президентських виборів стала невід'ємною складовою «помаранчевої революції». Відтак в новітній історії України соціологія перетворилася на дієвий інструмент політичного впливу, соціальний засіб політичної агітації. Тобто, соціологія, з одного боку, намагалася діагностувати реальні особливості політичного процесу, з іншого – не усвідомлюючи до кінця власну роль у ньому й, очевидно, того не прагнучи, закликала на бари-кади, долучившись до зародження і розбудови українського Майдану.

Інша проблема публічності соціології вбачається нами у функціонуванні подвійних стандартів поведінки. Подаючи звіт, результати емпіричного дослідження політичному замовнику, соціолог дуже часто втрачає з ними зв'язок у подальшому. Цю прогалину в стані заповнити публікації у мас-медіа, які дуже часто політики подають без відома того ж соціолога, який отримав ту чи іншу інформацію, і яка, зазвичай, у змозі набувати іншого змісту. Тут виникає ще одна проблема, що визначає відповідальність соціолога за власні дії, одержані результати, які згодом набувають здатності набувати публічного характеру.

Відповідальність. Це етичний бік соціології. Виборчий процес в Україні засвідчив, що відповідальність соціолога в політиці є надзвичайно актуальним питанням, що потребує не лише наукових дискусій, а перегляду усєї системи цінностей його професійної діяльності. Особливо це стосується залученості соціологів до формування і реалізації політичних технологій, які, як показали вибори в Україні, стають дедалі агресивнішими і трагічними за своїми наслідками. Тому логічним було б поставити питання про навіть не адміністративну, а про *кримінальну відповідальність* тих осіб, ідеї яких, втілені в політичних технологіях і конкретних політичних діях, спричинили фізичне насилля або знищення політичних опонентів.

У підсумку хочу зазначити, що соціологія тією чи іншою мірою завжди буде присутня в політичному процесі. Яка це буде соціологія, залежатиме від дотримання нею принципів наукової об'єктивності, відповідальності і коректної публічності. Соціологам необхідно об'єднати зусилля у формуванні нового іміджу соціології як науки, що працює не лише з політичними рейтингами, а провадить глибокі наукові дослідження із залученням як кількісних, так і якісних методів. Таких проєктів, які є надзвичайно важливими для поступу держави, з подальшим їх публічним обговоренням.

Відповідаючи на запитання: «Яка частина України більшою мірою скористається з перемоги «помаранчевої революції»?», львів'яни наприкінці січня 2005 р. відповіли так: уся Україна – 72,0%, Захід – 8,2%, м. Київ – 5,1%, Схід – 3,1%, Північ – 0,8%, Південь – 0,2%. Ніхто не скористається – 10,3%. Думаю, що даною дискусією скористається вся українська соціологія, яка повинна вийти більш зміцнілою як у методологічному, так і прикладному відношенні.

Виктор Бурлачук (Київ)

ВЛАСТЬ, РИТУАЛ И «ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Когда социология сталкивается с необходимостью исследовать социальные механизмы, порождающие солидарность, она вынуждена, с одной стороны, признать ограниченность рационального, а с другой – обращаться к теории религии, усматривая в ней первичный пример того, как определение формы социального взаимодействия продуцирует чувство групповых связей.

Опыт тысячелетней истории человечества показал, что одним из главных социальных механизмов, создающих особые формы групповых связей и коллективного чувствования, является ритуал. Было бы наивно полагать, что ритуал остался в далеком прошлом, в эпоху межплеменных войн, бронзового оружия и папирусных свитков. Ритуал всегда появлялся там, где возникала потребность создать группу и групповое единство, где возникала потребность внушить веру и героический энтузиазм. XX в. в своих тоталитарных устремлениях увидел в ритуале, великолепную форму организации массовых движений. Факельные шествия, парады, демонстрации, торжественные собрания гипнотически опьяняли и завораживали огромные массы людей.

В декабре прошлого года Украина продемонстрировала уникальный пример массовой солидарности, когда сотни тысяч людей, объединенные общим чувством, собрались вместе на площади, чтобы протестовать против фальсификации выборов. Происшедшие события можно анализировать, используя различный понятийный аппарат, то ли политологический, то ли конфликтологический, то ли психологический. В данной статье мы попытаемся применить некоторые понятия теории социального ритуала к анализу формы

массового протеста и ставим задачу выяснить: приводит ли участие больших масс людей в определенном социальном процессе к реактивации квазирелигиозных форм поведения? Как описать проявление массового социального протеста, используя такие архаические формы социального поведения, к которым традиционно принадлежат ритуал, обряд, культ?

Сам факт появления в определенном месте больших групп людей заставляет предположить, что в социальную игру вступают силы и механизмы, которые противостоят действию рационализованного индивидуального сознания. Эти силы приводят в движение большие массы людей, ввергая в хаос построения индивидуальной психологии, с ее культом целесообразной деятельности. Аристотелевское определение человека как общественного животного получает новый смысл, когда в движении больших масс людей образуется новый коллективный субъект, поглощающий индивидуальные различия. Сотни людей начинают думать и чувствовать как одно «Я». Это новое коллективное «Я» имеет определенную пространственно-временную локализацию, которую наиболее удобно анализировать при помощи теории ритуала. В отличие от большинства понятий социологии, которые в силу своей теоретической абстрактности, равнодушны к эмпирическим определениям пространства и времени, исследование ритуала опирается на анализ процессов, которые в своем разворачивании структурируются различными пространственно-временными связями.

Пространство и время ритуала

Для своего осуществления ритуал требует определенного места и времени. Таким местом может быть центр города (площадь), священный храм, кладбище и др. Перечисленные понятия имеют значение пограничной зоны, места, где происходит переход из сферы обыденного, повседневного, в мир праздника, торжества, иллюзии, переход из «этого» мира в «иной».

Понятия «этот» и «иной» мир существуют как в мифологическом, так и просвещенном сознании. Мифологическое представление в «этом» мире видит мир нашей повседневной жизни, населенный смертными и бессильными людьми. «Иной» мир оккупируют божественные персонажи, живущие в ином времени, в котором сняты различия между прошлым, настоящим и будущим.

Дуализм «этой» и «иной» реальности существует не только для религиозного сознания, но и в повседневном опыте современного человека. В феноменологической социологии А. Шютца развивается положение о множественных реальностях (реальностях науки, религии, искусства), которые конституирует не онтологическая структура объектов, а значение наших переживаний. Жизнь человека представляет цепь переходов от одной реальности к другой. Если «этот» мир представляет реальность повседневного опыта, то «иной» мир – это мир абсолютных ценностей, царство вечных истин, идеалов добра, справедливости, красоты. Любой утопический проект представляет собой материализацию иного мира.

«Иной» мир может квалифицироваться и как место пребывания власти. Власть по определению всегда иная, она пребывает за границами повседневной жизни. Несмотря на долгую традицию просвещения она по-прежнему сохраняет в себе определения сакрального.

Подобно тому, как гетерогенно пространство ритуала, также гетерогенно и его время. Время ритуала означает остановку или прерывание непрерывного потока профанного времени, времени повседневной жизни. Это время, у которого иной ритм, поскольку цель деятельности ритуала уже присутствует в самом исполнении.

Итак, ритуал производит определенное членение пространства и времени на сакральный центр, с символом божества, если речь идет о религиозном ритуале или с символом политического лидера, если речь идет о политическом митинге. В центре нарушено нормальное течение времени, события там не происходят, а свершаются. Ведь все, что там

не происходит, будет вписано в божественную или человеческую историю; затем место собрания верующих (митингующих), которые как бы приближаются к святыне, к сакральному месту и времени. И, наконец, промежуточное место, которое соединяет в себе элементы сакрального и профанного, место священнослужителей (сторонников политического лидера).

Стоит людям собраться вместе на площади -- и сразу, независимо от их воли, ритуал начинает конституировать условия для своей работы. Появляется сцена или трибуна, которая постепенно приобретает функции сакрального места. Пребывающие на площади временно забывают о суете повседневной жизни, они оставили в другом мире свою жизнь, связи, правила и привычки. Они вступают в новую жизнь, в которой сцена это уже не сцена, а сфера связи с сакральным, где периодически появляются лидеры оппозиции, образуя канал общения между профанным и сакральным, между народом и властью.

Итак, главное условие приведения в действие механизма ритуала состоит в делении пространства на центр и периферию. Если в собравшейся массе не образуется центра, то механизмам ритуала не за что ухватиться. Э. Канетти, исследуя механизмы образования массы (открытая и закрытая массы, массы как кольцо, массы запрета), оставил в стороне способность масс проецировать себя во вне, создавать сакральный фокус, в котором кристаллизуются образы власти. Центр формируется из тех лиц, которые в силу своего статуса обладают способностью фокусировать в себя коллективное возбуждение.

Священное и профанное

В самом делении на центр и периферию потенциально заложено деление на священное и профанное, которое является основополагающим для запуска механизма ритуала, поскольку назначение ритуала быть посредником между этими двумя мирами. Священное не обязательно означает

некую невидимую силу. Им может быть что угодно: от божественных существ до конкретных предметов. Главная его особенность в том, что оно является чем-то экстраординарным, требует к себе особого способа отношения.

В качестве профанного выступают все остальные предметы, которые окружают человека, с которыми он взаимодействует в повседневной жизни. Деление на сакральное и профанное лежит в основе религиозного дуализма, составляющего главный предмет религиозной веры. Однако этот дуализм продолжает жить в общественном сознании, кодируя отношения между сущностью и явлением, ценным и не имеющим ценности, имеющим значение и не имеющим его. Он оказывается важным для совершения ритуала, поскольку ритуал упорядочивает отношения между этими мирами, возвращает разбалансированный мир в состояние гармонии, устанавливает связь времен.

Процесс сакрализации предмета, человека, события является одновременно процессом наделения властью. Сакральное и власть совпадают в том смысле, что оба несут в себе способность доминирования, способность непосредственно определять жизнь людей. Не случайно для определения специфического воздействия власти М. Вебер использовал понятие харизмы, взятое из религиозной практики.

В современном мире мы можем наблюдать меняющуюся морфологию сакрального, которое покидает храмы, чтобы обосноваться среди болельщиков футбольной команды, фанатов рок-певца или сторонников политического лидера.

Центр, который образуется в результате первоначального деления массы, с одной стороны, сакрализуется, а с другой -- выступает формой репрезентации власти. Занять место в центре может не любой человек, а только тот, кто обладает определенным статусом: им может быть лидер оппозиции, известный певец или спортсмен. Центр фокусирует в себе эмоции людей, которые, будучи собранными, снова отражаются в массу, заставляя ее переживания двигаться в определенном направлении.

Как только появляется сакральный центр (место пребывания бога), условия для формирования ритуала выполнены. Центр занимают сакральные фигуры, лидеры оппозиции, к которым переходит жреческая функция, поскольку через них должен осуществляться переход от этого мира в иной, от его деградировавшего состояния к миру целесообразности, закона, порядка. Затем наступает процесс инициации.

Инициация массы

Появление человека на Майдане с целью протеста означает включение в действие механизма изменения идентификации, который предполагает возможный переход от одного социального статуса к другому. Вполне вероятно, что начало изменения идентификации происходит незаметно для самого индивида. Пришедший на площадь не рвет свои старые социальные связи и отношения, как это происходит, например, с туземцем, подвергнувшись обряду инициации. Однако то, что он пришел на площадь, определенным образом меняет его. Он уже не тот человек, который был растворен в стихии повседневной жизни, занятый выполнением определенных социальных ролей. Он осознал, что в его жизнь проникло социальное зло, с которым он пришел бороться.

Временное изменение социального статуса протестующего происходит сообразно действию обряда перехода (инициации), обладающего, как правило, трехчастной структурой. Первоначально подвергаемый инициации отделяется от своей первоначальной роли. Отделение может происходить разнообразными способами. Суть первой фазы отделения заключается в том, что посвящаемый изымается из привычного существования. На какое-то время он превращается в «анормального человека», пребывающего в «анормальном времени». Мы уже говорили, что особой организации пространства ритуала соответствует особое течение времени. В нашем случае, участник «оранжевой революции», потеряв свой прежний статус, на какое-то время перестав быть

студентом, служащим, рабочим, бомжом, живет в палатке, поставленной на площади, испытывая все прелести инициации (холод, болезни, страх подвергнуться нападению).

Вслед за обрядом отделения наступает период социального безвременья, который может длиться несколько мгновений, а может растянуться на месяцы. Общим признаком промежуточных обрядов, как отмечают антропологи, служит физическое удержание объекта инициации на удалении от обычных людей, от повседневной жизни: его либо отсылают, совершенно лишая привычного окружения, либо временно помещают в замкнутое пространство. Участник «оранжевой революции» психологически постоянно переживал состояние социального безвременья, когда старая власть не ушла, а новая не могла утвердиться. Новому маргинальному положению соответствует новый костюм: оранжевая куртка и оранжевая каска, или оранжевая ленточка.

Согласно логике ритуала, человек, подвергающийся инициации, представляет особую угрозу для общества. Ведь он как бы вышел за границы всех социальных ролей, которые он выполнял в повседневной жизни, он воплощает в себе возможный хаос социальной жизни. Не случайно долгое пребывание людей в палатках стало вызывать протесты со стороны уставших от революции граждан.

Наконец, в третьей фазе человек, подвергшийся инициации, возвращается в нормальное общество и приспособляется к своей новой роли. Знаки отличия, надетые на время «маргинального состояния», снимаются, он получает грамоту участника «оранжевой революции» и в зависимости от удаленности или приближенности к сакральному центру — новый социальный статус.

Анормальное состояние, которое переживал участник революции, пребывая вне статуса, вне общества, вне времени, означает разрыв в непрерывности социального времени. Оно моделирует состояние первоначального хаоса, из которого должны появиться новые социальные институты. Это ситуация рождения и смерти, и она представляет наиболее опасный период в существовании общества, когда общество

может скатиться в хаос гражданской войны. «Религиозная мысль действительно различает два этих момента; она считает их независимыми один от другого, даже разделенными промежутком, который может превратиться в настоящую пропасть, куда рискует провалиться вся культура целиком»¹.

Разрыв непрерывности социального времени, связанный с выборами президента, означающий конец одного периода и начало другого, был воспринят общественным сознанием в полном соответствии с логикой ритуала, в символах смерти и рождения. Многие политологи заговорили о смерти старого общества, смерти «кучмизма» и о рождении нового общества, украинской нации.

Было ошибкой анализировать поведение возмущенной толпы, исходя из логики какого-нибудь одного ритуала. Структура протестующей толпы полиморфна, и в ней прослеживаются черты различных ритуальных практик.

Кроме обряда инициации в современном политическом ритуале можно различить и черты обряда жертвоприношения с его главными фигурами: жертвователя, жреца и жертвы.

Жертва

Важным фактором обретения солидарности является сакральная жертва. Она открывает процесс трансформации и сакрализации жертвователя. Обладая статусом сакральности, жертва сакрализует и самого жертвователя. В результате процесса жертвоприношения сакральной жертвы, жертвователь (в данном случае народ) проходит ряд символических церемоний, которые лишают его прежней сущности, чтобы возродиться в новом качестве. В этом можно увидеть близость обряда жертвоприношения обряду инициации. Понятно, что для революции такой жертвой будет старая власть.

¹ Жирар Р. Насилие и священное. – М., 2000. – С. 341.

Метонимически президент выполняет функцию старого бога, который из-за ряда табу, связанных с ним, уносит с собой болезнь, смерть, грех, играя роль искупительной жертвы, козла отпущения. Он являлся виновником насилия и беспорядка, пока оставался при власти, но предстает своего рода искупителем, как только оказывается устранен. Он – вместилище отвратительной скверны, вселенского позора. Логика ритуала превращает президента в воплощение предельной нечистоты. Одновременно эту нечистоту символизирует его преемник, человек с уголовным прошлым. Очищение общества может произойти только в том случае, если жертва сконцентрирует в себе всю мерзость общества. Поэтому так часто звучало обвинение в том, что президент – убийца. Одновременно можно было наблюдать, как президент утрачивал свои человеческие качества. У демонстрантов на площади появляется портрет президента в виде уродливого гнома с длинными ушками и подписью «Кучмо». Жертвовање старой властью сродни акту отцеубийства, который помогает мобилизовать группу, заставляет ее пережить ужас, происходящих событий, чтобы не допустить их повторения.

Посредством жертвы осуществляется доступ в сферу сакрального, поскольку сама жертва или сакрализуется, или уже носит характер сакрального.

Непрерывный характер ритуала дает возможность контролировать группу. Со стороны лидеров оппозиции неоднократно звучали призывы не покидать площадь, стоять на ней до конца, пока жертвоприношение не закончится успешно. Перерыв в течение ритуала может послужить толчком к началу разрушения группы, распадающаяся группа перестает воспринимать себя как целое, перестает жить одними чувствами.

Ритуал – материализатор идей

Ритуал переводит абстрактные идеи в материальные объекты, жесты и символы. Например, ритуал вассалитета

конкретизирует идею служения, когда вассал вкладывает свои сложенные руки в руки своего господина, который обхватывает их своими. Английский антрополог Э. Лич отмечал, что, переводя идеи в материальные объекты вне нас, мы придаем им относительное постоянство, и в этой постоянной форме можем подвергнуть их техническим операциям, которые недоступны разуму, если он действует сам по себе. Если мы намерены полноценно обдумывать идеи, выраженные такими словами как «бог» и «дух», то должны материализовать их. Мы это делаем двумя способами: рассказывая истории, мифы, в которых метафизические идеи представлены действиями сверхъестественных существ, создавая особые материальные объекты, сооружения и пространства, которые служат воплощением метафизических идей и соответствующей им ментальной среды².

Человек пришел на площадь, чтобы выразить свой протест против действий власти. Но самой власти на площади нет. Она на площади существует виртуально, так же как Бог. Предполагается, что власть существует и что ей будет известно о нашем протесте.

Какие же истории рассказываются на площади? Это истории о власти. Истории о коррумпированной, жадной и преступной власти, которая привела общество на порог катастрофы, и истории о новой власти, доброй и справедливой, которая не будет воровать и брать взятки. В рассказах и представлениях на сцене власть материализуется, получает облик и характер. Рассказанные истории замещают власть, образуя ряд символов способных имитировать ее присутствие.

Наряду с символизацией власти происходит и символизация собравшихся на площади людей. Они перестают существовать в качестве отдельных изолированных индивидов, играющих те или иные социальные роли. Они превращаются в народ, в единую социальную группу. Эмблемой этого превращения становится оранжевая ленточка, которой

² Лич Э. Культура и коммуникация. – М., 2001. – С. 48–49.

они себя украшают. Посредством ленты участники митинга идентифицируют себя друг с другом и с группой в целом.

Ритуал и диалектика чувств

Зафиксируем первоначально те ощущения, которые привели людей на площадь. Скорее всего, это чувство несправедливости, которое возникает чаще всего тогда, когда человек чувствует себя обманутым, когда он чего-то не получил, что рассчитывал получить по праву. Сами чувства не сформировались сами по себе, в их появлении большую роль сыграли масс-медиа, поскольку, вероятно, большинство из собравшихся на площади не были непосредственными свидетелями фальсификации выборов. Первоначально данное чувство целиком субъективно, оно представляет собой некое возбуждение, возникшее в результате осознания определенной ситуации. С приходом на площадь начинается его динамика, оно захватывается определенными механизмами, принуждающими его к развитию. Присутствие других людей дает начало трансформации данного чувства. Прежде всего, чувство усиливается, подкрепляется эмоциями других людей. Усиление происходит за счет выкрикивания общих лозунгов, в которых чувство объективируется и получает предметную форму. Те первоначальные чувства, которые привели к появлению народа на площади, в процессе ритуала начинают трансформироваться. Они двигаются от переживания некоей несправедливости в сторону формирования групповой идентичности и чувства солидарности. Вершиной ритуала является приобретение группой новой идентичности и солидарности: «Мы не быдло, мы не козлы».

У истоков социального

Собрание людей на площади, инициированное определенной социальной проблемой, представляет собой в зародыше модель человеческого общества, противостоящего в своем единстве надвигающемуся хаосу и анархии. Однако

собравшаяся толпа только с первого взгляда может выступать в качестве образа общества. На самом деле это «деградировавшее» общество, поскольку в нем аннулированы все социальные статусы и роли.

Поэтому значение собрания всегда амбивалентно: оно потенциально содержит в себе иррациональную стихию, грозящую разразиться массовыми беспорядками, которая должна непрерывно сдерживаться конституирующими правилами ритуала. Собравшаяся масса содержит в себе и возможность бунта и социального института. В период революции общество символически возвращается к воображаемой эпохе общественного договора. «Учредительное насилие действительно составляет начало всего, что люди выше всего ценят и сильнее всего стараются сохранить. Именно это и утверждают все мифы о первоначале, которые сводятся к убийству мифического существа другими мифическими существами. Это убийство понято как учреждение культурного порядка. От мертвого божества происходят не только обряды, но и матримониальные правила, запреты, все культурные формы, сообщающие людям человечность»³.

В риторике пришедших к власти лидеров оппозиции часто можно услышать замечательную формулу обоснования принимаемых политических решений: «Майдан проголосовал за масштабные реформы, за изменения, поэтому мы должны поступать так-то и так-то». Такая формула предполагает, что между властью и обществом был заключен договор, согласно которому власть берет на себя исполнение ряда обязательств, предъявляемых к ней со стороны общества. В данном случае ритуал начинает выполнять функцию учредительного института, общество как бы возвращается к своему первоначалу, к тому времени, когда был заключен социальный договор. Идея социального договора, которую разрабатывал Ж.-Ж. Руссо, имеет свои ветхозаветные источники, когда в процессе ритуала жертвоприношения Бог заключил договор (завет) с еврейским народом.

Здесь мы вступаем в запутанные символические отношения. Договор никто не подписывал, никто никакого договора реально не заключал, и, тем не менее, договор существует как взаимные обязательства власти и народа.

В данной статье мы все время преодолевали сопротивление других возможных способов описания указанных событий, в которых утверждалось, что события были тщательно организованы, их участники получали деньги, что все происходило по сценарию, разработанному за океаном; или что люди собрались на площадь, чтобы выразить свой протест, что это обычная политическая акция, что протест был услышан, и Верховный суд отменил выборы президента. Указанные способы описания не опровергают другой логики описания, в которой присутствует борьба с социальным злом, сакральная жертва, противоположность сакрального и профанного. У события много логик, здесь мы пытались актуализировать только одну.

³ Жирар Р. Насилие и священное. – М., 2000. – С. 117.

Валерий Казаков (Киев)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИОЛОГИИ И ВЛАСТИ

Вопрос о взаимоотношениях социологии и власти имеет длительную историю, он всегда вызывал и вызывает интерес как ученых, так и политиков, имеет значительную эмоциональную нагрузку и конфликтную составляющую. Более того, существует точка зрения, что страсти относительно его решения в современный период «достигли предела»¹, что подчеркивает актуализацию данной проблемы в настоящее время.

Следует также отметить, что данный вопрос имеет весьма разнообразные формы своего проявления, как более абстрактные, так и более конкретные. К первым можно, например, отнести вопрос о соотношении власти и гуманитарного или социального знания вообще. Ко вторым – вопросы о соотношении социологии и политики, о соотношении социологии и моральных, политических, иных социальных ценностей и идеалов, вопрос о соотношении социологии и блага и т. д.

Среди многих исследователей истории и сущности этого вопроса утвердилось мнение, что существует две точки зрения на его решение: «В течение прошедших 500 лет, и особенно последних 150 лет, существовало два различных способа, с помощью которых интеллектуалы боролись против подавления их самовыражения два совершенно различных способа, отражающих две совершенно различные политические позиции»².

¹ Валлерстайн И. Интеллектуалы в век перехода // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2002. – № 3. – С. 44.

² Там же.

Первое решение: социология в лице своих представителей интеллектуалов должна стремиться к достижению и защите «ценностной нейтральности», их (ее) цель и задача – получение объективной истины, отражение реальной картины социального мира, социальной действительности. Они должны отбрасывать политические и моральные соображения, исходить из принципиального различия существующего и должного. Часто сторонники такого решения ссылаются на авторитет и мнение Макса Вебера, который писал, что «Социальные науки, являющиеся строго эмпирическими науками, менее всего могут претендовать на то, чтобы избавить человека от бремени выбора и поэтому им не следует создавать впечатление, что они могут это сделать»³. Как правило, этой точки зрения придерживаются интеллектуалы, стремящиеся оградить свою исследовательскую деятельность от внешнего политического давления любых властвующих субъектов, желающих получить от науки благожелательные для себя знания и информацию и освещение-обоснование своей деятельности, часто волонтаристической и корыстной. А также интеллектуалы, стремящиеся снять с себя ответственность за полученные научные результаты, часто не воспринимаемые и отрицаемые властью, ей критикуемые и квалифицируемые как «ошибка», «ложь», «заблуждение» и т. д. Одним из преимуществ этой точки зрения является ее толерантность, ориентированность на консенсуальность и диалогичность. В ее рамках могут мирно сосуществовать несколько конкурирующих истин, но между ними исключена политическая борьба за получение статуса единственно верной истины или «истины в последней инстанции».

Второе решение. Его сторонники утверждают, что, собственно, «ценностная нейтральность» в социальном знании, и в социологии в том числе, отсутствует, ее не может быть. Это следует уже из того, что сама «точная дефиниция ценностной нейтральности является предметом полемики»⁴.

³ Цит. по: Валлерстайн И. Интеллектуалы в век перехода... – С. 45.

⁴ Там же.

Во-вторых, сама идея ценностной нейтральности соответствует идеологии, именно идеологии, а не объективному и нейтральному знанию, либерализма, и в силу этого ее необходимо с позиции нейтральности ставить под сомнение. Более того, в-третьих, эта идея имеет предписательный характер, она даже не говорит, а приказывает, что с какой целью должен делать ученый. Она представляет собой не просто описание тех или иных процедур и средств научной деятельности, а их навязывание. В-четвертых, полностью ценностно-нейтральных знаний просто не существует. Многие идеи, концепции, теории любой отрасли социального знания, включая социологию, не являются в совершенно точном смысле ценностно-нейтральными, они лишь частично отражают действительность, включая в себя, возможно совершенно специально и целенаправленно, элементы «заблуждения», «лжи», имеющие идеологический характер.

Далее, в-пятых, сторонники первого варианта решения вопроса лишь прикрываются этой идеей, а фактически латентно в своей практической интеллектуальной деятельности придерживаются второй точки зрения. Они скрыто защищают интересы властвующих субъектов, состоя у них на службе и превращая науку (социологию) в их служанку. Мотивы такой позиции этих интеллектуалов могут быть весьма различны: от страха перед политическим на них давлением со стороны власти, включающего форму прямого физического насилия, до материальной заинтересованности (подкупа) и вполне сознательного и добровольного, исходящего из неких идей и верований, служения властвующим субъектам. Более того, как считал Антонио Грамши, классы и отражающие их интересы политические силы (партии) должны целенаправленно создавать внутри себя, специально готовить в своей среде группы «органических интеллектуалов», которые были бы способны продуцировать знания выражающие интересы этого класса. Еще ранее эту идею об отрицании «ценностной нейтральности» высказывали и другие классики марксизма. В. Ленин, например, писал:

«"Беспристрастной" социальной науки не может быть в обществе, построенном на классово-борьбе. Так или иначе, но вся казенная и либеральная наука *защищает* наемное рабство, а марксизм объявил войну этому рабству. Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличивать плату рабочим, уменьшив прибыль капитала»⁵.

Собственно, этой второй позиции открыто придерживались и придерживаются многие социологи: И. Валлерстайн, А. Турен и другие. Р. Миллс, например, писал в своей книге «Социологическое воображение»: «...ученые все реже обнаруживают склонность к интеллектуальному бунтарству и все чаще к административному практицизму... Обычно принимая статус кво, они формулируют проблемы, исходя из тех трудностей, с которыми сталкиваются администраторы... Они верно служат торговым и корпоративным целям, давая свои рекомендации коммерческой рекламе и средствам массовой коммуникации»⁶. Другие занимают в значительной степени противоречивую, двойственную позицию.

Как представляется автору, обе точки зрения одновременно отражают в значительной степени состояние, существующие в области социального познания (то есть действительно присутствует две группы интеллектуалов, придерживающихся той или иной точки зрения). Более того, сторонники обеих точек зрения объективно отражают в достаточной адекватной мере роль, задачи и цели социологии, ее реально-практическое функционирование. И в целом схематично можно сказать, что правы обе стороны: социология должна производить «ценностно нейтральное» знание, но одновременно она, может быть, и является служанкой властвующих субъектов.

⁵ Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма // Полн. собр. соч. – Т. 23. – С. 40.

⁶ Цит. по: Коровин В.Ф. Основные проблемы «новой социологии» Райта Миллса. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1977. – С. 65.

Правда, такие ответы на взаимоотношения социологии и власти, как представляется, являются схематичными и односторонними, неполными, а главное – недостаточными для современного уровня решения указанной проблемы. Последнее зависит от многих факторов, например, от понимания ситуации, в которой происходит взаимодействие, но, вероятно, самым главным фактором являются ответы на вопросы: что такое социология и что такое власть?

Власть. В научной литературе существует множество определений этого феномена, часто весьма различающихся между собой, но в данной работе нет необходимости обосновывать или доказывать большую степень адекватности какого-либо из них. Как представляется, достаточно лишь одного, с точки зрения автора, наиболее верно отражающего современную сущность данного феномена. А именно, исходя из некоторых идей известного французского социолога Алена Турена, можно понимать под властью возможность какого-либо актера, его потенциальную способность производить и навязывать иным субъектам потребности, интересы и ценности, выражающие его собственные разнообразные потребности, интересы и ценности (идеалы), а также контролировать их удовлетворение, реализацию и достижение. При таком понимании власти для нее важнейшим или дефицитным ресурсом становится не военная, политическая или иная материализованная в каких-либо государственных структурах сила, использующая насилие, не финансово-экономический или материально-производственный капитал, а капитал социальный, интеллектуальный, информация и знания, умение их активно, творчески и эффективно использовать. Актеры становятся властвующими, когда они создают или оказываются способны во все большей мере влиять на спрос индивидов, социальных групп и общества в целом, то есть создавать для них стандартные, индивидуальные или групповые модели потребления.

С этой точки зрения властвующими являются самые разнообразные социальные субъекты. К ним относятся не только государственный аппарат и его структуры, но и иные

социальные институты (гражданское общество), организации и даже отдельные лица, например, те же самые интеллектуалы, имеющие в обществе значительный авторитет и влияние или просто обладающие значительным объемом актуальных знаний, на которые в обществе возникает спрос.

Все эти субъекты, включающие интеллектуалов, в число которых входят и социологи, стихийно, самоорганизуясь или целенаправленно формируют некую целостную структурированную, но открытую систему. Несмотря на свою целостность, система состоит из разных, а не однопорядковых или однокачественных субъектов, между которыми возникает конкуренция и которые оказываются способны производить и производят разнокачественные потребности, интересы и ценности. Поэтому они могут формироваться, как целенаправленно, вполне сознательно, так и стихийно на базе бессознательного при помощи стереотипов, символов, менталитета или быть некой равнодействующей усилий и действий конкурирующих властвующих субъектов.

Их система является сложной и многоуровневой, можно даже сказать многопространственной, напоминающей во многом пирамиду. Ее основой (самый нижний уровень пирамиды) является практически каждый гражданин государства как избиратель, который создает потребность борьбы за свой голос у разнообразных политических сил. Он одновременно может как властвующий субъект присутствовать и на других более высоких уровнях системы, но уже с иным статусом и благодаря иному признаку своей идентичности – как член политической партии, ее руководящих органов, как избранный в законодательные органы власти или местного самоуправления, как назначенный или прошедший по конкурсу на ту или иную должность в аппарате исполнительной власти и т. д. На более высоких уровнях системы в соответствии со своим социально-политическим или иным статусом могут находиться различные политические, общественные, экономические, социокультурные и иные организации и институты. Они вследствие своей сложной организационной структуры могут также одновременно

находиться на нескольких уровнях системы: первичные местные организации на одном более низком уровне, центральные органы и общенациональная организация на других более высоких уровнях.

Собственно, ни один из элементов системы, то есть властвующих субъектов, не может быть полностью отождествлен с властью вообще, властью как таковой. Или необходимо различать властвующий субъект и власть, как некую силу, которая не может принадлежать конкретному субъекту, которая подчиняет его себе, которая противостоит ему. Сам конкретный властвующий субъект подчинен власти как некой абсолютной силе, стоящей над ним. Он вынужден подчиняться и вынужден подчинять. На более низких уровнях системы субъект более подчинен сам, чем подчиняет других, он значительно ограничен в своей свободе и обладает незначительной степенью ответственности. Но и на самых высших уровнях системы конкретный субъект ограничен в своей свободе, включая свободу выбора, и вынужден подчиняться власти как некоему абсолюту. Власть с этой точки зрения — это персонифицированная целостная система властвующих субъектов, которая не может сводиться только к одному из них или даже к их части. То есть любой властвующий субъект есть субъект подчиненный, объективно, вне своей воли, вынужденный подчиняться и поэтому ограниченный в своей свободе. Часто его заставляют, вынуждают делать что-либо вопреки его воле, желаниям и знаниям.

Социология. Ее тоже можно рассматривать как некую совокупность субъектов, как некую систему, также близкую по своей структуре, хотя и в меньшей степени, чем власть, к пирамиде. Причем пирамида власти и пирамида социологии частично перекрещиваются, сливаются, так как, с изложенной выше точки зрения, сама социология может рассматриваться как власть, ибо способна создавать и создает у многих потребность в истине. Кроме того, как указывалось, социологи, как и любые интеллектуалы, например, в качестве избирателей, являются элементами структуры пирамиды власти. Но они могут находиться и находятся не только на

самых ее низких уровнях, но и на других, более высоких. В этом качестве они выполняют не только роль социологов, но и властвующих субъектов и вынуждены подчиняться власти как таковой. Происходит раздвоение социолога, а если он одновременно находится на нескольких уровнях пирамиды власти (что вполне возможно), то и его растрояние, расчленение и т. д. Он становится многоликим, противоречивым. Чем более он становится властвующим, тем более он становится зависимым и ограниченным в своей свободе. Он приобретает больше властных полномочий, но и в большей мере ограничивается его возможность свободы выбора. Чем больше объем его властных полномочий, тем в меньшей мере он выполняет функции социолога, стремящегося как ученый лишь к постижению объективно-нейтральной истины. Для него в большей мере становится значимым ее использование для конструирования объективной реальности, но такое ее конструирование, которое отвечает в большей мере интересам власти как таковой. Он трансформируется из социолога сначала в политтехнолога, а затем в политика. Он уже не просто познает истину, а навязывает обществу, другим субъектам некие теоретические конструкции, которые считает истиной, которые признает за нее, но которые могут быть мифом, ошибкой, заблуждением и т. д.

С другой стороны, все в большей мере приобретая качества властвующего субъекта, увеличивая объем своих властных полномочий, он во все большей мере оказывается склонным считать нечто признаваемое им за истину «истиной в последней инстанции», постижение которой во все большей мере происходит не посредством диалогичности, а утверждением силой при помощи власти. Указанные выше как преимущества тенденции к толерантности, ориентированности на консенсуальность и диалогичность уступают место нетерпимости, превращающейся в фундаментализм и даже в фанатизм, а также диктату и тоталитаризму, принимающих наукообразные формы. Эти тенденции усиливаются и тем обстоятельством, что трансформирующийся в политтехнолога и особенно в политика ученый-социолог

не может быть только ученым или «чистым ученым», он по причине дефицита времени, имеющихся у него сил и энергии, оказывается неспособным выполнять полностью, а значит достаточно эффективно функции ученого.

Когда представители какого-либо научного направления во все большей мере постепенно перемещаются из науки в политику, сама наука постепенно превращается в утопию (в худшем понимании этого слова), в совокупность схоластических, мало связанных между собой догм, мифологизируется. Такой путь постепенного превращения из науки в схоластику прошел, например, марксизм в его советском варианте: от Маркса, в большей мере ученого, к Ленину и Бухарину, в большей мере политикам, а затем к Сталину, Суслову, Брежневу, Яковлеву и другим руководителям Советского Союза, членам Политбюро ЦК КПСС, высказывания которых признавались многими за «вершину развития научной мысли», «истиной в последней инстанции».

К сожалению, следует согласиться с Н. Паниной, что в настоящее время украинская «социология слишком резко вышла за пределы научного института в социально-политическую практику. Если ранее профессия «социолог» в основном определяла род деятельности ученого, то в настоящее время социология наряду с этим охватывает и чрезвычайно расширившуюся сферу информационного производства, и новую для нашего общества сферу маркетинговых отношений с широким кругом заказчиков. Такое расширение общественных функций без необходимой институциональной опоры породило множество проблем моральной и правовой регламентации профессиональной деятельности. В результате социология оказалась под прессом, как общенациональных проблем, так и обусловленных ее новой ролью в обществе»⁷.

Конечно, изложенная выше тенденция перемещения ученых, особенно социологов, философов, политологов из

⁷ Панина Н. Профессиональная этика и социология в Украине (к принятию Кодекса профессиональной этики социолога САУ) // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – № 3. – С. 6–7.

науки в политику и трансформация науки в схоластику не является неизбежной. Вместе с тем, она сопровождается и некой противоположной ей тенденцией перемещения политиков, иных общественных деятелей, публицистов в науку, депрофессионализируя и профанационируя последнюю. Как уже отмечено выше, и политика и социология как совокупности неких субъектов являются открытыми системами (иного в настоящее время и не может быть без превращения социологов или политиков в касту неприкасаемых), поэтому, собственно, любой человек, имеющий определенное образование, может назвать себя или считать себя социологом. Кроме того, получение соответствующего образования в настоящее время становится модным и в значительной степени прибыльным. Следует опять же согласиться с Н. Паниной, что «повышение спроса на социологические исследования вызвало большой приток в социологию людей, не имеющих специальной систематической подготовки»⁸, собственно, «самоназванцев». Именно они, с ее точки зрения, являются основной проблемой социологического сообщества.

Вместе с тем, как представляется, проблема не только в самоназванцах, но и несколько шире: в украинском обществе в настоящее время стало модным давать оценки социологии как науке (а не оценки отдельным социологам) людьми не только к ней (социологии) не причастных, но и не относящихся к науке вообще. Раньше «все» разбиралось в футболе, затем в медицине, сейчас стало модным разбираться в социологии и с социологами. В частности, довольно широко распространено мнение о некой «социологической войне рейтингов», «войне экзит-поллов» и т. д., которые якобы ставят под сомнение научность социологии как науки, о том, что это сомнение усиливается благодаря проявившейся неспособности социологов спрогнозировать или предвидеть события осени–зимы 2004 г. в Украине.

Однако, во-первых, о возможности «грузинского варианта» в ходе президентских выборов в Украине широко писала

⁸ Там же. – С. 7.

периодическая печать. Руководители оппозиции широко популяризировали такую возможность (этим фактически подготавливая его осуществление) и не скрывали, что намереваются при не устраивающих их результатах выборов вывести своих сторонников на улицы. В прессе сообщалось о присутствии в Украине членов сербских и грузинских организаций аналогичных украинской «Поре», а также имелась иная информация, подтверждающая возможность такого развития событий.

Во-вторых, одним из первых о возможности «сербского варианта» в Украине заговорил российский социолог и политтехнолог, президент Фонда эффективной политики, Глеб Павловский (кто бы его как бы не оценивал и как бы к нему не относился), который после событий 9 марта 2001 г. в Киеве отметил, что «сравнение ситуации на Украине с Сербией вполне возможно. По формальному признаку. И там, и там реализовался сценарий ультимативной коммуникационной компании, который возможен лишь при высокой степени недоверия народа к действующей власти»⁹. Если принять во внимание, что события в Сербии (как потом и в Грузии) развивались волнообразно и были растянуты в физическом времени, то мартовские столкновения в 2001 г. в Киеве можно было вполне объективно рассматривать как прелюдию к последующим более серьезным акциям оппозиции. Которая, по утверждениям организаторов акции всенародного неповиновения «Восстань, Украина!», уже 16 сентября 2002 г. только на митинг в Киеве собрала 250 тысяч человек¹⁰.

В-третьих, в точке бифуркации, какой несомненно являются массовые акции социального протеста, абсолютно точно предсказать развитие событий просто невозможно. Так, Олвин Тоффлер в предисловии «Наука и изменение» к книге Ильи Пригожина и Изабеллы Стенгерс «Порядок из

⁹ Павловский Г. Мнение экспертов // Комсомольская правда. – 2001, 12 марта.

¹⁰ Котов В., Соколовская Я. В Киеве началась акция протеста // Известия. – 2002, 17 сентября.

хаоса» писал: в «переломный момент (который авторы книги называют *особой точкой* или *точкой бифуркации*) принципиально невозможно предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдет на новый, более дифференцированный и более высокий уровень упорядоченности или организации»¹¹.

То есть, можно сказать: сама идея, что в случае открытого и массового административного давления на избирателя или явной фальсификации выборов возможны и весьма вероятны массовые протестные выступления оппозиции, была довольно очевидной и как бы «носила в воздухе». Однако предсказать, к чему они могут привести, в какой форме будут происходить, в каких масштабах, было принципиально невозможно.

В-четвертых, очень многие социологи, особенно занимающиеся конфликтологией, фиксируют существование ситуации во взаимоотношениях социологии и власти, при которой со стороны последней отсутствует политика сознательной и целенаправленной институционализации конфликтов, как выражения понимания их значимости и учета их специфики¹². Кроме того, отсутствует осознание необходимости проведения тщательной и объективной конфликтологической экспертизы как неперемного условия решения одной из конкретных задач по сохранению общественной стабильности¹³. А в случае ее проведения экспертные оценки и проекто-решения, предоставляемые власти, «повисают

¹¹ Тоффлер О. Наука и изменение // Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – С. 17–18.

¹² Степанов Е.И. Отечественная конфликтология: современное состояние и задачи // Современная конфликтология в контексте культуры мира (Материалы I Международного конгресса конфликтологов). – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 15.

¹³ Глухова А.В. Политическая конфликтология между старыми и новыми походами // Современная конфликтология в контексте культуры мира (Материалы I Международного конгресса конфликтологов). – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 84.

в воздухе как красивые воздушные шары (судьба которых общеизвестна)¹⁴.

То есть в этой ситуации фактически отсутствует реальное и эффективное взаимодействие социологии и власти, отсутствует их взаимопонимание. Эта ситуация «отсутствия понимания» складывается по многим причинам.

В-пятых, это «непонимание» наиболее характерно в Украине проявилось во время событий «бархатной революции», так как социология в целом и результаты проводимых конкретно-социологических исследований позволяли спрогнозировать возможность этих событий.

В частности, в современной научной литературе существует значительное количество концепций, объясняющих условия, основные и ситуативные причины революций, а также иных массовых акций социального протеста (конфликтов в самом широком плане).

Наиболее популярной и широко распространенной, а главное знакомой, в среде отечественных ученых, политиков, публицистов, общественных деятелей и обывателей была и, вероятно, является марксистская концепция в ее различных вариантах, а среди последних – ленинское учение об основном законе революции и революционной ситуации.

В.И. Ленин, в частности, писал, что революция *невозможна* без революционной ситуации, тремя главными признаками которой являются: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы

¹⁴ Проданов В., Владова А. Гражданское общество в контексте культуры мира: идея, структура, эволюция, перспективы // Современная конфликтология в контексте культуры мира (Материалы I Международного конгресса конфликтологов). – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 174.

«верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступлению¹⁵. Далее Ленин подчеркивает, что «без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция по общему правилу невозможна»¹⁶.

То есть для революции как акции массового социального протеста и действия обязательно необходимо «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов»¹⁷, без такого обострения нужды и бедствий угнетенных классов, населения страны, революция невозможна.

Нельзя сказать, что ленинская концепция ошибочна: она действительно верно отражает практику революционных действий в основном исторического периода до середины XX в. и, может быть, весьма актуальна и сегодня. Но, во-первых, она не является универсальной и отражает лишь опыт части революций и иных социальных конфликтов предшествующего периода истории. Поэтому, во-вторых, этой концепции, особенно сегодня, недостаточно для объяснения всех происходящих и возможных социальных катаклизмов и ее необходимо дополнить иными концепциями, объясняющими происхождение революций.

Одной из них является концепция американского социолога Джеймса Дэвиса, использовавшего для ее создания некоторые идеи одного из основоположников социологии Аликсиса Токвиля. В противоположность Ленину Дэвис считает, что «с большей вероятностью революции могут произойти, когда есть улучшения в условиях жизни

¹⁵ Ленин В.И. Крах II Интернационала. – Полн. собр. соч. – Т. 26. – С. 218.

¹⁶ Там же. – С. 218.

¹⁷ Там же. – С. 218.

людей»¹⁸ в периоды экономического роста. Постоянные бедность и лишения, их обострение не делает людей революционерами, они выдерживают эти условия со смирением и неммым отчаянием. В периоды же подъема экономики и, как следствие этого, улучшения повседневных условий жизни у людей растут и жизненные стандарты, ожидания и надежды на еще большие улучшения или вообще на качественное изменение жизни. «Если улучшения повседневных условий не происходит, у людей формируется стремление к возмущению, потому что возросшие ожидания оказались тщетными. Таким образом, протест и в конечном счете революция возможны при некотором улучшении в условиях жизни людей»¹⁹. Это возмущение и выплескивается на улицы, выливается в активный массовый протест «как следствие глубокого разочарования и крушения надежд»²⁰. То есть, с точки зрения Дэвиса, революции результат не абсолютно, а относительного ухудшения жизни людей, результат крушения их ожиданий и надежд.

Эта концепция получила довольно широкое распространение в западной социологии, в частности, ее значимость подчеркнул Э. Гидденс своей книге «Социология», ее придерживается Ральф Дарендорф, который считает, что «взрывы происходят, когда налицо какие-нибудь незначительные перемены – искра надежды, искра раздражения – чаще всего при признаках слабости власть имущих, намеках на политическую реформу»²¹. В свою очередь Сэмюэл Хантингтон одним из факторов демократизации «третьей волны», свершения некоторых так называемых «бархатных революций» считает чрезвычайно быстрый экономический

¹⁸ Гидденс Э. Революции и общественные движения // Диалог. – 1992. – № 6 7. – С. 61.

¹⁹ Там же.

²⁰ Казакова Л.А., Гавлин М.Л. Великий Октябрь и буржуазная «социология революции». – М.: Наука, 1987. – С. 71.

²¹ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – С. 14.

рост, который «дестабилизировал авторитарные режимы, вынуждая их либо либерализоваться, либо усиливать репрессии»²². Более того, он специально подчеркивает, что именно «экономическое развитие создавало базу для демократии»²³. Кроме того, Хантингтон пытается использовать величину валового национального продукта на душу населения (ВНП) как эмпирический показатель возможности осуществления демократизации («бархатной революции», социального конфликта) в тех или иных странах. Так, в частности, он пишет: «...обществоведы, желавшему в середине 1970-х гг. предсказать, где в будущем совершится демократизация, стоило бы попросту ткнуть пальцем в недемократические страны, находящиеся в зоне транзита, с ВНП на душу населения 1000–3000 долларов»²⁴. То есть, с его точки зрения, в более бедных странах, где ВНП на душу населения составлял менее одной тысячи долларов, демократизация была невозможна.

Конечно, это не исключает возможность протекания в этих странах, кроме демократизации, иных социальных конфликтов, включая массовые. Но в целом важна сущность самой концепции Дэвиса, указывающей на возможность свершения, а также раскрывающей факторы и условия не всех, но очень в настоящее время многих социальных конфликтов («бархатных» и иных «цветочных» революций). Данную сущность можно кратко выразить своеобразной формулой из ключевых слов: экономический подъем, надежды и ожидания, их крушение, разочарование и возмущение.

Следует отметить, что концепция Дэвиса, как и марксистская, включая ее ленинский вариант, не является универсальной и полностью достаточной. Однако ее использование как методологической базы для анализа и оценки полученных данных в ходе постоянно проводимого социоло-

²² Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – С. 71.

²³ Там же.

²⁴ Там же. – С. 74.

логического мониторинга в 1994–2004 гг. Институтом социологии НАН Украины совместно с фондом «Демократическая инициатива» и фирмой «Социс» позволяло спрогнозировать, как один из возможных вариантов, события в Украине осенью и зимой 2004–2005 гг., то есть осуществление так называемой «оранжевой революции».

В частности, несомненным было наличие в стране первого из необходимых в соответствии с концепцией Дэвиса условий экономического подъема.

Далее он должен был вызвать рост надежд и ожиданий, что фактически и произошло в Украине. В частности, в ходе исследования, проведенного в 2003 г., на вопрос «Какие чувства у Вас преобладают, когда думаете о будущем Украины? (Отметьте все подходящие ответы)» из десяти, предложенных респондентам, наибольший процент набрало чувство «надежды» – 58,8%, затем чувство «тревоги» – 46,9%, а далее с относительно большим отрывом остальные: «страха» – 22,8%, «растерянности» – 19,8%, «интереса» – 17,0%, «безысходности» – 14,6%, «уверенности» – 9,9%, «радости» – 5,6%, «удовлетворенности» – 3,6%, «безразличия» – 2,9%²⁵.

Если по отношению к чувству «надежды» считать ей противоположным чувство «безысходности», то, несомненно, можно сказать, что чувство «надежды» было во всем обществе если не господствующим, то по крайней мере доминирующим. Конечно, надежды у населения были вызваны не только экономическим подъемом, но и другими факторами, но весьма значимым является то обстоятельство, что у большинства опрошенных (58,8%) «надежда» была главным чувством, которое они испытывали.

Этот вывод прямо или косвенно подтверждается ответами респондентов на другой вопрос мониторинга: «Как Вы считаете, в ближайший год наша жизнь более или менее наладится или никакого улучшения не произойдет?»

²⁵ Українське суспільство – 2003. Соціологічний моніторинг. – К.: Інститут соціології НАН України, 2003. – С. 658.

В течение 1998–2001 гг. основная масса респондентов от 70,3% в 1998 г. (максимум) до 60,4% в 2001 г. (минимум за период 1998–2001 гг.) считала, что «никакого улучшения не будет» («пессимисты»). За этот же период количество неопределившихся, которые заявили, что им «трудно сказать», что-то относительно ответа на этот вопрос, колебалось от минимума в 18,7% в 1998 г. до максимума в 24,2% в 2001 г. (в 2000 г. их было несколько больше – 24,3%). Число тех, кто ответил, что жизнь «более или менее наладится» («оптимисты») за весь период 1998–2004 гг. волнообразно с относительно небольшими скачками колебалось: 1998 г. – 11,1%, 1999 г. – 11,2%, 2000 г. – 19,3%, 2001 г. – 15,1%, 2002 г. – 13,0%, 2003 г. – 12,4%, 2004 г. – 18,4%.

Относительно небольшой рост респондентов-оптимистов в 2004 г. по отношению к 2003 г. на 6%, вероятно, можно объяснить надеждой на предстоящие в 2004 г. президентские выборы. Однако наиболее значимым, как представляется, является существенное изменение (снижение) количества «пессимистов», произошедшее с 2001 г. (с 60,4%) по отношению к 2002 г. до 43,8%. Параллельно скачкообразно увеличилось количество затруднившихся ответить на данный вопрос, то есть, можно сказать, колеблющихся, сомневающих, четко и однозначно не определившихся, продолжающих испытывать чувство «тревоги», с 24,2% в 2001 г. до 43,1% в 2002 г. Практически количество так ответивших увеличилось в два раза, точнее на 78%²⁶.

И хотя эти люди колебались, не определились, испытывали, вероятно, чувство «тревоги», но они уже не относились к «пессимистам», которые с 2002 г. стали составлять меньше половины респондентов. «Колеблющиеся», у которых произошло изменение настроения, чувств и осознание будущего, и у которых именно в этот период стало зарождаться, вероятно, чувство «надежды» вместе с «оптимистами», стали составлять в период 2002–2004 гг. большинство.

²⁶ Українське суспільство 1994–2004: соціологічний моніторинг. – К.: Заповіт, 2004. – С.31.

Можно предположить, что именно с 2002 г. в стране стала возникать довольно острая потенциальная социальная напряженность или революционная ситуация, наиболее характерной чертами которой были доминирующие у населения чувства «надежды» и «тревоги». В условиях президентской избирательной компании оба этих чувства должны были значительно возрасти. Так как основная масса избирателей понимала: эпоха президента Кучмы заканчивается, на новый срок он в соответствии с законом избран быть не может. Выборы нового президента ассоциировались у них с переменами во всей, а не только в политической жизни страны, на них возлагались большие надежды.

И когда эти надежды были поставлены под сомнение, когда в условиях возможности фальсификации выборов они могли не оправдаться, оказавшись очередной иллюзией, значительные массы населения охватило возмущение, которое и выплеснулось на улицы. Не сама откровенная фальсификация, не административное давление на избирателя, не некие моральные обиды, а возможность крушения надежд, связанных с возможными переменами, вывела людей на Майдан.

В данном случае можно констатировать наличие ситуации «отсутствия понимания» во взаимоотношениях между социологией и властью, во взаимодействиях между властвующими субъектами и субъектами социологии. Как уже отмечалось, эта ситуация складывается по многим причинам. Некоторые из них отмечены выше. К ним можно отнести многоликость и противоречивость субъектов социологии, а также властвующих актеров, их многоуровневость, многопространственность, подчиненность власти, ограниченность свободы выбора и все возрастающее стремление к конструированию реальности, волевое и силовое установление значимости истины в форме «истины в последней инстанции», ее навязывание другим субъектам, потеря наукой диалогичности, толерантности, ее мифологизация и схоластика, циркуляция властвующих актеров и субъектов социологии

между собой, информационные пробки, перегруженность или недостаток информации (информационный вакуум) и т. д.

В результате возникновения ситуации «отсутствия понимания» социология как наука, стремящаяся к производству объективной истины, трансформируется, как отмечено, в идеологизированную схоластику, имеющую наукообразную форму. Она оказывается, как власть, недостаточно подготовленной к реализации своих властных полномочий, направленных на создание у общества и иных акторов спроса на истину.

Светлана Климова (Москва)

РЕСПОНСИВНОСТЬ ВЛАСТИ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Многоуровневые политические и социокультурные трансформации всего комплекса отношений как в российском, так и в украинском обществе изменили принципы социальной интеграции.

Были созданы новые политические и структурно-институциональные возможности. Но механизмы социальной интеграции оказались неприспособленными для оперативного реагирования на новые вызовы. Одним из главных таких «вызовов» является ситуация общественной дезинтеграции. Возникли *практические задачи* по преодолению конфронтации в обществе, институционализации протестных и конфликтных взаимодействий, поиску оснований для национально-государственной солидарности.

Не структурированное, не скрепленное горизонтальными связями (в виде политических партий и общественных организаций) общество подвержено довольно существенным колебаниям симпатий и антипатий, зависящих от политической конъюнктуры.

Как показывает российский опыт, деятельность по решению проблемы социальной интеграции не может ограничиваться сферой идеологии. Дело в том, что восприятие интеграционных концептов и идей не может формироваться вне смысловых связей с образами государства, страны и частной жизни людей в этой стране. Идеологемы, взятые сами по себе, содержательно пусты, либо смысл их искажается до неузнаваемости. Например, представители элиты могут оживленно дискутировать о возможности или невозможности передела собственности, но дискуссионты крайне редко затрудняют себя ответом на вопрос: какое отношение

передел собственности имеет к частной жизни рядового гражданина. Когда Фонд «Общественное мнение» задал вопрос, что такое «передел собственности», были получены и ответы типа: «когда покупаешь велосипед и переделаешь его в мотоцикл».

Восприятие идеологием всегда контекстуально – опутано целой сетью интерпретаций, смыслов, установок, более или менее достоверных, устойчивых и осмысленных. Если нет контекста, связи с частной жизнью каждого человека, идеологические клише «единство», «патриотизм», «общественное согласие» становятся симулякрами.

Образцы того, как интерпретировать те или иные ценности, символы, понятия, задаются и транслируются элитными группами в обществе, теми, кто обладает значительными социальными ресурсами, в том числе и ресурсами экспертного знания.

Вместе с тем, именно люди в конечном итоге решают, чем на самом деле являются все эти ценности и концепты. Граждане, к которым обращены интеграционные призывы, воспринимают не только их символическое и идеологическое содержание, но и образцы поведения, которым следуют «элитные» (в широком смысле этого слова, то есть обладающие большими, выше среднего возможностями) группы. Например, в России именно по причине расхождения между идеологемами и поведением элитных групп общество не только осталось равнодушным к судьбе собственников ЮКОСа, но и выразило недоверие на Думских выборах тем политикам, которые выступили в их защиту. Люди называют «произволом» действия глав собственных регионов, торгующих вверенными им ресурсами территорий. Типичный глава региона, по мнению многих респондентов, – «умный, хорошо образованный вор». Именно поэтому россияне восприняли с одобрением решение Президента отменить выборы губернаторов.

Наше недавнее исследование восприятия идеологием о росте ВВП, призванное повысить социальный оптимизм и увеличить трудовую активность, показало, что тех, кто

думает, что увеличение ВВП повысит благосостояние их семьи, в конце 2004 г. было 40% – на 17% меньше, чем полтора года назад. Это значит, что лозунг удвоения ВВП перестает играть мобилизующую роль (будь то социальная или трудовая активность или лояльность к власти) и не добавляет социального оптимизма по мере того, как граждане убеждаются в том, что растущий ВВП идет не на то, чтобы улучшить жизнь людей. Это значит, что, возможно, для каких-то элитных групп рост ВВП и оборачивается реальным благом, но для большинства населения он остается пустым звуком.

Формируется другая цепочка представлений: если правительство говорит о росте экономики, а мы этого роста не ощущаем, значит, экономическая ситуация в стране лучше, чем у нас в городе, на предприятии, в семье. Из этого следует, что в стране экономическая ситуация благоприятная, но правительство по каким-то причинам не хочет вкладывать деньги в развитие производства, в образование и здравоохранение, помогать малоимущим. Формируются «обыденные теории»; которые мало того что не соответствуют мобилизационным интенциям лозунга о росте ВВП, но работают в прямо противоположном направлении – на идеологему об «антинародном правительстве» и на рост социальной напряженности в обществе. «Нефтедоллары не служат бедным» – этот вывод экономистов услышан, потому что он совпал с повседневным опытом людей. Но это не просто вывод о ситуации. Это еще социальный факт, который формирует обыденные представления о стране, о времени и о себе.

Если же экономическая ситуация в стране плохая, то нужно говорить не о росте ВВП, а о том, что этому мешает, и как решить проблему экономического роста. Вероятно, здесь есть просчеты в информационной политике. Дело в том, что социальные проблемы, которые понятийно не оформлены как повседневные теории, начинают ощущаться как социальное беспокойство. Эмоциональный дискомфорт без осознания истоков и способов решения этих проблем стимулирует спонтанное недовольство, которое усиливается в тех

случаях, когда официальные версии состояния дел слишком сильно расходятся с повседневным опытом. До тех пор, пока отсутствуют субъекты, способные снабдить это недовольство идеологией (обозначить причины и виновных в возникновении проблем и способы их решения) и организовать недовольных, оно может «тлеть», существовать в зачаточном состоянии. Но оно может вылиться и в стихийные выступления. Формы, адресаты и поводы таких выступлений во многом определяются конкретной ситуацией и тем, кто окажется субъектом таких выступлений.

Немецкий социолог Макс Шелер писал о разрушительной силе ситуации, когда люди могут сравнивать себя и свою жизнь с каким-либо образцом или эталоном, но при этом осознают, что «не имеют права сравниться», стать «таким же». В результате человек лишается оснований для позитивной оценки себя и собственной жизни. Сегодня кажется тривиальной мысль, что богатства и власти невозможно достичь «честным путем». Приблизительно 30% отвечающих на открытый вопрос о причинах такой ситуации говорят о социально-экономическом неравенстве, разделении людей на «бедных» и «богатых». Среди ответов, заканчивающих предложение «*Наше общество делится на...*», эта дихотомия является безусловным лидером: 61% от числа всех респондентов¹.

Ключевой характеристикой позиции власти во взаимодействии с обществом является *респонсивность* – организованная способность воспринимать воздействие и отзываться на него. А. Этциони, разрабатывая концепцию респонсивности, увязал ее с понятиями модернизации, интеграции и социальных изменений. Эта концепция помогает увидеть, где происходят нарушения механизмов обратной связи (см. *рис.1*).

¹ Общероссийский опрос населения по репрезентативной выборке 1500 человек в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон России. 11–12 января 2002 г.

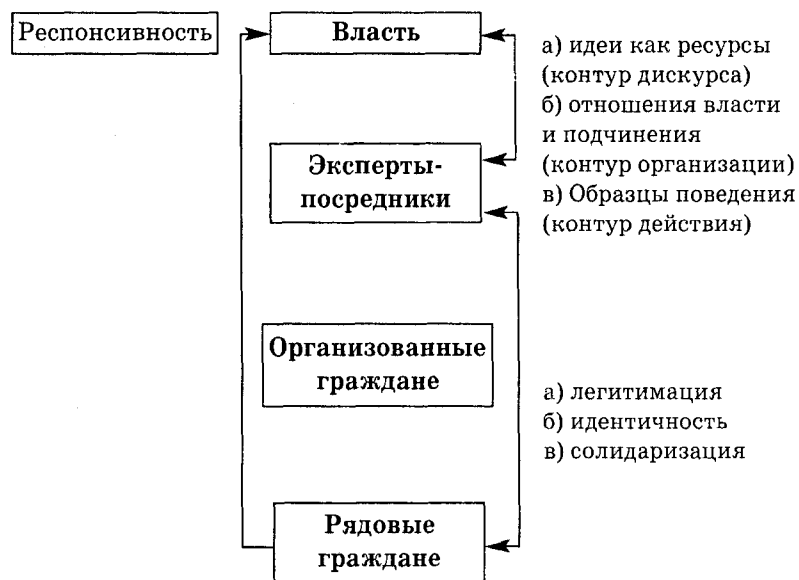

Рисунок 1. Модель интегративных процессов

В соответствии с концепцией Этциони, схематично механизмы обратной связи можно описать как состоящие из трех «контуров». Это «контур дискурса», «контур организации» и третий – «контур действия».

Контур дискурса – это совокупность ценностных доминант, специфических интерпретаций актуальных проблем, более или менее систематизированный набор понятий, идей, стереотипов, предрассудков, а также контекстуально сфокусированных целей и задач. Дискурс делает возможными и конституирует процессы наделяния значениями и предписания правил. Тем самым он не просто задает поле для коммуникативных событий, но и представляет собой систематизированную коллективную интенциональность. В качестве составных частей могут быть выделены: *ценностно-мировоззренческий комплекс, система правил и система целей*.

Дискурс возникает вокруг некоторой *культурной модели*. Последняя представляет собой совокупность ориентаций (культурных, когнитивных, этических, экономических и т. д.), поддерживаемых определенными социальными слоями и институционализирующихся через общественную практику. Такой культурной моделью на протяжении всей второй половины XX в. и начала нового тысячелетия являются стандарты западной демократии.

Носители и проводники культурной модели стремятся инвестировать ресурсы в социальную практику так, чтобы обеспечить свое воспроизводство и определенный объем властно-управленческих возможностей. Так возникает *организационная структура* – совокупность институтов, поддерживающих практики, которые соответствуют культурной модели (например, культурной модели западной демократии соответствуют выборы, забастовки, свобода прессы и пр.).

Когерентность контура дискурса и контура организации обеспечивается и проявляется в деятельностной практике. Именно здесь возникает больше всего проблем. Дело в том, что люди могут воспринимать предлагаемую культурную модель как релевантную их побуждениям и их собственной «картине мира», но могут и не воспринимать ее в этом качестве. Это – процесс легитимации. Процесс легитимации развивается на фоне другого процесса – формирования социальной идентичности людей, ориентирующихся на культурную модель. Оба процесса базируются на ценностно-мировоззренческом консенсусе, который способствует принятию и усвоению основных концептуальных положений культурной модели. Например, по данным опроса Института Социологии РАН, сегодня уже 95% граждан России называют себя «россиянами»². Вместе с тем, почти 44% опрошенных пре-

² Опрос проводился в 2002 г. Центром изучения социальных трансформаций Института социологии РАН под руководством проф. В.А. Ядова в рамках сравнительного исследования идентичности россиян и поляков. Исследование проводилось совместно с Институтом социологии Варшавы. Руководитель с польской стороны – К. Козела.

бывают в состоянии своеобразной идентификационной раздвоенности, продолжая называть себя советскими людьми.

Можно предположить, что чем определеннее выражена ценностная компонента, тем более четкими будут идентификационные ориентиры для людей, а процесс легитимации получит дополнительные основания. Если говорить о россиянах, ценность «западной» культурной модели для значительной части российского общества (около четверти) не очевидна. У большинства россиян (примерно 70%) есть ощущение географической и духовной близости с Европой, а также желание более тесных контактов с европейцами: свободных поездок, более интенсивного обмена материальными и культурными ценностями, трансляции демократических институтов. Но есть и скептики, которые против экономического и политического сближения со странами Европы. Они утверждают, что Россия всегда будет в этом союзе «младшим партнером», что слишком велики экономические и культурные различия между Россией и ведущими европейскими державами; что нужно будет отказываться от части суверенитета в политике и экономике.

Роль экспертов в обеспечении респонсивности власти, а значит, и в национально-государственной интеграции состоит не только в том, чтобы перевести желательную культурную модель на язык повседневных понятий, но и в том, чтобы быть посредниками там, где существуют ценностные или идентификационные конфликты. Иными словами, эксперты – посредники призваны выполнять *интегративную функцию*. Существует три типа экспертов – посредников между властью и рядовыми гражданами. Первый – те, кто имеет институциональный статус в структуре государственной власти: суды, прокуратура. Второй тип представлен «экспертами по обществу – теми, кто объясняет власти состояние общества и транслирует ожидания общества властям: социологи, экономисты, журналисты. Третий тип представлен элементами гражданского общества: профсоюзы, партии, общественные организации.

Известный польский социолог П. Штомпка, описывая процесс изживания травм переходного периода в Польше, подчеркивает, что именно институциональные структуры помогают гражданам адаптироваться в меняющемся обществе. «Отдел жалоб граждан на правительственных чиновников весьма активен в защите гражданских прав; свободные, независимые СМИ делают прозрачной политическую жизнь, выявляют злоупотребления властью. Демократия укрепляет чувство стабильности, безопасности, ответственности и прозрачности... Стабильность и устойчивость торговли, безопасность деловой среды способствуют экономической жизнедеятельности»³. Далее он отмечает, что быстро увеличивается число добровольных ассоциаций, клубов и организаций, растет социальное участие, придавая людям чувство безопасности. Наряду с этими новыми формами социальной интеграции, конечно, сохранили свою роль личные связи, унаследованные от коммунистического периода, когда внутренняя ссылка, уход в частную жизнь были средствами адаптации. Но такие стратегии стали нетипичными. Чаще всего люди создают разные ассоциации, которые помогают им преодолевать травмирующие ситуации, в рамках легальных, законных практик.

В России же с объявлением «демократии» личные и институциональные структуры не прекратили «параллельного существования». Россияне не хотят встраиваться в созданные сверху социальные структуры (в том числе партии, профсоюзы) и не очень готовы создавать их сами. Чтобы объяснить факт отчуждения, используем слово «рессентимент». Это такое состояние, когда человек (или общество) переживает проблему, которую он (оно) вначале не может, а потом и не хочет решить, потому что сживается с этим состоянием и начинает находить его естественным. Возникает чувство апатии; и девальвация, уничтожение «другого» не излечивает душу, а делает этот самый

³ Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе / Социолог. исслед. – № 2. – 2001. – С. 10–11.

рессентимент еще глубже, потому что так удобнее: не нужно ничего делать. Самоаттестация и самооправдание строится в таком состоянии на двух постулатах: «Я – неудачник», «Виноваты в этом другие». Постсоциалистическая травма еще далеко не изжита нашими согражданами, и ожидать, что она «заживет сама собой», нужно будет очень долго. Преодолевать рессентимент, это смешанное чувство апатии, обиды и бессильного желания мести, нужно не только для построения институтов гражданского общества. Без выхода из этого состояния невозможен и экономический рост, потому что невозможна мобилизация сверхнормативной активности. Человек в таком состоянии будет работать «от сих до сих», стараться не проявлять инициативу и не делать лучше тогда, когда «и так сойдет». Для политиков это состояние неустойчивого равновесия тоже должно быть не очень комфортным (если они это осознают), потому что такая сложная социальная структура, как современное общество, не может быть устойчивым, имея только две точки опоры: первичные, то есть естественные структуры (семья), и общегражданская идентичность.

Игорь Рущенко (Харьков)

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ

Отечественная социология за последние 15–20 лет совершила (и продолжает совершать) некий дрейф в социальном пространстве. Она родилась (возродилась) в 60-е гг. XX ст. как государственный институт. Советское государство, КПСС полностью контролировали организационные основы, кадровый состав, тематику работ и идейную направленность социологической науки. Творческая самостоятельность, независимая публикация данных, финансовая автономность в то время были вещами невозможными, а робкие попытки раздвинуть установленные границы нередко жестко пресекались окриком из партийных органов. Следует отметить, что для западной традиции более характерным является изначальный статус социологии как института гражданского общества.

Ослабление контрольных функций государства в связи с известными событиями конца 80-х – начала 90-х гг., с одной стороны, и последующее развитие гражданского общества, частного бизнеса и политического плюрализма – с другой привели к тому, что место социологии в социальном пространстве постсоветских обществ существенно изменилось. Статус социологии сегодня можно определить как амбивалентный с определенным креном или в сторону государства (Белоруссия), или гражданского общества (Украина).

Рассмотрим систему «государство – социология – гражданское общество» более подробно. В чем смысл внутренних связей и что дает социологии двойной статус? Особенно старшему поколению социологов трудно даже психологически обойтись без образа «отеческой» опеки со стороны государства. Привычка работать на государство и получать

соответствующие похвалы и преференции – часть нашего менталитета. Иначе чем можно объяснить уникальный для демократических государств документ – Указ Президента Украины «О развитии социологической науки в Украине», который, впрочем, ничего не дал с практической стороны? Думается, что на заре развития американских или французской социологических школ (начало XX ст.) никому из видных социологов, таких как Уорд, Самнер или Дюркгейм, и в голову не приходило лоббировать подобный государственный документ, чтобы в такой способ обеспечить будущее новой науки. Но государство у нас по-прежнему остается заметным фактором развития социологии, поскольку выплачивает заработную плату основной части социологов, работающих в государственных высших учебных заведениях, Институте социологии НАН Украины. Поддержка социологии через штатное расписание остается основной формой государственной заботы, а разовые заказы, программы и государственные гранты – достаточно редкое явление и экзотический источник заработка для социологов. Тем более, современное государство (в отличие от старой системы) не втягивается во внутренние споры и не берет на себя функции третейского арбитра, предоставляя социологам самим разбираться в своих внутрицеховых проблемах.

То, что мы можем назвать гражданским обществом, – весьма хаотичная и непредсказуемая действительность, напрочь лишенная стабильности, и не могущая быть твердой опорой для социологов. Тем не менее, именно здесь возможны прикладные исследования, экономический и политический маркетинг, чем воспользовалась наиболее предприимчивая часть социологического цеха. Таким образом, организационно и с точки зрения кадрового состава социология перестала быть монополией государства. Теперь исследователи могут без благословения чиновников публиковать свои работы, тематика которых также практически никем не ограничивается. Связи с гражданским обществом дают независимость и одновременно рождают острую конкуренцию.

Здесь в полную силу обнаружил себя такой фактор, как власть денег. Но происхождение последних может быть весьма неоднозначным. Значительная часть финансовых потоков в переходной период связана с теневой и криминальной экономикой. Заказчиками социологов может быть кто угодно, в том числе и круги, близкие к «беловоротничковой» и политической преступности. С этой стороны в социологию проникают нормы и установки полукриминального или откровенно бандитского бизнеса с такими присущими экономической преступности «типизациями», как взятка, «откат», подкуп, «черный нал» и т. п. В мире, где все продается и покупается, в конце концов, может быть определена и стоимость, например, одного процента сфальсифицированного результата во время проведения экзит-полла. Таким образом, в отношениях с гражданским обществом мы видим такой же диапазон возможностей и практик, как это свойственно обществу переходного типа в целом. Криминальное общество неизбежно будет криминализировать и науку, которая его обслуживает. И в этом сегодня не меньшая, а, вероятно, большая опасность, чем чисто административное давление на социологов со стороны чиновников.

В обстановке перемен и двойственного статуса цех социологов разделился на несколько категорий специалистов. Можно по крайней мере выделить три группы людей, которые называют себя одним и тем же словом «социолог». Первая группа – это лица, которые занимаются научно-педагогической деятельностью, делают традиционную академическую карьеру и, главным образом, получают заработную плату в государственных либо частных вузах или работают в научном секторе. Эмпирические исследования они рассматривают как элемент более широкой научной деятельности. Но высококвалифицированный труд этих специалистов, как правило, плохо оплачивается, вот почему поиск зарубежного гранта на стажировку, научное исследование или совершенствование учебного процесса является для многих важной составной общей деятельности. Эта группа –

наиболее многочисленная когорта из числа тех, кого можно условно назвать «научными социологами».

Вторая группа – это в большинстве своем известные социологи, которые пытаются одновременно сочетать и научно-педагогическую, и бизнес-деятельность. Для этого регистрируются малые предприятия, центры, неприбыльные организации, через которые время от времени «пропускается» тот или иной заказ. Тем не менее, эта группа старается не утратить свои связи с академической социологией.

Наконец, третья группа – это социологи, отошедшие от государственных учреждений и академической социологии, и занимающиеся полингом. Они создали независимые частные структуры и специализируются на исследованиях рынка в широком смысле этого слова, включая и электро-ральные исследования. У этих людей преимущественно не остается ни сил, ни времени на серьезную научную работу, обилие чисел и индексов отнюдь не переходит в качество. Бизнес выходит на первый план и затемняет собой социологию в ее традиционном понимании научной деятельности. Известно, что в США социологи и полстеры объединены в различные ассоциации и их деятельность не пересекается, они даже готовятся на разных факультетах. (Исторические и содержательные различия в этой области достаточно глубоко рассмотрены в статье В. Оссовского «Поллинг versus – социологическое исследование общественного мнения», помещенной в журнале «Социология: теория, методы, маркетинг» в №4 за 2002 г.) Но в Украине полстеры преимущественно остаются в рубрике «социология».

Некоторые, на наш взгляд, отличия крайних групп сведены в таблицу:

Научные социологи	Полстеры
Занимаются научным исследованием общества, его институтов и всем, что соответствует предмету социологии как науки, а также преподаванием и популяризацией социологии и ее достижений. Способны к полноценному анализу и синтезу, в том числе с использованием методов эмпирической социологии, специальных и общесоциальных теорий. В своей деятельности постоянно испытывают некоторый комплекс неполноценности перед бесконечностью научного познания, эффектом сложности больших систем и невозможностью поставить точку над «i» в научных спорах и размышлениях о социальном.	Выполняют внешние заказы, связанные с опросными технологиями. Рассматривают свою деятельность как бизнес, где критерием является не истина, а финансовый успех, чистая прибыль. Используют методы эмпирической социологии. Внимательно следят за новинками и литературой в области социологических методов, на практике ограничиваются подсчетом процентов либо другим числовым выражением социальной реальности. Работу считают выполненной после сдачи отчета и получения денег. Быстро забывают о проделанных работах и душевного дискомфорта не испытывают.
Как правило, не могут себе позволить универсализм, специализируются на определенных отраслях или уровнях социологического знания, предпочитают углубляться в социальную действительность в рамках узкого предмета, нежели браться за все подряд.	Берутся за любую тематику, выполняют заказы бизнеса, политических и административных структур, обладают высокой психологической мобильностью, легко переключаются с одного направления на другое. Этому способствует универсальность социологических методов.

Научные социологи	Полстеры
Большинство существует за счет стабильных окладов и временных приработков. Как правило, не умеют самостоятельно существовать в условиях рынка и превращать свои идеи, теории, работы, книги в товар.	Умеют зарабатывать деньги, ориентируются в рыночных отношениях, рассматривают результаты поллинга как товар, который имеет рыночную стоимость.
Авторитет и статус определяется научными работами, учебниками, особенно ценится оригинальность и новизна, например, факт основания нового научного направления; важную роль играет наличие своей школы, учеников. Лидеры пользуются высоким авторитетом в профессиональных кругах, но, как правило, мало известны в стране.	В академических кругах авторитетом не пользуются. Весьма заинтересованы в формальных атрибутах — научных степенях, членстве в ассоциациях или так называемых негосударственных «академиях» — для придания себе веса и авторитета на рынке. Стремятся к известности, общению с журналистами, охотно позируют перед телекамерами, рассматривая это как <i>promotion</i> и рекламу фирмы. Наиболее удачливые полстеры приобретают в стране благодаря телевидению и избирательным кампаниям широкую известность.
Имеют связи с представителями смежных научных дисциплин и направлений, поскольку большинство	В большинстве случаев не нуждаются в широком научном общении, но имеют и ценят связи в мире бизнеса

Научные социологи	Полстеры
серьезных исследований выполняется «на стыке наук», что является постоянным мотивом самообучения и развития.	и политики, которые рассматривают как важное условие получения заказа.
Криминальную и теневую экономику преимущественно изучают как предмет своих исследований, но в нелегитимных отношениях непосредственно не участвуют.	В процессе коммерческой деятельности втягиваются в неформальные и противозаконные отношения, в т. ч. могут устанавливать коррупционные связи с чиновниками, давать «откаты» или работать вместе с так называемыми политтехнологами в рамках «черных» предвыборных пиар-кампаний и быть причастными к фальсификации общественного мнения. Указанное выше может оборачиваться дискредитацией социологии в целом.

Актуальной задачей для отечественной социологии в рамках рассмотренной выше системы является выработка культуры взаимодействия, как с государством, так и с гражданским обществом. Мы считаем неперспективной задачей попытку установления здесь неких формальных правил, которые и разработать весьма сложно и внедрить практически невозможно, до и применить санкции к нарушителям также не представляется реальным. Культура взаимодействия — это нечто более прочное, устоявшееся, традиционное

и органичное. Конечно, никакая культура не возникает быстро, но, однажды сформировавшись, она устойчиво начинает регулировать отношения субъектов. Культуру можно рассматривать в веберовских терминах как систему ожидания ожиданий, то есть как некоторое понимание правил и сути взаимодействия сторон, когда каждый субъект одновременно осознает и то, что от него ожидают, и понимает логику поведения контрагента.

Что в праве ожидать государство, его представитель, чиновник от социологов? Прежде всего, честной и профессиональной работы, обоснованности выводов и рекомендаций. Ну а на что может рассчитывать социолог? Не вмешательство в идейно-теоретическую часть и уважение честной профессиональной деятельности. Одновременно изоляция социологии от государства – это не верный путь. В определенных границах вторжение в компетенцию каждого из контрагентов не только оправдано, но и полезно. Государственные институты и структуры задают в определенной мере тот ценностный контекст эпохи, с которым не могут не считаться социологи; через деятельность и запросы государственных структур находят выражение актуальные общественные проблемы: будь то бедность или наркомания, утечка мозгов за границу или демографическая проблема. Одновременно социологи должны оставлять за собой право на критику, обнаружение негативных латентных процессов и нелицеприятный дискурс с властью.

Формирование соответствующей культуры отношений – это длительный процесс «притирки», где решающую роль должен сыграть авторитет социологов, позиция научных руководителей школ, направлений и тем, их моральные и волевые качества. Немаловажной задачей является умение донести до представителей власти в доступной форме основные идеи социологов, а не ограничиваться наукообразными отчетами. В качестве положительного примера можно привести опыт работы группы харьковских социологов, под влиянием которых в Национальном университете внутренних дел создана социологическая лаборатория и открыта

соответствующая учебная специальность. Фактически мы пользуемся свободой в выборе научных направлений и тем и доверием руководства с точки зрения научности и достоверности их разработки. Это, в частности, позволило харьковчанам взяться за такую, безусловно, острую тему, как использование пыток в милиции. Сейчас мы провели соответствующие эмпирические исследования в масштабах Украины и готовим к публикации научную монографию, посвященную незаконному насилию в органах внутренних дел. Этот пример интересен тем, что институт милиции всегда отличался закрытостью, корпоративностью, нежеланием «выносить сор из избы».

Возможно, выработка культурных норм взаимодействия с гражданским обществом, негосударственной сферой сегодня даже более сложное дело, чем общение социологов с чиновниками, учитывая те соблазны, которые могут здесь возникать. Вероятно, способствовать утверждению здоровых традиций может консолидированная позиция научных социологов, отвергающих криминальный путь заработка на ниве псевдосоциологии. Вероятно, настал черед более серьезно рассмотреть проблему размежевания социологов и полстеров. Важно открыто заявить обществу о сути социологии и принципах социологического исследования. Полстеры этого сделать не смогут. Это задача, которая стоит перед социологической элитой страны. Именно она, в частности, должна сформулировать научные и гражданские критерии экайт-полла и довести их до сведения общественности и политиков.

Программа минимум для отечественной социологии, возможно, сводится к тому, чтобы сохранить и приумножить свободу науки и образования в том смысле, как это сформулировал Гумбольдт в начале XIX в., одновременно – остаться на позициях профессионального кодекса социолога и не извращать научную этику, независимо от того, приняты или нет соответствующие документы формально. Суть морального идеала ученого и социолога, в частности, достаточно понятна и не может быть девальвирована ссылками

на конкретные обстоятельства. Но за ближайшими задачами нельзя не видеть и стратегической перспективы. Маркс высказывался в том духе, что философы пытались объяснять этот мир, а необходимо его изменить. Оставим в стороне революционную составляющую высказывания и еще раз повернемся к роли социологии в обществе. Последняя ведь и задумывалась ее основателями как наука, призванная участвовать в социальном конструировании, в социальных изменениях. У нас, к сожалению, о социологии вспоминают преимущественно в периоды предвыборных кампаний. К тому же последние события уронили авторитет социологии, хотя 99% научных социологов к скандальным ситуациям не причастны. Сегодня на повестки серьезная и длительная работа по восстановлению доверия общества к социологам.

Вопрос: Вы совершенно правильно поставили вопрос о проблеме позиции социолога между государством и институтами гражданского общества. Но я бы хотела, чтобы вы высказались вот в каком смысле. Институты гражданского общества – это ведь тоже совершенно неоднородная вещь: есть институты гражданского общества, есть политические партии правого толка, есть организации работодателей олигархов – и вот как здесь быть социологу? Очень трудно бывает иногда смотреть на человека и отрешиться от мысли, что ему, условно говоря, платят деньги. Я говорю о России – могут бандиты платить, могут олигархи (Ходорковский), могут профсоюзы. И когда он говорит «социолог», ты думаешь: наверное, ему заплатили. Как с этим быть?

Ответ: Я подумал для себя «власть и социология», но позвольте, а почему тут еще нет «бизнес» или «деньги»? Я думаю, есть такой треугольник: власть в узком смысле как административная, политическая, бизнес и деньги и социология. То, о чем Вы говорите – есть вопрос о том, что есть независимый бизнес? Причем деньги происхождения имеют разное, в том числе криминальное. Некоторые российские криминологи считают, что в России нет не криминального бизнеса и что все состояния и все серьезные бизнесы,

в общем-то, имеют криминальную подоплеку. Это может быть крайняя точка зрения, радикальная. Следовательно, любой, кто имеет деньги, может в принципе нанять социолога. Так? Теперь позиция социолога в этой ситуации. Мы опять вернемся к тому, что мы уже пытались обратиться к морали, к научной этике, к гражданской позиции ученого, в том числе социолога, которому чаще приходится, чем допустим, физику включаться в эти отношения. Ничего другого я придумать не могу. Это плоскость уже морали и этики. Потому что никаких формальных запретов не может быть. Так ведь? Это отношения гражданского общества. Есть работодатель, есть исполнитель – это все в рамках гражданского кодекса. Мы можем заработать эти деньги. Они не пахнут, все остальное область морали.

Питання (О. Вишняк): У мене серйозне питання. В мене репліка. Тут була висловлена думка про розподіл між соціологами і полстерами. Розподіл цей зроблений неправильно, він весь час транслюється і міфологізується. Є різниця між теоретичною соціологією і прикладною соціологією. Прикладна соціологія – це така сама соціологія, як і інтерактивна, і будь-яка наука не стає зрілою, якщо не має прикладних частин. А полстер – це взагалі метод. Він використовується і теоретиками тому, що теорії – це не філософствування, це те, що будується на певних фактах. Тільки дослідження проводяться з суто теоретичною метою, щоб перевірити якісь гіпотези. Прикладні дослідження проводяться зовсім з іншою метою. Для того щоб пропонувати замовнику, як щось змінити для нього в кращу сторону, для інших – в гіршу сторону. Тому мова йде не про розподіл між полстером і соціологією – полстер метод і теоретичної, і прикладної соціології, а між теоретичною і прикладною соціологією. І тому питання стоїть глибше. Так, соціологія, як і будь-яка наука, теоретично має бути об'єктивною. А прикладна ніколи не може бути об'єктивною. Бо прикладна наука, включаючи і соціологію, включає розробку певних технологій для замовника, а не тільки роздачу і збір анкет.

А коли вона це робить, то вона пропонує щось зробити, щоб замовнику було краще. Будь-якому замовнику. Коли це бізнес-замовник – щоб його товари краще продавались. Коли це медіа-замовник – щоб рейтинг його телеканалу або газети підвищився, чи коли це політик – щоб він зайняв на ринку партії більш широке електоральне поле. Для інших суб'єктів повинен погіршитись. Проблема тут зовсім не в тому, що ми повинні розділитись. Буцімто, ми «високі» теоретики, ми полстером не користуємось. Та ні, нормальна соціологія на Заході теж користується полстером для своїх наукових цілей. Не буває соціології для соціології, на відміну від філософії.

Ответ: Я могу здесь ответить. Дело в том, что прикладная наука, прикладная социология и эмпирическая – это не одно и то же. Теоретики-социологи пользуются эмпирической социологией для того, чтобы свои гипотезы либо подтвердить, либо опровергнуть, и это было и будет всегда. В тоже время прикладная социология имеет тенденцию к отпочкованию в особый вид деятельности. Оно будет, например – социальная работа. В том числе те фирмы, которые сейчас существуют реально, маркетинговые фирмы, которые используют наши методы, не все, а те, которые им нужны для того, чтобы исследовать рынок сбыта товаров они используют такие социологические методы. Но в принципе это и все. Больше они ни в чем не нуждаются и с нами они уже не пересекаются. В Америке это целая индустрия. Многомиллионная, или сотни миллионов возвращаются в этом бизнесе. И они разделились. Это не я придумал. В Америке есть две ассоциации – социологов и полстеров. То есть этот факт есть. Ошибочный ли он? Нет. Потому что полстеры – это отдельный вид деятельности, это бизнес. Эти люди ушли. Когда-то это было единое, потому что эти методы изобрел один или несколько человек в 30-е годы. Тот же Геллап. Они поняли, что выборка – это золотое правило. Но потом они уже это использовали и превратили в коммерцию. Так что, я думаю, эмпирическая и прикладная социология – это не одно и то же. От эмпирической я не отказываюсь.

Александр Левинсон (Москва). – Мне кажется очень интересной сама попытка осмысления темы «социологии социологии», которая здесь была предложена. Мне это кажется очень важным и для той ситуации, которую, как я понимаю, вы имеете в Украине, и для того, что происходит в России. Я имею честь представлять организацию, которая ввиду некоторых усилий или некоторых причин происхождения осталась и продолжает традицию если не академической, то аналитической исследовательской работы и проводит те исследования, которые называются «полст», и занимается тем, о чем вы сказали в последней части выступления маркетинговыми исследованиями. Это далеко разошедшиеся области практики, они действительно, в общем, расходятся. В восточной Европе это все еще называется «социология», а в западной практике полстеры вообще себя профессионально не квалифицируют «социологами», их обучают не на факультетах социологии, а в бизнес-школах, маркетинговых специальных учебных заведениях. Нам, благодаря, в частности, тем установкам, которые имеет профессор Левада и его коллеги, удастся удерживать все еще единую перспективу в отношениях этих трех расползающихся направлений. Это делает работу очень интересной, это делает работу не бессмысленной и помогает решить вопрос, о котором тут упоминали, а именно – *на чьи деньги работаешь?* Если работаешь на деньги вот этого, значит, ты свои данные искажаешь, и тебя заподозрят в том, что ты искажаешь данные в интересах своего заказчика. А если на деньги другого, то тогда реализуешь интересы того заказчика. Я не хочу сказать, что такого никогда не бывает. Но я хочу обратить внимание на то, что есть механизм, тот о котором Вы сказали, – механизм внутреннего или этического контроля, который существует и в нашей отрасли, и в индустрии, бизнесе. И есть еще механизм взаимного контроля. Вот когда на рынке существует несколько исследовательских организаций, которые, в общем-то, занимаются одним и тем же и оказываются в отношениях конкуренции, то вне зависимости от того, насколько они субъективны, честны или нечестны, они

оказываются в состоянии взаимной проверки. И вот тогда можно видеть: вот этот исполнитель высказался так потому, что таковы его данные, или потому, что его спонсор определил некий критерий данных.

И я бы хотел также еще добавить вопрос, с которого Вы начали свое очень интересное выступление – о взаимоотношении социологии, государства и гражданского общества. У нас почти нет университетской социологии, которая живет не на государственные деньги, а на деньги грантов. Конечно, может быть, фонд Форда, вернее сам Форд, свои первые миллионы бог знает на чем нажил, но, в общем, получение грантов – это совершенно особый вид деятельности. Грантодатель в отличие от заказчика не покупает результаты. Это – еще одна возможность независимой науки. И последнее. Вот есть еще тот способ, который практикуют очень многие организации, занимающиеся маркетинговыми исследованиями и изучением общественного мнения, когда на деньги, заработанные на анализе рынка сбыта кетчупов или нижнего белья или других, не имеющих отношения к горячим социальным проблемам сюжетам, проводятся фундаментальные исследования весьма горячих вопросов, но где уже нет заказчика. Наша организация изучает какие-то вещи, по поводу которых идут острые дискуссии в обществе, но мы это делаем на собственные деньги, и в этом смысле их никто не ангажировал, никто. Нельзя сказать, что нас купили. Я хочу сказать, что вопрос платы, вопрос, кто заказывает музыку, – важный вопрос. Так вот нужно найти такой выход, чтобы не было заказчика музыки. Это в Вашей типологии создает еще одну ячейку. Мне кажется, что это важно.

Михаил Кунавский (Одесса). Тема такая животрепещущая многих задевает, потому что многие едины в двух лицах. Дело в том, что проведение последних экзит-поллов показало необходимость разработки методики и методологии сбора оперативной социологической информации – того, что называется на Западе полстер. Я полагаю, что в большинстве исследовательских тем и для людей, которые ими занимаются на пользу соединение оперативности приклад-

ной социологической работы и фундаментальной социологии. И фундаментальной социологии полезно и хорошо уметь распоряжаться материалами этой оперативной работы, если она серьезная. Одновременно такое взаимодействие фундаментальных и прикладных аспектов социологии не дает как бы опуститься тем, кто занимается этой работой повседневно в маркетинговых и рейтинговых исследованиях, не дает им опуститься ниже определенного профессионального уровня и дает возможность получать надежные результаты потому, что без порой глубокой разработки каких-то моментов мы получим просто плоские, примитивные результаты. Поэтому я полагаю, что не стоит разводить по разным углам полстеров и людей, которые занимаются теоретической социологией.

Ольга Иващенко (Киев). Я очень благодарна коллеге Руценко за его выступление и за правильно расставленные акценты. Проблема ликвидности знаний беспокоит и научных социологов, и полстеров, и дело не в том, что кто-то по-иному задействует свои знания, а в монетарной составляющей трудовой мотивации и нравственности. Я не принимаю и всегда с критикой отношусь к тому, что результаты опросов общественного мнения у нас вызывают сомнения. Однако это иногда не имеет ничего общего с социологией. Опросы общественного мнения у нас часто проводят и на потребу дня и на потребу заказчика. Если бы у нас еще был, скажем так, культурный интеллигентный заказчик, который хотел бы посмотреть, что за ситуация в той или иной области социальной реальности. Нет. Наш заказчик говорит: «Я хочу чтобы здесь было так». И вот появляется полстер, который делает то, что говорит заказчик – и это вообще маркетинг. Я считаю, что, кроме того, что есть научный социолог, полстер, есть еще и маркетолог. У нас же все сведено воедино. Что касается полстера. У нас эта проблема возникла в течение последних годов. Действительно появились люди, которые находили хорошего заказчика с большими деньгами, который их каким-то образом продвигал и создавал им авторитет в общественном мнении. Их мнение становилось

авторитетным. А социологи так и оставались в своей профессиональной сфере. Конфликт назревал давно. С начала 90-х гг. Я предлагала директору: выделяйте отдельно центр общественного мнения, потому что без этого такая деятельность подорвет всю структуру. Никким образом никогда не соглашусь, что академический социолог – это тождественно полстеру. Я в своих исследованиях использую отнюдь не всю таблицу. Мне не нужны «надцатые» проценты, и я могу с одной цифрой расписать целую статью, если, допустим, увижу какие-то разницы или корреляции. Я хочу сказать, что нами не были заданы стандарты, и потому одни работают за деньги, другие за науку. Если апеллируем к американскому опыту, то знаменитый Институт Лазерфельда создавался отнюдь не людьми, которые только хотели заработать деньги, а были там и очень толковые исследователи, и профессора, достаточно известные нам. Поэтому полстерство в Америке и имеет высокую историческую планку, почти равную традиционной академической социологии. Посему, вероятно, и существуют там две профессиональные ассоциации. Ситуация же, которая возникла у нас на последних выборах, показала, что существует эта проблема. И последнее. Как говорил на последнем научном совете наш коллега Андрей Горбачик, «и деньги можно зарабатывать честно». И вот почему важен тот аспект, о котором мы говорим, – о профессиональной этике, о моральной и профессиональной ответственности за те цифры, которые ты даешь без интерпретации и которые ты бросаешь, и как потом с этим обращаться, как потом можно выйти из этой ситуации? Все это и послужило причиной того, что мы сегодня обсуждаем. Я считаю, что эта дискуссия не должна просто разводиться на круглые столы и совершенно верно, что нужно созывать Ассоциацию и выделять отдельно исследования общественного мнения и полстерство и маркетинг, а не все сводить воедино. Наш журнал, заместителем редактора которого я была, был притчей во языцех. Мы постоянно имели проблемы. Он называется «Социология: теория, методы, маркетинг». Какой маркетинг? Это требовалось изначально

у Чурилова. Он предполагал помогать нам. Есть статьи по маркетингу? По большому счету, у нас нет специалистов, которые могли бы изложить или даже вербализировать свои маркетинговые достижения на страницах аналитического журнала. Существует отдельно ассоциация маркетологов. Пусть она этим занимается. И нам нужно это разводить. Иначе это каша. Не то мы все переругаемся. И тут нет никакого поля конкуренции. Мы на едином социальном поле, только каждый по-своему интерпретирует эти цифры, которые мы здесь получаем. Я очень уважительно отношусь к Вашему выступлению и считаю, что оно действительно должно положить начало той дискуссии, которая должна привести к тому, чтобы мы разделили социологию и исследования общественного мнения, полстеры, маркетологию. И не называть последние исследования социологическими. Я слежу за тем, как развивается и зреет наше общественное мнение по отношению к социологии. Как люди в этом всем начинают разбираться. Просто так прийти и сказать, мол, мы получили данные такие-то, такие-то. Нет. Все задают вопросы: а какая была выборка, на каком массиве вы работали, а какая у вас сеть? Эти люди не подготовлены, казалось бы, профессионально. Однако и они начинают делать замечания и упрекать в том, что вопросы не корректно были заданы. Очень много вопросов возникает. И так это все оставить, как это у нас было, нельзя. Начало должно быть положено научным кругом, потом выйти на наши профессиональные организации профессиональную ассоциацию с тем, чтобы, в конце концов, внести в реестр разные специальности.

Сейчас наступает другое время, в котором мы будем трансформироваться, будет проходить дифференциация, она неизбежна. Это не проблема 2005 г. Но то, что в ближайшие годы это произойдет, – я не сомневаюсь.

Юрий Саенко (Киев)

СОЦИОЛОГИЯ В ОБЩЕСТВЕ РИСКОВ И ШАНСОВ

Тема чрезвычайно интересна. Я бы сказал так. Что мы обсуждаем? Сейчас мы вышли на глобальную проблему нашего общества, то есть национальная судьба социологии. И она действительно обострилась. В каком состоянии мы находимся? Давайте дадим себе отчет. Первое. Традиционная зарубежная и отечественная социология наработала свой методический и практический багаж на изучение стабильных состояний общества. Это так. Мы с вами оказались неспособными фиксировать и изучать неустойчивое состояние общества. Неустойчивые ситуации. Мы как бы догоняем вот эти пробелы, но мы очень отстаем. Более того, социология оказалась не готова к изучению больших переломов, которые случаются в обществе. И если наше общество пребывало очень долго в состоянии общества рисков, и когда все это накапливалось, и мы все это обостряли, и всем это было понятно, и, казалось, вот-вот мы рисуем эту картину, то сейчас мы переходим к состоянию общества шансов. То есть поискам модели выживания. Как выходить из этой ситуации? Скажите, мы готовы к тому, чтобы помогать правительству, общественным организациям для того, чтобы выходить из этого состояния? Нет, не готовы. И это адресация ко всем разделам социологии. Я поддерживаю идею о том, что мы должны четко разделить и в то же время держать в комплексе фактографию, она существует везде – и в социологии, и в экономике и т. д., прикладных и теоретических исследованиях. И то, о чем я говорю, оно касается всех этих проблем, всех этих разделов в социологии. Но в то же время я за то, чтобы был и раздел, и комплексное осмысление вот этих отраслей социологии. С чем мы сейчас сталкиваемся? Первое. Дело в том, что обществу мы показываем фактографии. Вы возьмите

последнее исследование. Ведь общество не читает вот эти книжки, которые мы раздали. Это мы читаем, специалисты. А мы выставляем цифры, более того, цифры эти комментируются профессионально не социологами, а журналистами. Мы отдаем на откуп эти результаты. Это очень большая проблема. Второе. Для всех этих разделов социологии очень важна полнота картины, полнота описания ситуации. Этим страдает и фактография, потому что дает только социологические данные, и этим страдает и большая социология. Теперь чем мы можем быть интересны в настоящее время для нашего общества? Я не только имею в виду власть. Давайте подумаем шире. Мы можем быть интересны не только как социологи. Давайте не преувеличивать наше значение в осмыслении того, что происходит, и особенно в поисках шансов выживания. В поисках моделей новой жизнедеятельности, именно шансов для этой жизнедеятельности, социология не в состоянии вытянуть эту проблему. Мы должны идти на сотрудничество с междисциплинарными аналитическими исследовательскими группами и работать совместно. И с историками, экономистами, политологами и т. д. А социология обособилась, и я даже в некотором смысле скажу, что мы загордились тем, что в состоянии это описывать. Только междисциплинарные аналитические группы могут вытянуть эту проблему. Даже на информационном уровне, без сравнения статистики социологических исследований и экспертных оценок полнота картины общественной жизни не будет достигнута. Поэтому я считаю, что наш интерес для общества, наша национальная задача в высоком плане – это сотрудничество со всеми отраслями знаний. Давайте выходить на это сотрудничество.

Игорь Буров (Киев). Социология не готова к большим переменам. Я бы немножко добавил. Революция тоже не каждый день у нас бывает. Мы действительно не готовы были. А что касается полноты статистики, то даже студентам говорим, что П. Сорокин не проводил специальные исследования, но пользовался теми данными, которые в те еще времена предоставляла статистика и демография, и вполне обоснованно давал все свои выводы.

Владимир Полторак (Днепропетровск)

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПИАР: ПРОБЛЕМА ОРГАНИЧЕСКОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ

Возникшая в ходе президентских выборов в Украине проблема фальсификации (подлинной или мнимой: данный вопрос все еще дискутируется) результатов экзит-поллов вызвала у определенной части социологического сообщества, как и у автора настоящей статьи, вопрос о том, насколько вообще, в принципе, можно доверять данным социологических исследований, если их проведение преследует не чисто научные цели, а напрямую связано с политикой.

Действительно, в годы становления социологии на постсоветском пространстве, скорее – восстановления после многих лет тоталитаризма, была создана, вопреки предупреждениям о том, что социология, как и любая общественная наука, не может не быть в определенной мере «партийной», тенденциозной (что обусловлено не простой «продажностью» ее представителей, а значительной степенью свободы исследователя, размытостью рамок контроля, большой мерой неопределенности в изучении явлений, действие которых подчиняется статистическим закономерностям и т. п.) некая романтическая утопия о том, что среди всех гуманитарных дисциплин именно социология и только она может дать четкое, объективное, научное знание об обществе.

Конечно, социология, использующая в том числе и количественные методы, выгодно отличается в этом плане от иных гуманитарных наук. Но ведь и физики, входя «в контакт» с властью, например, в процессе создания теорий и «делания» открытий, отнюдь не спешат «поделиться» этой интересной информацией со всем научным миром, включая и разведывательные сообщества определенных стран. Что уж говорить о науке, стимулирующей полученными резуль-

татами электоральное поведение населения или выбор тех или иных политиков посредством публикации их рейтингов.

Еще совсем недавно проблема сложных взаимоотношений между социологами, занимающимися глубинным изучением социальных и иных процессов, с одной стороны, так называемыми «полстерами» – с другой (проблема этих взаимоотношений также интересна и неоднозначна) и пиарщиками (не обязательно – политтехнологами «с кистенем в руках») – с третьей рассматривалась (в том числе и автором данной статьи) достаточно просто и прямолинейно.

Есть социолог, который изучает социально-политические процессы, в том числе в ходе участия в избирательных кампаниях (полстер), и представляет заказчику совершенно объективные данные. И есть пиарщик, политтехнолог, использующий множество методов и технологий, в том числе социологических, воздействующих на формирование общественного мнения населения, избирателей, естественно, и в ходе избирательных кампаний.

Однако длительное наблюдение автора за ходом кампаний и участием в них социологов в первую очередь в Украине и в России, личное участие в ряде избирательных кампаний подвигло его к определенному пересмотру соответствующей точки зрения, формированию позиции, которая может быть обозначена следующим образом: «Социология и пиар – неразделимы!». Причем речь вовсе не идет о том, что социология – продажная наука, а сами социологи – постоянно prostituteуют на политическом рынке. Проблема в ином: оказывается (это гипотеза автора, которую он будет обосновывать в рамках предложенной статьи), социология органически содержит в себе элементы пиара. Объясняется это (см. ниже) спецификой субъекта, объекта социологического исследования и используемых в подобных исследованиях методов.

Возьмем самый простой и достаточно яркий пример, связанный со случаем максимальной близости работы с общественным мнением к социологии. Речь идет об имевших место «прерываниях» экзит-поллов на последних президентских

выборах (2004 г.) в Украине. Как известно, несколько социологических центров, в том числе – российский Фонд «Общественное мнение», проводя опросы на выходе с избирательных участков (в исследованиях участвовали достаточно квалифицированные социологи, представляющие известные службы), прерывали их в середине дня голосования (как правило, в 15:00) когда были получены промежуточные данные о приоритетах электората.

Подобные «прерывания» аргументировались или тем, что значительное число опрашиваемых избирателей отказывается отвечать на вопросы интервьюеров, или плохой погодой, затрудняющей проведение опросов. Последующие действия руководства данных служб и заказчиков их исследований четко показали, что в действительности дело здесь было, конечно же, не в этом, а в том, что полученные данные, скажем так, «не вполне устраивали заказчиков» соответствующих опросов.

Что же получилось в итоге? Нарушили ли руководители служб и простые интервьюеры, участвовавшие в данных опросах, какие-либо социологические «правила» (мне лично приходилось слышать от таких социологов жалобы на то, что их попросту унизили, объявив участниками «сомнительных» экзит-поллов при том, что они честно делали свое дело). Да нет, ничего они не нарушали. Более того, и нежелание оперировать данными экзит-поллов, в ходе которых значительная часть избирателей отказывалась отвечать на вопросы интервьюеров, внешне говорит о социологической «скрупулезности» организаций, их проводивших.

И все же... Совершенно очевидно, что при всей внешней «социологической надежности» осуществления таких опросов, это была не социология. Это был уже «немножко» пиар. Причем технологии даже не «белые» (когда не нарушаются ни нормы закона, ни нормы морали), а «серые» – когда, как минимум, нормы морали нарушались полностью. Ведь именно ссылаясь на данные экзит-поллов подобного типа можно было манипулировать с официальными данными, результатами голосования. А непубликация данных «прерванного

экзит-полла» также позволяла «затуманивать» реальную картину выборов, опротестовывать в СМИ данные опросов, которые были проведены честно.

Вообще, говоря о целях и методах подобного «прерывания» опросов, весьма трудно отделаться от возникающих ассоциаций, связанных с абортами, которые делают несовершеннолетние девицы. В таких ситуациях прерывание беременности также прямо направлено на то, чтобы предварительно обнаруженные «неприятности» ни в коем случае не стали известными родителям и окружающим. Впрочем, методы осуществления подобного «прерывания» и его последствия также во многом схожи.

Для того чтобы дальнейшее сопоставление социологии и «социологического пиара» (мы вполне уверены, что данный термин вполне обоснован и употребим в одном ряду с такими, как политологический, журналистский, психолого-имиджмейкерский пиары) было корректным, остановимся кратко на характеристике возможных и используемых сегодня, в том числе в практике выборных кампаний в Украине, технологий социологического пиара.

При этом будем учитывать, что, с одной стороны, пиар – это не просто связи с общественностью, направленные на достижение всеобщего согласия, как это понимают некоторые, а определенные технологии формирования общественного мнения, даже управления им, возникающие и развивающиеся именно в демократических обществах, где, в отличие от тоталитарных или авторитарных, не применяются технологии открытого давления на мнения населения. В подобных условиях органам управления, политикам, действующим в ситуации, когда число «контролируемых параметров» в объекте управления незначительно, приходится применять технологии косвенного (а именно – пиаровского) воздействия на общественное мнение, стимулируя людей, предоставляя им соответствующую возможность самим избрать ту или иную идеологию, тот или иной тип поведения.

Интересно, кстати говоря, что люди, отрицающие значение пиара в современном обществе, в частности в его политической сфере (а уж понятия «пропаганда» или «агитация» для них вообще, как правило, неприемлемы) чаще всего не могут предложить каких-либо иных способов, технологий воздействия на общественное мнение в демократическом обществе. С другой стороны, в принципе нельзя «сводить» пиар исключительно к методам манипулирования общественным мнением, поведением людей, если понимать под последним вид психологического воздействия на население, использование которого ведет к скрытому возбуждению у людей намерений, не совпадающих с их актуально существующими желаниями.

К примеру, неужели объяснение людям (иногда с элементами пропаганды) целей и программных положений какой-либо политической партии с учетом того, что подавляющее большинство граждан Украины, судя по данным социологических исследований, практически не интересуются политикой, является манипулированием общественным мнением? Нет, конечно! Напротив, в данной ситуации пиар выполняет как раз максимально позитивные функции, делая максимально большое количество людей причастными к политическим процессам, побуждая у них стремления лучше ориентироваться в политической жизни и, следовательно, обеспечивая все более сознательный выбор ими партии или кандидата в президенты в процессе голосования.

И все же... Следует отличать и учитывать, независимо от того, о каком пиаре — политическом, социологическом, журналистском, психологическом — идет речь, различные технологии, которые используются в процессе воздействия на общественное мнение. Учитывать, поскольку именно от специфики подобных технологий, применяемых с целью воздействия на мнения и поведение людей, во многом зависит как «чистота» пиаровского воздействия, так и отношение к последнему. Существует множество классификаций технологий, используемых в пиаре. Наиболее корректной и отве-

чающей целям его анализа как общественного явления мы считаем следующую.

Выделяются три разновидности технологий, используемых в процессе пиара: «белые», «серые» и «черные». Первые — это те, которые входят в официальный реестр разрешенных законодательством и не противоречат нормам морали. «Серые» технологии не предполагают прямого нарушения закона, но вступают в противоречие с нормами общественной морали и принятыми способами ведения, к примеру, избирательных кампаний. «Черными» же считают те политические, избирательные технологии, применение которых предполагает прямое нарушение действующего законодательства.

Так вот, если говорить о социологическом пиаре, то, как это не грустно признавать, здесь также могут создаваться и использоваться все три разновидности названных выше технологий. Так, к «белым» технологиям смело можно отнести всю совокупность так называемых «поисковых» и «базовых» технологий, связанных с поиском на основе данных проведенных социологических исследований наиболее благоприятного для выдвижения кандидата округа; сегментированием политического рынка; построением имиджа кандидата и т. п. И речь отнюдь не идет о простых социологических исследованиях, которые заканчиваются представлением заказчику полученных данных. Имеются в виду технологии, когда на основе подобных данных «лепится» имидж кандидата; строится «портрет» избирательного округа; конструируются типологии избирателей. Однако понятно, что технологии эти действительно «белые», поскольку никаких нарушений норм законодательства и морали здесь не наблюдается.

Особо интересны и нередко эффективны в плане их применения в ходе избирательных кампаний «серые» социологические пиаровские технологии. Назовем лишь некоторые из них. Во-первых, речь может идти о предоставлении или непредоставлении избирателям полученной информации

(как об этом уже говорилось при освещении ситуации с «прерванными» экзит-поллами). Во-вторых, в процессе проведения избирательных кампаний может использоваться технология так называемого «фургона с оркестром», то есть публикации рейтингов кандидатов с целью повышения или снижения рейтингов «своего» кандидата и его конкурента. Собственно, в самой публикации рейтингов никакого криминала или нарушений этики нет, однако известно, каким образом иногда формируются и публикуются подобные рейтинги. В-третьих, к «серым» социологическим технологиям, безусловно, относятся так называемые «пушполловские опросы», то есть подталкивающие опросы, когда интервьюер, приходя к избирателю, не столько выясняет его мнение, сколько «агитирует» его, задавая соответствующие (косвенно возвышающие или снижающие имидж) вопросы. И это, конечно, далеко не полный перечень таких технологий, где без явных нарушений законодательства действительно нарушаются этические нормы ведения избирательной кампании.

Наконец, к «черным» социологическим пиаровским технологиям (они, естественно, встречаются реже, чем журналистские или политические) относятся явные нарушения законодательства при проведении опросов или же публикацию (под тем или иным «прикрытием», завуалировано) данных опросов общественного мнения вне пределов установленных законодательством сроков. К счастью, в избирательной украинской практике такие ситуации пока встречаются нечасто. Однако стоит обратить внимание на «изменения» в результатах экзит-поллов, которые осуществлялись во время президентских выборов 2004 г. с использованием «корректирующих коэффициентов». Причем в результате подобных корректировок бывали случаи, когда кандидат, идущий на второй позиции, превращался в лидера президентской гонки.

Если ещё раз вспомнить приведенный выше пример с «прерыванием» экзит-поллов, которое внешне «почти» не содержит элементов пиара, то вполне обоснованно, с нашей

точки зрения, действительно можно говорить о том, что в самой структуре социологического исследования, его методах, объектах содержится возможность «проникновения» в него пиара: от самых безобидных, «белых» технологий до технологий «черных», включая манипулятивные. И если мы четко определим, как именно использованы полученные социологом данные, то найдем ту точку, тот индекс на шкале: «от социологии и почти полного отсутствия пиара... до... практически полного пиара и отсутствия социологии». И тогда не нужно будет никого обвинять в продажности, развешивать различные ярлыки. Нужно будет просто определить: чем в соответствующей ситуации больше занимался социолог – социологией или пиаром.

Вроде бы все понятно. Но откуда же возникает подобная возможность почти повального проникновения пиара в социологию? Проблема эта не простая и нуждается в дальнейшем тщательном изучении. Однако априори можно назвать три основных фактора, влияющие на описываемую ситуацию: субъект исследования, объект исследования, метод исследования. Наиболее просто обстоит дело с первым: если социолог за деньги (или большие деньги) попросту может изменить в угоду заказчику полученные объективные данные опроса (или построить опрос таким образом, чтобы получить «нужные» результаты), то здесь все ясно и ни о какой социологии практически речь не идет.

Гораздо сложнее обстоит дело с объектом исследования, к примеру, при проведении электоральных исследований. Все дело здесь в том, что и социолог, и пиарщик изначально имеют дело с мнениями, с общественным мнением, которое первый изучает, а второй формирует. А мнение, как говаривал еще И. Кант, «это сознательное признание чего-то истинным, недостаточное как с субъективной, так и с объективной стороны». Не будем здесь детально говорить о сложнейшем феномене общественного мнения (по этой проблематике имеется и зарубежная, и отечественная литература, в том числе книга автора статьи). Главное – это то, что как индивидуальные мнения, так и мнение общественное представляет

собой сложнейшее, достаточно размытое, подвижное явление. И очень сложно провести четкую грань, отделить в общей деятельности по работе с ним элементы, так сказать, «чистого» изучения, анализа и элементы воздействия на него.

Иными словами, можно ли в принципе изучать мнения, не воздействуя на их состояние, специфику уже в самом процессе этого изучения? Думается, вряд ли! Речь может идти лишь о большей или меньшей степени влияния исследователя. Хотя, проводя количественные исследования, мы используем соответствующие статистические процедуры и т. п., в итоге все равно получаем (более того – закладываем изначально) определенную ошибку выборки. И ничего страшного здесь нет – это совершенно объективная ситуация. До тех пор, пока кто-то не воспользуется описанными «возможностями» в пиаровских целях, в частности, обеспечивая систематическую ошибку выборки (например, опрашивая жильцов только элитных домов или исключительно пенсионеров по отношению к путям проведения коммунальной реформы) и используя затем полученные таким образом результаты в тех или иных целях.

Примерно так же обстоит дело и с «погрешностями» используемых при проведении социологических исследований методов, которыми так же умело пользуются пиарщики. Общеизвестно, к примеру, как сложно избежать в процессе проведения интервьюирования воздействия интервьюера на респондента, сколько внимания уделяется решению этой проблемы за рубежом и в Украине (подбор интервьюеров по возрасту, полу, их тщательное обучение, контроль за их работой и т. п.). И, тем не менее, избежать подобного воздействия полностью не удастся. В маркетинге, к примеру, этим эффектом пользуются вполне «легально», не стесняясь при продвижении товаров на разных рынках, проведении опросов в торговых залах. В принципе, точно так же подобные подходы, где метод – социологический, а содержание – пиаровское, используют и в политическом маркетинге, в частности при проведении избирательных кампаний.

Какие же основные выводы можно сделать, анализируя столь сложную и неоднозначную связь социологии и пиара? С одной стороны, мы ни в коей мере даже не пытались «свести» социологию к пиару, доказать, что они тождественны. Социология – действительно достаточно объективная (не будем все же забывать о том, что наука эта общественная) социальная наука, которая, в принципе, при проведении исследований, не связанных непосредственно с чьими-то политическими и иными интересами (например, в академических институтах по госбюджетной тематике), может давать вполне обоснованные, надежные данные о состоянии общества и развитии социальных процессов.

Однако, с другой стороны, в ситуациях, когда социология используется непосредственно в организации политических (избирательных и иных) кампаний (как, впрочем, и в маркетинге) ни в коей мере нельзя абстрагироваться от некоторых, скажем, свойств этой науки, сближающих ее по самым разным основаниям (см. выше) с пиаром, технологиями воздействия на общественное мнение. Пытаться «откреститься» от этого – значит попросту обострять ситуацию, все более стимулируя разговоры о протестности этой науки. Следует, с нашей точки зрения, социологическому сообществу четко заявить о ситуации органической взаимосвязи социологии и пиара и активно пропагандировать имеющиеся в этом плане возможности социологических методов и инструментария, применяемых в различных ситуациях, в частности, в процессе выборов.

В свете всего сказанного обозначим еще две важные проблемы, нуждающиеся в обсуждении социологическим сообществом и политической элитой. Первая из них: «Социология и политика». В последнее время очень часто затрагивается проблема взаимодействия социологии и власти. Однако последние политические события в Украине показали, что социологию активно «использует» не только власть, но и оппозиция. Причем использует и для получения объективной информации (разве можно представить себе, чем бы обернулись выборы, особенно второй тур, Президента

Украины, если бы не данные экзит-поллов, проведенных рядом социологических организаций), так и для пиара.

Вторая проблема – необходимость аккредитации социологических служб Социологической ассоциацией Украины или какими-либо другими организациями. С нашей точки зрения, вышеизложенное полностью отрицает подобную необходимость. Ведь для чего задумывалась подобная аккредитация? Чтобы четко определять уровень добросовестности социологов при проведении исследований и объективность представляемых ими результатов. Однако поскольку в данных социологических исследованиях практически всегда содержатся элементы пиара, подобная проверка оказывается практически невозможной. Разве могли сотрудники некоторых служб (допустим, будет доказана их виновность в фальсификации данных экзит-поллов) даже подумать, что их могут «схватить за руку» и четко доказать, что они сфальсифицировали данные опросов? Нет! Они именно надеялись на то, что можно будет «немножко» затуманить информацию. Как видим, на сегодняшний день сделать это оказалось почти возможным. Поэтому единой «аккредитационной карточкой» социолога может служить исключительно его научная и гражданская совесть. Опыт же зарубежных организаций, контролирующих деятельность, в том числе исследователей общественного мнения (таких как ESOMAR), по ряду причин внедрить в Украине пока не представляется возможным.

Вопрос. Не PR (связь с общественностью) в вашем контексте, у вас этот пиар, уровня какого-райсовета. Человек имеет свое мнение. Он что-то сказал. На него обратили внимание. PR – значит спекуляция на этом. Потому мы должны вернуться к тому, чтобы определиться с понятием. Что такое PR? Что такое реклама? Что такое манипуляция общественным мнением, то есть инструментальное использование этого PR? Это все разные вещи. А поэтому я хочу сказать, вопрос не в том, что в социологии нет PR. Дайте этой социологии самоуспокоиться – все свели в единую кашу.

Ответ. Конечно. Все мое открытие связано сегодня с тем, что я определил этот диапазон.

Когда, казалось бы, просто чистое исследование, все равно там есть элементы ну не пропагандистские, ну не пиаровские, но там все равно есть элементы субъективизма. Вот все, что я хотел сказать. А на другом полюсе – когда человек обманывает по-настоящему. Читает одно, а показывает совсем другие цифры. Об этом мы вообще не говорим. И что? Давайте себя успокоим. Мол, социология – это абсолютно что-то чистое. Там пиара нет, и мы можем дать чисто и четко абсолютно чистые данные. Не есть ли это никому не нужный самообман? Проблема-то остается.

Вопрос. Теперь вот Вы говорите, что социология – субъективная наука. Отсюда такая проблема, следуя вашей логике: если не состоялся экзит-полл, то что – ничего в этом страшного нет и это не дискредитация науки?

Ответ. Хорошо. Я отвечу на этот вопрос на своем примере. У меня Центр, мы проводим общенациональные исследования. Вот в июне 2004 г. – это, кстати, опубликовано в газете «День» в большой статье – В. Ющенко впереди на 4,5%, следующее исследование – начало октября: в это время, как помните, правительством принимаются решения о повышении пенсий, о дружбе с Россией, чуть ли вплоть не двойного гражданства и т. д. В это время проходит опрос – 6,5% в пользу В. Януковича, потом со временем, кстати, этот разрыв опять перевернулся в пользу В. Ющенко. И точно также у остальных центров были подобные данные. Спрашивается, что я, подделал эти данные? Возьмите недавнюю российскую ситуацию. Все центры предсказывали вновь образованной партии «Родина» на последних парламентских выборах 2–3% – я помню эти данные. Я даже вырезал газетное интервью Ю.А. Левады, когда он комментировал по этому поводу. Вот же о чем речь идет. Есть масса нюансов. Вот, Александр Вишняк говорит правильно – нужно было уже в августе-сентябре смотреть «скрытый» электорат, нужно применять специальные методики, но 99,9% всех центров

работали по старинке. Я что хочу сказать. Никто эти данные не подтасовывал. Так оно и было. Была нормальная сеть – 2200 респондентов, были профессионально сделанные опросы. Действительно, в июне был перевес В. Ющенко, в октябре – временный перевес В. Януковича. Потом, очевидно, народ разобрался с этими обещаниями, был и «скрытый» электорат. Еще раз говорю. Это не есть PR в чистом виде, никто не хотел пиарить. Мы нормально работали по нормальной сети и методике. Кстати, прошлые выборы (парламентские 2002 г. – *Ред.*) мы все предсказывали изумительно точно, только насчет партии Н. Витренко ошиблись. И экзит-поллы сработали. Ведь практически ни у кого не было существенных расхождений и ошибок. То есть я хочу сказать, что никто преднамеренно искажений не делал. Но есть элементы методики и непредсказуемые элементы изучаемого объекта. Тоже было и у россиян с «проколами» по поводу Жириновского, партии «Родина» и других. (Обращаясь к российским коллегам) «И что вам сказали после этого? Что вы гадость сделали?» И что, я не поверю Ю.А. Леваде, который мне сорок лет назад лекции читал, или поверю тому, что он по дешевке покупается и что он подделал данные? Так почему вы ему, когда он ошибается, верите, а мне – нет? (смех, оживление в зале. – *Ред.*) Конечно, есть преднамеренные подтасовки. Наверное есть, я за руку не ловил. Но в данном случае я говорю об исследованиях моего Центра, мы пользовались обычным и проверенным социологическим инструментарием, но, очевидно, в силу самой методики и «встревоженного» перед революцией социального объекта получились такие данные. И никто ничего не подделывал.

Владимир Фесенко (Киев)

СОЦИОЛОГИЯ В ЕЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С ВЛАСТЬЮ: НОВЫЕ ШАНСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сегодняшняя дискуссия о полстерах и социологах напомнила мне аналогичное обсуждение с представителями Академии наук. Они обсуждали сходную проблему в таком глобальном значении – как выживать науке академической, в том числе и социологии. Некоторые специалисты по науковедению считают, что социологию более корректно разделить на три сферы и этапа в развитии науки: фундаментальная, прикладная и образовательная, университетская наука, что называется. Для каждого сектора науки требуется своя модель выживания. В принципе, сейчас общеизвестно, что фундаментальная наука без государственного финансирования выжить не в состоянии. Это аксиома. Но присутствующие на этом круглом столе сразу «наехали» на представителей академической науки, и вся дискуссия свелась к тому, что науке не хватает финансирования. Приводились цифры финансирования для выживания науки, а нужно больше, а денег в бюджете нет. И вот что меня поразило. К сожалению, в академической науке есть четкая фиксация проблемы кризиса в академической науке, понимание форм его проявления и абсолютное непонимание того, как выходить из этого кризиса.

Я сейчас с удивлением для себя обнаружил, что совсем иная проблема может быть у социологов, у социологического сообщества, и последние выборы усугубили ее. Это и своя большая политическая тема, и проблема функционального разделения между полстерами и академической социологией. Тут сразу возникла такая идея: ввести налоги на полстеров, за счет которых можно финансировать Институт социоло-

логии и факультеты социологии. Так что примите это как практическое приложение.

А вот теперь о власти. Честно говоря, когда я шел на Ваш круглый стол, я хотел поговорить о взаимодействии между социальными науками и властью. Тем более, что сейчас существует много ожиданий, может быть, завышенных. Это касается большинства сфер, в том числе во взаимоотношениях между социальными науками и новой властью. Я сразу же оговорюсь: никакого отношения к новой власти не имею, хотя и знаю многих ее представителей и могу, хотя бы отчасти, оценивать, как можно с ними взаимодействовать и каким может быть их отношение к социологии.

Я попытаюсь этой теме коснуться. Какие пути взаимодействия могут быть между новой властью и социологической средой? И вот первый тезис. На мой взгляд, общее понимание значимости социологии у новой власти присутствует. Оно присутствовало и у части представителей старой власти. Указ Л.Кучмы о развитии социологии пролоббирован, ну и что? Воз не сдвинулся. При общем понимании проблемы. Такая же опасность существует и сейчас. Общее понимание есть, но если сама социологическая общественность не предпримет усилий для того, чтобы абстрактную потребность перевести в конкретное предложение и в конкретную форму сотрудничества, ситуация не изменится. И в этой связи я согласен с теми, кто говорил, – понимание власти о значимости социологии сводится к рейтингам и к использованию социологии в PR-компаниях. Вот и все. Они вышли из политической среды и к этому привыкли. При таком узко инструментальном подходе социология ассоциируется в основном с полстерами и с исследованием общественного мнения, в частности, с исследованиями предвыборными. А вот то, что социология может помочь в решении других проблем, у власти это понимание почти отсутствует. И вот тут им нужно «на пальцах» разъяснять, что может предложить социологическая общественность, в том числе и Институт социологии, чем он может оказаться полезным для новых органов власти. И в этой связи нужно уходить от примитивно-

утилитарного понимания социологии как сугубо политического инструмента или инструмента изучения общественного мнения, нужно убеждать, разъяснять представителям новой власти, что возможности социологии гораздо шире. И для этого есть благоприятная возможность. Дело в том, что у абсолютного большинства представителей новой власти есть реформаторские посылки. Более того, существует общественный запрос на реформы. А вот как реализовать этот запрос – с этим большие проблемы. Уже сейчас по первым шагам новой власти очевидно, что никакой четкой концепции реформ нет, она отсутствует. Все, что делается, многие решения, которые принимаются, – это часто решения вслепую, методом проб и ошибок. Они сами уже понимают, что это неправильно, что нужны какие-то ориентиры, нужны концептуальные разработки, какие реформы проводить и как их проводить. Нужен совет. Этот совет могут, в принципе, дать представители общественных наук. Правда, тут есть свои серьезные проблемы, в том числе связанные с тем, что в академической и аналитической среде нет четкого понимания и единства по поводу этих реформ и по поводу путей проведения этих реформ, но, тем не менее, надо использовать эту возможность и ответить на эту потребность. Но потребность эта абстрактная, и на эту абстрактную потребность нужно ответить конкретным предложением. Какой может быть путь решения этой проблемы? На мой взгляд, самый продуктивный путь – это попытка применить социологический инструментарий или предложить свои услуги в таком направлении исследования, какой на Западе называют исследования политики (*policy studies, policy analysis*). Но не в узком понимании понятия «политика», какой на Западе называют исследование политики (*policy studies, policy analysis*), то есть политики в разных сферах общества, а не в ее узкоинструментальном понимании, принятом у нас.

Это прежде всего анализ государственной политики. На это сейчас формируется запрос. Не везде, но в целом и в ряде ведомств говорится о том, что мы хотели бы посотрудничать с аналитическими структурами. Но с какими и по поводу

чего? Я думаю, что не нужно ждать, пока оттуда придут к вам, нужно идти в государственные кабинеты и предлагать свои услуги. И вот здесь два слова по поводу исследования политики (*policy studies*). Я согласен с тезисом о необходимости междисциплинарных исследований. Исследование политики – это как раз не междисциплинарная сфера. И здесь есть возможность участия в подготовке проектов решений на государственном уровне, а есть еще другая сфера, которая социологии гораздо ближе, – это оценка государственной политики и эффективность осуществления государственной политики. Потому что здесь без социологического инструментария, особенно без социальных последствий политики, никакой оценки достичь нельзя. Необходимо создание междисциплинарных групп, которые смогли бы работать в сфере исследований политики. Потребность и запрос на это постепенно формируются со стороны власти. Что еще нужно делать и на что может формироваться запрос? Это организация и осуществление групповых экспертных оценок. Представители власти абсолютно не умеют, хотя хотели бы, работать с этими экспертами. А как это организовать? Не просто путем банальных экспертных опросов, который, как показала практика, можно использовать как инструмент манипулирования, а использовать и более сложные методы тот же графический метод, методика игр и т. д., для того чтобы сделать действительно качественные предложения с использованием экспертного сообщества. Это – оценка социальных последствий принимаемых решений и оценка их эффективности. Приведу такой пример. Административная реформа. Проекты административной реформы есть, но ни один из них не вынесен на общественное обсуждение. И здесь мы должны требовать, чтобы эти проекты обсуждались с участием социологов, политологов, правоведов и т. д. Далее. Пенсионная реформа. Сейчас она осуществляется, но осуществляется противоречиво. Каковы последствия этой реформы? А уже можно замерять первые последствия. Здесь нужно предлагать свои услуги и Пенсионному фонду, и Министерству труда и социальной политики. Реформа в образо-

вательной сфере. Здесь нет единых подходов. Вот я просто один пример. Это оценка 12-балльной системы. Хороша она или плоха? Команда В. Ющенко в ходе избирательной кампании играла на недовольстве 12-балльной системой, а сейчас единства мнений нет. Что дальше будем делать?

Это только краткий перечень. На самом деле таких проблем много. Сразу же возникнет вопрос, а где деньги? Денег нет в госбюджете. Это не совсем соответствует истине. Приведу один пример. В прошлом году я принимал участие в круглом столе с участием руководителя госслужбы. И там он открыл небольшую государственную тайну. Оказывается, что у них на подготовку законопроекта о государственной службе и на проведение этого проекта было запланировано около полумиллиона гривен. Пообщайтесь с представителями министерств и вы узнаете, что практически в бюджете каждого ведомства есть деньги на исследования, на обеспечение законодательной деятельности, есть эти деньги. Но они либо не используются, либо разворовываются элементарно, а сейчас в чем еще преимущество? Можно использовать общественную атмосферу – борьбу с коррупцией, научная общественность может требовать, чтобы процесс распределения заказов, был более прозрачным. Потребность в этом тоже существует. И она связана еще и с тем, что некоторые мои коллеги хотят предложить определенную методику научных тендеров для распределения научных и аналитических проектов. Это может касаться как негосударственных аналитических центров, так и государственных институтов. Худо-бедно, но совет национальной обороны со своим институтом работает. Секретариат президента с Национальным институтом стратегических исследований работает, в том числе и в социологии. Не обязательно там создавать социологические службы, Институт социологии может предложить свои услуги, для реализации заказов Института стратегических исследований. Можно предложить Кабмину свои услуги, ведь он не использует целую сеть академических учреждений, не только Институт социологии, но и Институт экономики. Если они нуждаются в научных

рекомендациях и помощи, в том числе в сфере социальной политики, – пожалуйста. Юлия Владимировна либо г-н Томенко, который тоже не понаслышке знает, что такое социология. Вот вам шанс. Имея личные связи, личные выходы на гуманитарного вице-преьера – предложить свой пакет услуг, который можно реализовать через Камбин. И последнее. Механизм взаимодействия с органами власти. Первая возможная форма – это экспертные советы. Участие таких органов существует, но только на бумаге. И нужно реанимировать их деятельность, чтобы они работали и что-то предлагали. Следующее. Внешняя публичная экспертиза, то, что не делается и в чем есть нужда. Вот тут как раз практика тендеров может быть весьма кстати. Нужно реанимировать их деятельность, чтобы они работали. У каждого ведомства есть свои структуры, но они либо не в состоянии реализовать то, что есть, либо просто нет потенциала ресурсов, но использовать существующий ресурс они могут и сами об этом говорят. Кроме того, при многих ведомствах есть объемы так называемой технической помощи. Это то, что дают западные страны, Всемирный банк, МВФ и т. д. Вот тут вспоминали о статистике. Нам нужен не просто Госкомстат, а такой, который бы занимался целенаправленным сбором социальной информации. И обязательным субподрядчиком Госкомстата в новом понимании должен быть Институт социологии. Нужно не только собирать статистику, но и проводить социальные исследования. Нужен и общественный контроль. Вы знаете, что статистика – это товар. В России был большой скандал и уголовное дело при Госкомстате. У нас такого не было, но проблем в статистике не меньше, чем в России и в других странах. Потому нужен общественный контроль для того, чтобы контролировать качество статистической информации, затем для того, чтобы направить и методологию, и методику. Потому что есть проблемы и с тем, какую информацию собирать и как ее собирать. И последнее. А какова будет судьба Госкомстата? Останется ли он вообще? И как он будет работать? А это тоже проблема обеспечения

научной информацией в процессе принятия государственных решений. Я думаю, что поэтому научная общественность должна бить если не тревогу, то ставить вопрос о том, что этот орган нужен и государственной власти. Но он должен действовать по-новому, в новых формах и под общественным контролем.

И. Буров. Вы затронули болезненную тему со статистикой. Юрий Иванович Саенко вплотную занимался вопросом составления вопросника для статуправления. Что из этого получилось, мы, может быть, еще услышим, но из своего опыта могу сказать, что когда мы провели исследование по отношению населения к приватизационным вопросам – интереснейшая тема, – нам дали финансирование. Мы провели круглый стол, сделали сборник. Я разослал его по всем библиотекам. Ну и что? Ни одного отзыва. Никто не читает об этом. У меня есть только вырезка в газете. Юлия Владимировна говорила, что нужно разобраться с приватизацией. Мы об этом писали еще в 1998 г.

В. Фесенко. Люди работают. Прямого выхода на людей, которые принимают решения, не будет. Главное, чтобы эта научная аналитическая информация попадала к тем людям, которые являются либо прямыми советниками, либо готовят решения. Они потребители. Часть информации все-таки попадает. И важно чтобы этот процесс работал. Нужно, чтобы был канал связи. И чтобы вы при этом еще могли заработать.

И. Буров. Опять-таки, работают личные отношения. У нас таких возможностей нет. У нас только бюджетное финансирование. Поэтому за бюджетное финансирование такие глобальные исследования мы провести не можем. Подали заявку в Министерство науки. Написали минимум, который можно получить. Из этого минимума дали половину. Из этого минимума я получил 25%. Как можно провести исследование от того минимума, который наполовину обрезают?

СЕКЦІЯ II.

**ПОЛІТИКО-ПРИКЛАДНІ АСПЕКТИ
ВЗАЄМОДІЇ СОЦІОЛОГІЇ ТА ВЛАДИ**

Наталья Панина (Киев)

ЭКЗИТ-ПОЛЛ В УКРАИНЕ 2004 ГОДА: СОЦИОЛОГИЯ ИЛИ ПОЛИТИКА?

В современной Украине, как и в большинстве других стран, у власти к социологии интерес весьма специфический. Его отличительными особенностями являются следующие черты. «Сезонный характер» – обострение интереса приходится на период предвыборной кампании и угасает по мере упрочения во власти. «Личность» – концентрация интереса происходит, в основном, на измерении политических рейтингов. И, наконец, «публичность» – интерес проявляется к обнародованным результатам и преимущественно «на публике».

В периоды электоральных кампаний в эфире и на страницах газет бурно обсуждаются вопросы о том, насколько можно доверять как результатам опросов, так и отдельным социологам, да и социологии как науке в целом. Причем эти обсуждения каждый раз протекают практически по одному сценарию.

Но прежде чем перейти к рассмотрению конкретных данных, иллюстрирующих особенности взаимодействия социологов с «политикумом» в Украине, рассмотрим типичный круг действующих лиц современной электоральной сцены.

Основными действующими лицами электоральной сцены, конечно же, являются политики, претендующие на избрание во властные структуры, и избиратели, отдающие им свои голоса. Однако в процессе развития демократической избирательной системы в Украине, как и в других странах, формируются, развиваются и выходят на электоральную сцену и другие действующие лица – «агенты электорального процесса». Это профессиональные группы, чьи корпоративные

интересы непосредственно связаны с активным влиянием на избирательный процесс.

Французский социолог П. Шампань крайне негативно оценивает их роль как в самом электоральном процессе, так и в его научном осмыслении. В число таких агентов он включает политических журналистов, политологов, специалистов по опросам, специалистов по коммуникациям, которые *«каждый в своей манере, со своими собственными интересами и своими специфическими ставками более или менее прямо участвуют в политической игре. ... Господство этих агентов, имеющих притязания на наукообразность, которые прямо участвуют в политической игре, неизменно претендуя занимать нейтральную и объективную точку зрения на эту игру, представляет собой, разумеется, одну из самых важных преград для истинно научного анализа»*. Его критика базируется, в основном, на рассмотрении конкретных примеров выборов во Франции. Его раздражение понятно – конкретные поступки людей, обуреваемых сиюминутными прагматическими интересами, ничего, кроме раздражения, у настоящего ученого вызывать не могут.

Но, критикуя конкретных исполнителей, нельзя забывать о позитивном призвании роли электоральных агентов. Они, на наш взгляд, необходимы, в первую очередь для осуществления продуктивной коммуникации между электоратом и политиками. Политикам необходима объективная информация о потребностях населения, а потенциальному электорату необходимо четкое представление о политической позиции и лично-деловых качествах тех или иных политиков.

Другое дело, что в условиях жизненных реалий деятельность электоральных агентов под влиянием прагматических интересов «живых людей» приобретает манипулятивную направленность, эффективность которой во многом определяется наличием и количеством мистификационных атрибутов. Под мистификацией в данном контексте понимается «намеренное введение кого-либо в заблуждение, обман» со стороны «посвященных».

В качестве именно такого мистификационного атрибута электоральной сцены часто выступает «политический рейтинг». При рациональном отношении политика к своему рейтингу постоянная информация о нем помогает соотнести результаты своей деятельности с динамикой общественного мнения. При этом, очевидно, что чем более рационально политик относится к результатам измерения своего рейтинга, тем в большей степени он заинтересован в том, чтобы это измерение было как можно более точным, достоверным и, соответственно, – **конфиденциальным**. Как в отношениях пациента с врачом – диагностика, коррекция и конфиденциальность.

Однако как только рейтинг «выносится» на электоральную сцену, он перестает быть диагностическим прибором, а становится «предметом культа» у большинства действующих лиц предвыборной кампании.

- Для политиков опубликованный рейтинг становится их «жупелом» или «знаменем».
- Для политических журналистов «рейтинг» становится предметом заклинаний. Сначала они призывают «социологов» «дать цифру». Затем, указывая перстом на различия в «цифрах», громогласно требуют от социологов покаяться в грехах и разделиться на «чистых» и «нечистых». Рациональные объяснения особенностей выборочных исследований и тому подобные профессиональные нюансы остаются как бы вне сферы их понимания и обсуждения. Полностью из понимания журналистов как бы «выпадает» и очевидная политическая неопределенность позиций большинства конкурирующих партий и блоков. Политическая платформа, программа и стратегия большинства кандидатов, выходящих на электоральную сцену, часто не понятны не только избирателям, но даже самим лидерам партий. Политические перегруппировки основных конкурентов в борьбе за голоса избирателей (политические партии и блоки)

осуществляются столь часто в противоречии с политической логикой, что за ними не успевают уследить даже достаточно квалифицированные политологи. При такой неопределенности политических позиций у потенциальных избирателей просто не может быть устойчивых политических предпочтений, фиксирующихся устойчивыми «цифрами».

- В свою очередь, для «социологов», добывающих хлеб насущный опросами общественного мнения, «рейтинги» конкурирующих политических актеров превращаются в «философский камень», добыча которого на электоральном отрезке общественной жизни становится едва ли не вопросом их жизни и смерти, по крайней мере, финансовой.

Социологи на электоральной сцене, как правило, выступают в двух ипостасях: аналитики и специалисты по опросам общественного мнения – полстеры. В западных странах полстеры и социологи объединены в разные ассоциации, и полстеров, как правило, журналисты не называют социологами.

В Украине же политические журналисты упорно отказываются понимать разницу между социологами как учеными, занимающимися проблемами развития общества (в том числе и проблемами электоральной социологии), и полстерами – специалистами-технологами, занимающимися опросами населения. И я думаю, это «непонимание» не случайно. За номинацией «социолог» стоит определенный социальный капитал – авторитет научной квалификации, беспристрастности и объективности. Другой вопрос, насколько правомерно политических социологов, выполняющих функции аналитического характера и претендующих на научную объективность и позицию, стоящую как бы над предвыборной ареной, рассматривать в качестве агентов электорального процесса.

В пользу положительного ответа на этот вопрос могут выступать следующие основания.

Во-первых, к аналитикам, наряду с учеными-специалистами, имеющими соответствующую профессиональную подготовку и серьезные научные публикации в данной области, активно причисляют себя и «самоназванцы» – лица без профессиональной подготовки, и профессиональных публикаций. Нет особой необходимости доказывать, что в периоды предвыборных кампаний в «аналитики» активно «записываются» люди, не имеющие на то других оснований, кроме предприимчивости и желания заработать политический и, главное, финансовый капитал. Чаще всего именно они, зарегистрировав какой-нибудь центр с соответствующим названием и собственноручно назвав себя «политологом» или «социологом», активно включаются в избирательный процесс, выступая в роли «аналитиков». Пользуясь основным «социальным капиталом» ученых – доверием общественного мнения к науке в целом, – на публичной сцене они обладают рядом преимуществ.

- Для них характерно развитое чувство политической и масс-медийной конъюнктуры.
- Они пользуются лексикой и логикой, более близкой широкому потребителю, чем язык ученого.
- У них более сильный, чем у настоящих ученых, фактор прагматической (денежной) мотивации. В силу этого они чаще выходят на передовые позиции в масс-медийном пространстве электоральных коммуникаций.
- В ситуациях публичных выступлений отсутствие профессиональных знаний является даже преимуществом дилетантов: их рассуждения не обременены уточняющими отступлениями, обоснованиями, подчеркиванием ограниченности тех или иных выводов, которые так раздражают журналистов, поскольку непонятны и неинтересны широкой публике.

На публичной электоральной сцене как «самоназванцы», так и профессиональные социологи выступают под общей маской – «научная компетентность и объективность аналитика».

Во-вторых, когда даже компетентные аналитики результаты своего действительно объективного анализа обнаружат в период предвыборной кампании, высказываемые ими суждения и прогнозы в ситуации политической конкуренции так или иначе воздействуют на общественное мнение, «работают» в пользу тех или иных политических сил. Да и тиражируются результаты анализа, проводящегося в электоральном ажиотаже, далеко не беспристрастными «передатчиками» информации. Поэтому аналитики, выходящие «на публику» в период электорального действия, с полным основанием могут быть отнесены к тому же агенту влияния, что и политтехнологи, представители пиар-служб, специалисты по рекламе и другие агенты электорального процесса.

Как уже отмечалось, в тех случаях, когда политик реально заинтересован в помощи специалиста-социолога, будь то аналитик или специалист по опросу общественного мнения, он всегда заинтересован в конфиденциальности этой информации. Что же касается социологов, попадающих в электоральное поле, то неоднократно приходилось убеждаться – там, где начинается публичность, там заканчивается наука, методическая техника, профессиональная этика, и начинается «пиар-действие» – работа агентов электоральной сцены.

Лишним (во всех смыслах этого слова) подтверждением этого тезиса является последний выход социологов на электоральную сцену Украины.

Сначала все шло как обычно. Социологические центры проводили опросы. Публиковали результаты, касающиеся рейтингов. Средства массовой информации высказывали подозрения, уличали, что данные получаются в пользу тех кандидатов, которые оплачивают исследования. Социологи что-то объясняли, апеллировали к авторитету собственных фирм, предъявляли широкой общественности свои профессиональные выкладки. Иногда, правда, «взятые с потолка». Что же, сцена предполагает быструю реакцию и находчивость. Снова проводили исследования, и снова журналисты

высказывали суровые подозрения. В общем, все шло как всегда в период предвыборной кампании в Украине.

Нечто новое в развитии отечественной эмпирической социологии началось в связи с подготовкой к экзит-поллу. Поскольку мне довелось принимать участие в качестве аудитора (как это называлось вначале) или эксперта (как это решили назвать потом) в экзит-полле, проводимом во время первого тура президентских выборов, то лишний раз пришлось убедиться в том, что все, что происходит на электро-альной сцене, достаточно далеко от эмпирической социологии. Я имею в виду те методические требования и правила, выполнение которых позволяет получать качественную информацию.

Экзит-полл занимает особую нишу в ряду массовых опросов. Обычно особенностью этого типа опроса является редкая возможность для социологических центров проверить качество своей работы по внешнему критерию валидности – результатам голосования. Кроме того, экзит-полл всегда позволяет собрать весомую информацию о социально-демографической базе электоратов различных политических сил.

Особенность действия под названием «экзит-полл в Украине 2004 года» заключалась в том, что заведомо подвергалась сомнению достоверность результатов выборов, которые будут оглашены Центризбиркомом, а результаты экзит-полла предполагалось рассматривать в качестве «единственно достоверного источника информации о результатах волеизъявления украинского народа».

В современном мире это не новый сценарий. По этой же модели недавно были проведены экзит-полл в Афганистане, Ираке, Палестине. Как пишет американский политический обозреватель Лина Ландес в своей статье «Экзит-полльное безумие», во всех этих странах экзит-полл проводил Международный Республиканский Институт США при поддержке Администрации президента Буша.

В Украине экзит-полл готовились провести собственными силами, возложив на собственные плечи всю полноту гражданской и методической ответственности. И здесь осо-

бое значение приобретает вопрос о критериях валидности. Этот вопрос, собственно, должен стоять перед любым эмпирическим исследованием. Но в данном случае его значимость несоизмеримо возрастала. Что могло служить критерием валидности метода и качества информации в данных обстоятельствах?

На наш взгляд, по меньшей мере согласованность данных, полученных разными центрами; идентичность результатов, различающихся друг от друга в пределах статистически допустимой погрешности. Что же декларировалось в качестве такого критерия в эфире? «Честное купеческое слово» и заклинания об авторитете центров, которые будут проводить исследование.

Еще на подготовительном этапе началась борьба «торговых марок», «брендов», особенности которых мы рассмотрим несколько позже. Сейчас же, не вдаваясь в политические и морально-этические отступления, обратимся к социологии – сухим цифрам, которые были получены пятью социологическими центрами, каждый из которых, по сути, провел отдельный опрос, и, как и ими декларировалось, предоставил свои результаты для открытой экспертизы (см. Табл.1).

Таблица 1

Результаты первого тура голосования на выборах президента Украины (31.10.2004), по итогам экзит-поллов, проведенных пятью социологическими службами*

Скажите, за кого Вы проголосовали?	ЦИК	ЦР	КМИС	СОЦИС	ЦСМ	УИСИ
		N 12594	N 12483	N 12496	N 12780	N 12430
Базилюк А.Ф.	0,03	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0
Бойко Б.Ф.	0,04	0,0	0,0	0,1	0,5	0,4
Бродский М.Ю.	0,05	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0
Витренко Н.М.	1,53	1,4	1,5	1,5	1,7	1,4
Волга В.А.	0,04	0,1	0,1	0,0	0,1	0,0

Продолжение таблицы 1

Скажите, за кого Вы проголосовали?	ЦИК	ЦР	КМИС	СОЦИС	ЦСМ	УИСИ
		N 12594	N 12483	N 12496	N 12780	N 12430
Грабарь Н.Ф.	0,07	0,1	0,1	0,0	0,1	0,1
Душин И.Л.	0,03	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0
Збитнев Ю.И.	0,05	0,1	0,1	0,0	0,1	0,0
Кинах А.К.	0,93	1,0	0,7	0,9	1,2	1,1
Козак Р.Н.	0,02	0,1	0,1	0,0	0,1	0,1
Комисаренко С.В.	0,04	0,0	0,1	0,0	0,0	0,1
Корчинский Д.А.	0,17	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Кривобоков В.А.	0,03	0,0	0,0	0,0	0,0	?
Мороз А.А.	5,81	5,2	5,6	5,8	5,9	6,2
Нечипорук В.П.	0,02	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Омельченко А.А.	0,48	0,3	0,2	0,4	0,3	0,4
Ржавский А.Н.	0,03	0,0	0,1	0,0	0,1	0,0
Рогожинский Н.В.	0,03	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Симоненко П.Н.	4,97	5,1	5,0	5,4	5,6	4,6
Черновецкий Л.М.	0,45	0,6	0,5	0,5	0,4	0,5
Чорновил А.В.	0,12	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1
Ющенко В.А.	39,87	44,5	44,6	42,0	39,4	39,5
Яковенко А.Н.	0,78	0,7	0,7	0,1	0,1	0,2
Янукович В.Ф.	39,32	37,4	38,1	41,1	42,4	43,2
Не поддержал ни одного кандидата на пост Президен- та Украины		2,7	2,0	1,5	1,8	1,9

* ЦР – Центр им. Разумкова; КМИС – Киевский Международный Институт Социологии; ЦСМ – Центр «Социальный Мониторинг»; УИСИ – Украинский Институт Социальных Исследований

В той части таблицы, которая отражает результаты, полученные по всем кандидатам, за исключением В. Ющенко

и В. Януковича, «социологический глаз» не может не порадовать согласованность данных всех пяти центров – как между собой, так и с результатами Центризбиркома.

Совсем иную картину можно видеть в нижней части таблицы. Центры как бы позиционируются на каждой из двух взаимосвязанных шкал, названия которым подсказывает антураж электоральной сцены Украины 2004 г.: «оранжевая» и «бело-голубая».

Если в качестве критерия валидности традиционно рассматривать данные Центризбиркома, то по В. Ющенко в пределах статистической погрешности данные валидны только у центра Социальный Мониторинг и Украинского Института Социальных Исследований. По В. Януковичу в пределах, допустимых доверительным интервалом, находятся только данные КМИС.

Если в качестве критерия валидности рассматривать результаты параллельного подсчета голосов штабом В. Ющенко (42%), то этому критерию соответствуют только результаты фирмы «Социс». (Какие метаморфозы они претерпевали на публичной сцене, это уже вопрос не эмпирической социологии, а политики и профессиональной этики, как, впрочем, и все остальное тоже). Свою задачу я сейчас ограничиваю только тем, чтобы подтвердить этот тезис социологическим материалом. А посему вернемся к нашим таблицам.

Если результаты Центризбиркома и штаба В. Ющенко вообще не учитывать, а ориентироваться только на согласованность результатов различных центров, то, на первый взгляд, наиболее согласованные данные по В. Ющенко и В. Януковичу у Центра Разумкова и КМИС.

На этом основании два центра из четырех, входящих в консорциум, объединили свои массивы (правда, непонятно зачем) и объединенные результаты с их распределением по областям были опубликованы в газете «Зеркало недели» (6 ноября 2004 г.) в сопоставлении с данными Центризбиркома, видимо, для того, чтобы читатели могли сами анализировать – что же там такое происходило в регионах и у кого сколько голосов украли.

Таблица 2

Распределение по областям результатов голосования по трем кандидатам
(В. Ющенко, В. Янукович и А. Мороз) по данным пяти социологических центров,
проводивших экзит-полл по идентичным выборкам

Область	В. Ющенко					В. Янукович					А. Мороз						
	ЦИК	ПР	КМИС	СОЦ	ПСМ	УИСИ	ЦИК	ПР	КМИС	СОЦ	ПСМ	УИСИ	ПР	КМИС	СОЦ	ПСМ	УИСИ
N		12594	12483	12490	12780	12430		12594	12483	12490	12780	12430	12594	12483	12490	12780	12430
АР Крым	12,8	12,5	11,1	8,4	11,1	12,1	69,2	72,5	72,0	75,3	69,3	73,6	2,1	0,3	2,9	1,2	1,3
Винницкая	59,5	63,7	68,8	47,5	43,3	44,6	16,1	12,9	14,4	26,1	27,1	32,9	12,9	7,9	16,1	8,7	11,5
Вольнская	77	79,3	84,0	80,8	77,1	84,1	10,6	8,4	8,4	13,4	9,6	9,3	2,9	2,5	3,6	2,5	3,1
Днепропетровская	18,7	24,9	21,9	22,4	21,6	21,7	49,8	47,2	49,2	49,5	44,9	50,2	5,5	6,5	6,2	5,8	4,0
Донецкая	2,9	3,5	5,6	2,5	3,5	3,7	86,7	86,6	85,6	89,8	88,0	88,2	1,5	2,0	1,7	1,3	2,2
Житомирская	43,5	48,1	47,9	51,6	53,4	47,1	29,2	31,2	29,2	23,5	23,5	27,8	8,3	9,2	13,0	8,5	10,3
Закарпатская	46,8	54,5	44,2	48,9	51,7	63,6	37,9	34,0	45,5	37,5	23,9	28,9	4,0	2,3	3,9	2,8	1,7
Запорожская	16,6	21,8	22,1	17,2	18,2	16,8	55,7	60,5	56,9	57,3	62,7	56,8	2,6	3,0	4,6	4,4	5,5
Ивано-Франковская	89,4	93,8	91,7	92,6	90,4	93,9	4,3	3,0	3,9	4,4	2,0	2,7	0,5	1,7	1,6	1,7	1,7
Киевская	59,7	70,4	71,2	74,0	51,8	56,3	16,8	13,2	9,7	11,6	19,2	22,1	8,7	7,9	5,5	13,8	12,3
г. Киев	62,4	78,6	75,4	75,1	67,3	71,1	14,7	8,1	9,4	11,6	13,6	12,0	3,6	4,5	4,4	5,0	5,5
Кировоградская	37,1	47,7	36,6	29,5	46,5	42,0	31,5	24,7	31,0	37,0	20,0	34,5	8,4	15,7	19,5	11,6	11,3

Продолжение таблицы 2

Область	В. Ющенко					В. Янукович					А. Мороз						
	ЦИК	ПР	КМИС	СОЦ	ПСМ	УИСИ	ЦИК	ПР	КМИС	СОЦ	ПСМ	УИСИ	ПР	КМИС	СОЦ	ПСМ	УИСИ
N		12594	12483	12490	12780	12430		12594	12483	12490	12780	12430	12594	12483	12490	12780	12430
Луганская	4,5	8,3	6,3	5,8	6,4	5,4	80	75,5	81,3	82,1	79,9	83,2	3,4	1,2	2,9	1,7	1,2
Львовская	87,3	93,5	92,3	89,7	94,6	93,7	5,8	2,8	4,1	7,8	-1,2	2,8	1,5	1,3	1,2	0,8	1,0
Николаевская	17,9	23,3	18,8	19,6	21,1	19,5	54	51,4	53,6	62,1	51,5	58,8	3,4	10,9	2,3	4,8	4,1
Одесская	17,4	27,1	26,4	22,0	25,1	17,3	53,4	47,1	48,5	53,4	46,8	64,4	5,7	8,7	6,7	10,9	6,7
Полтавская	43,6	48,8	50,0	39,0	54,4	50,8	26	23,6	26,1	34,8	19,0	23,6	13,2	14,2	14,7	15,0	17,1
Ровненская	69,3	76,3	75,6	70,7	61,2	72,5	16,1	14,3	12,4	21,9	21,5	14,8	6,5	4,2	3,9	8,6	4,7
Сумская	53,2	38,3	76,9	58,1	47,4	49,2	26	22,4	10,4	21,1	29,3	28,9	3,6	5,1	9,1	5,8	4,6
Тернопольская	87,9	95,9	94,1	88,7	88,6	91,5	5,4	1,6	4,0	6,2	5,8	3,6	1,6		4,0	2,8	2,8
Харьковская	15,4	21,6	21,4	23,1	18,0	17,3	57,4	54,7	53,3	56,4	57,6	60,6	4,2	6,3	5,2	5,5	4,8
Херсонская	32,1	43,1	33,9	43,7	37,7	37,5	37,5	27,6	35,4	31,0	35,8	35,9	5,9	16,5	5,4	6,8	9,8
Хмельницкая	57,9	59,2	64,8	66,7	61,3	47,0	21,1	19,8	18,9	16,7	20,7	37,5	10,3	5,4	6,9	12,9	5,6
Черкасская	57,6	63,8	66,9	64,0	63,0	70,9	18,2	14,8	16,8	19,7	15,3	12,5	10,0	9,1	6,4	11,2	8,5
Черновицкая	66,6	67,7	79,1	66,7	73,3	84,8	17,9	19,0	11,6	22,9	18,5	9,1	5,6	2,0	2,4	2,5	2,5
Черниговская	43,3	55,5	51,6	63,9	43,6	48,3	24,5	18,4	24,6	15,5	23,1	16,8	12,3	10,6	13,0	15,2	23,0
УКРАИНА	39,9	44,5	44,6	42,0	39,4	39,4	39,3	37,4	38,1	41,1	42,4	43,1	5,2	5,6	5,8	5,9	6,2

В данном случае, учитывая идентичность выборки, одновременность проведения опроса, а также идентичность методик Центра Разумкова и КМИС с одной стороны и Социса и ЦСМ – с другой, согласованность распределений можно было бы рассматривать в качестве показателя ретестовой надежности информации, полученной путем расщепления выборки. По крайней мере это применимо к двум первым центрам, которые посчитали возможным объединять свои массивы. (Коэффициенты различий, например «хи-квад-рат», или коэффициенты связи могли бы выступать показателями надежности этих данных). Однако даже невооруженным глазом видно, что ни у одного из пяти центров данные по областям не согласуются ни друг с другом, ни с данными Центризбиркома. А наибольшее расхождение фиксируется именно у центров, предоставивших объединенные данные по областям широкой общественности, опубликовав их в средствах массовой информации. Разница по В. Юценко между данными центра Разумкова и КМИС в Сумской области составляет 38% (!). Да и по ряду других областей расхождения многих данных выходят за статистически допустимые пределы. Причем если по одному из кандидатов в какой-то области значение у центра Разумкова на 5–10% выше, чем у КМИС, то в этой же области по какому-либо другому кандидату на эти же 5–10% ниже, и наоборот. Было бы если не смешнее, то, во всяком случае, честнее, если бы каждый из этих центров поместил свои результаты. По крайней мере читатель имел бы возможность догадаться, что результаты экзит-полла не являются истиной в последней инстанции.

Четыре центра из пяти, чьи результаты представлены в таблицах, начинали совместную работу как единая организация, работающая на общий результат опроса 50 тысяч респондентов. По крайней мере именно так декларировалось до последнего дня во всех публичных анонсах. В дальнейшем почему-то оказалось, что каждый центр проводит свое исследование, опрашивая 12,5 тыс. человек по одной и той же схеме выборки. Такой подход тоже имеет свои преимущества, поскольку предоставляет благоприятную возможность

оценить надежность и валидность информации. (Этот материал мог бы стать такой своеобразной иллюстрацией статистического постулата учебника – «Если бы по одной и той же выборке в одно и то же время мы провели этот опрос сто раз, то в 95 случаях мы получили бы результат, который не отклоняется более чем на 0,9%, а в 99 случаях мы получили бы результат, который не отклоняется более чем на 1,2%».) При случайной выборке такого расхождения данных по областям, какое мы видим, не должно было быть, если в процедурах выборки или организации исследования не было систематических ошибок. Кстати, на вероятность таких ошибок, заложенных в процедуре выборки, членам Консорциума указывали эксперты из Польши, Украины и России (центра Левады). Но если систематические ошибки все же были допущены, то о какой достоверности итоговых результатов можно говорить.

Но была ли здесь социология? Был ли мальчик? Была ли заинтересованность у кого-либо из участников в качестве социологической информации? Как я уже говорила, когда социолог выходит на политическую сцену, он становится заложником политических правил игры. Сценарий проведения экзит-поллов в Украине – лишнее тому подтверждение. Как по отношению участников опросов к качеству результатов, так и по драматургии сценария.

В целом в драме «Экзит-полл в Украине–2004» было задействовано три основных группы участников, которые по их ролям я бы назвала: «консорциум», «анти-консорциум» и «анти-анти-консорциум».

Группа «Консорциум» вступила на сцену первой. Она включала пять центров, четыре из которых должны были проводить экзит-полл. Роль пятого центра была обозначена как руководящая и координирующая. Странная структура для крупномасштабного социологического опроса. Четыре центра систематически занимаются опросами населения и имеют квалифицированных дипломированных руководителей и персонал. А в качестве руководителя и координатора проекта выбирают центр «Демократические инициативы».

Этот центр занимает особое место в социологическом поле Украины. Надо отдать должное его продуктивности на уровне популяризации социологии, энергичности его руководителей на поприще работы со спонсорами, прессой, социологами и т. п. Но при всем желании его руководителей и персонал ни по каким общепринятым в мировой практике критериям нельзя назвать профессиональными социологами, тем более специалистами, имеющими профессиональные знания в области подготовки и проведения широкомасштабных опросов с соответствующим контролем качества информации на разных этапах социологического исследования.

Результаты формирования такой структуры консорциума не могли не сказаться на уровне и особенностях подготовки к проведению экзит-полла. Я имею в виду пропорции внимания, которое уделялось пиар-компаниям вокруг экзит-полла и собственно подготовки к опросу. С одной стороны, масштабная пропаганда и широкое анонсирование предстоящего действия, а с другой – отсутствие элементарных атрибутов эмпирического исследования, свидетельствующих о качестве подготовки.

Консорциум в лице своего руководства широко оповещал о прозрачности и открытости своей работы. Более того, взял на себя труд пригласить и организовать работу аудиторов/экспертов. Но... проводить экспертизу подготовительного этапа было, собственно говоря, не на чем. В первую очередь не было обоснования и описания проекта в целом. Не было описания и обоснования процедуры выборки. Не было, соответственно, и соответствующего своевременного заключения внешних экспертов по проекту исследования, позволяющего своевременно учесть и избежать ряда ошибок и погрешностей на этапе подготовки. За день до опроса не было даже списка избирательных участков, на которых надо было проводить опрос. И соответственно, аудиторы не могли оценить качество полевой работы. Экспертам не были предоставлены запрошенные ими списки интервьюеров с указанием их опыта работы и свидетельством того, что они прошли обучение или подготовку. После окончания опроса

аудиторам, несмотря на их запрос, не были предоставлены полевые документы, позволяющие оценить качество работы интервьюеров, что эксперты не смогли ознакомиться с проектной документацией не потому, что члены консорциума хотели что-то скрыть от аудиторов. Просто проектных документов, необходимых для качественной подготовки к проведению опроса, вообще не было! Не было даже организационно-координационного плана совместной работы центров с соответствующими обязательствами, графиком и документацией, подписанной всеми участниками. Именно этот пробел и привел, в частности, к созданию ситуации, дискредитирующей результаты экзит-полла в целом, когда участники одного консорциума на разных каналах телевидения представляли разные результаты, репрезентирующие результаты одного и того же голосования.

Однако, несмотря на «предполевую» занятость (а заняты они были очень сильно, если учесть, что все делалось в последнюю минуту), члены консорциума были готовы отвечать на любые вопросы. И отвечали. А эксперты как фольклористы слушали устные повествования членов консорциума о выборке, об особенностях организации, методах сбора информации. И, соответственно, как это и бывает в фольклористике, их «рассказки», особенно по процедуре выборки, различались, нередко достаточно принципиально, с точки зрения эмпирической социологии.

Именно в отсутствии соответствующей подготовки к исследованию следует искать социологические причины того, что результаты опросов у всех центров не соответствуют критериям надежности и валидности социологической информации. Именно необоснованная самонадеянность ведущих фирм, занимающихся опросами общественного мнения, является латентной причиной публичных скандалов, погасить которые пытались, неуклюже ссылаясь на различия в методах проведения опроса, причины и обоснованность выбора которых малопонятны широкому читателю (телезрителю).

Я не буду сейчас останавливаться на особенностях метода «секретный бюллетень». Это – предмет специального методического обсуждения. Он требует дополнительных методических экспериментов, для проведения которых, кстати, была потрясающе удобная возможность в рамках этого проекта. Только надо было, во-первых, запланировать это на этапе подготовки проекта, а не за неделю до полевого этапа. Во-вторых, было бы значительно продуктивнее, если бы каждый из центров половину выборки опросил одним методом, а половину – другим на одних и тех же участках. В таком случае нивелировался бы фактор центра и в большей степени обозначился фактор метода. Объемы выборок позволяли сделать это практически без всякого ущерба для точности результатов. Если бы руководитель-координатор своевременно и грамотно выполнил свои функции, украинская эмпирическая социология получила бы уникальный методический материал, украинская политика – характеристику масштабной базы электората каждого из политиков, участвовавших в предвыборной кампании, а украинское общество – обоснованный и надежный реальный результат голосования.

Однако суть Консорциума, его организационно-целевая структура, как я уже отмечала, была как-то непонятной с самого начала. Если центры объединились, чтобы провести один опрос по выборке 50 тыс. человек, с тем, чтобы повысить точность результатов, то почему вообще возник вопрос об объединении (или не объединении) массивов данных. Если же проект был построен таким образом, что каждый центр работает автономно, а объединились они в консорциум для создания максимально идентичных условий проведения опросов, с целью обеспечения взаимного подтверждения валидности результатов, то зачем было ставить вопрос об объединении массивов. Но и при первом и при втором подходах, каждый из которых мог иметь свои преимущества, непонятной является руководящая и координирующая роль организации «Демократические инициативы», с точки зрения качественного проведения исследования. Но если

принимать во внимание, что качество информации, как видно из подготовки к опросу, мало кого интересовало из широкого круга участников действия «Экзит-полл в Украине – 2004», поскольку главным результатом должен был быть выход на публичную политическую сцену, тогда расстановка сил становится более понятной. Качество социологической информации оценивается по критериям «политической целесообразности», приправляется заклинаниями о профессиональной этике. В руках появляется новейший манипуляционный атрибут – волшебная палочка под названием «Кодекс профессиональной этики», и – вперед. Куда? Конечно же, на публичные сцены: телеэкраны, радиоэфир, сайты Интернета. Вот где пригодилась головная организация консорциума с ее связями в медийном пространстве в борьбе не только с заведомыми оппонентами, но и с «раскольниками» от Консорциума. Что касается группы «Анти-консорциум», включающего главную организацию – Украинский институт социальных исследований и шесть университетов, то здесь атрибуты агента электоральной сцены не скрывались с самого начала с заявления, поданного в правление Социологической Ассоциации Украины о поддержке еще одного экзит-полла. Этому можно было бы только порадоваться, тем более что речь шла о том, что модель организации и даже объем выборки будут точно такими же, как и у четырех предыдущих организаций. Значит, будет еще один критерий для оценки валидности. Но никто этому не радовался. Во-первых, заявление было пропитано политическими нотками противопоставления «настоящего» «Украинского» экзит-полла другим, «не настоящим», «не Украинским». Во-вторых, к нему так же, как и в работе Консорциума, не прилагалось описание проекта, предназначенное для серьезного обсуждения и профессиональной экспертизы. Зачем же это заявление надо было подавать в правление Социологической ассоциации Украины? Можно предполагать, что для того, чтобы получить «бренд» в качестве амулета для предстоящих баталий. В ответ консорциум быстренько из

Консорциума переименовался в Национальный экзит-полл, принял вызов и эти баталии открыл по полной программе.

Таким образом, еще до проведения экзит-поллов, складывалось впечатление, что все участники будто бы заранее знали предстоящие результаты опросов. И то, что они будут разные. И даже то, какие они будут.

Здесь справедливости ради следует дополнить, что руководитель Украинского экзит-полла с достоинством принял вызов «полевого» командира Национального экзит-полла, и на его призыв тоже стать открытым и прозрачным принял экспертов, отвечал на все вопросы и, также как и консорциум, предоставил массив с результатами исследования для общественного аудита. Благодаря этому у широкой общественности появилась возможность сравнить эти данные с результатами центров, вошедших в состав консорциума. Что можно сказать? Они не лучше (но и не хуже) результатов других центров. Разумеется, с точки зрения критериев надежности и валидности социологической информации. В политическом аспекте это, конечно же, разные результаты, но с одинаковой степенью социологической обоснованности.

Я еще ничего не сказала о деятельности группы «Анти-анти-консорциум», которая возложила на себя миссию «спасения» Украинской социологии. Но о ней, в общем-то, и нечего особенно говорить. Ее участники как-то сразу приняли правила политической игры на электоральной сцене. Не очень-то углубляясь в «дебри» методического и профессионально-этического анализа деятельности всех участников проведения экзит-полла в Украине, они поспешили обнародовать свой «строгий приговор» некоторым коллегам, в котором больше просматриваются политические критерии оценки деятельности, нежели социологические. В спешке развития политической ситуации они как-то забыли, что не только участники электоральных опросов, но и те, кто судит об их деятельности, должны руководствоваться основными положениями Кодекса профессиональной этики, не превра-

щая этот документ, регламентирующий этику профессиональных отношений, в новый мистификационный атрибут политического действа.

Таким образом, была возможность лишней раз убедиться, что когда социологи выходят на публичную электоральную сцену, хотя бы они этого или не хотят, они играют совсем в другие игры. И эта проблематика называется не «социология и политика», а «политика и политика, и еще раз политика».

Возвращаясь к социологии и подводя итоги анализа ситуации, которая сложилась в украинской социологии после участия ряда ведущих социологических центров в событиях, связанных с выборами президента Украины в 2004 г., следует подчеркнуть три основные причины, которые, на наш взгляд, привели к определенной дезинтеграции украинского социологического сообщества.

Первой причиной, которой я уделила наибольшее внимание, является, на наш взгляд, отсутствие должной подготовки к проведению опросов и принятие (в противоречии с кодексом профессиональной этики, который на словах они так часто поминали), в роли руководителей и координаторов проекта лиц, не имеющих на то ни профессиональной подготовки, ни профессионального права. Халатная самонадеянность руководителей центров, участвовавших в проведении экзит-поллов, привела в конечном итоге к получению и обнародованию некачественной, недостоверной и разноречивой информации, имеющей важное гражданское значение.

Второй причиной, которая в определенной мере привела к напряжению в Социологической Ассоциации Украины, является, на наш взгляд, некоторое отставание украинской социологии в профессиональной дифференциации. После публичной демонстрации разноречивых результатов измерения одного и того же процесса выборов ответственность за некачественную работу опросных центров была общественным мнением атрибутирована всем украинским социологам. И большинство социологов приняли на себя эту ответствен-

ность, несмотря на то, что специфика деятельности многих из них достаточно далека от эмпирической социологии. Многие специалисты, разрабатывающие теоретическую проблематику, просто в силу своей специализации могут не разбираться в качестве полевой работы эмпирической социологии и уж тем более нести ответственность за результаты деятельности социологических центров, занимающихся опросами населения на коммерческой основе. Как я уже отмечала, в западных странах социологи и полстеры (специалисты по опросам общественного мнения) объединены в разные ассоциации. Видимо, в Украине эта проблема тоже требует своего конструктивного разрешения. Разумеется, среди социологов могут быть не только теоретики, но и специалисты в области эмпирической социологии; и среди специалистов по опросам общественного мнения могут быть как узкоспециализированные технологи, так и аналитики. Но это должно происходить на новом более дифференцированном уровне профессиональной солидаризации. И если журналист задает социологу вопрос, который выходит за рамки его компетенции, социолог должен, не стесняясь, честно ответить, мол, «извините, но я не являюсь специалистом в этом вопросе». Во всем мире это общепринятая практика.

И, наконец, третьей причиной является, на наш взгляд, ставший уже недоброй традицией выход на публичную сцену руководителей служб по проведению опросов населения. В данном случае я имею в виду не персоналии, а ролевые позиции. Разумеется, научный сотрудник, работающий в какой-либо службе по опросам населения, вполне может выступать в качестве аналитика по тем или иным проблемам социологии, специалистом по которым он является. (В какой степени он является специалистом, можно судить по общепринятым в мире критериям – научным публикациям в данной области.) Он может также выступать и в роли независимого эксперта по отношению к работе другого центра, давая оценку, разумеется, не вырванным из контекста цифрам или фактам, а располагая всей полнотой полевой документации.

Однако если тот же социолог выступает в ипостаси представителя центра, который провел опрос по какому-либо коммерческому заказу и презентует результаты этого опроса, то о какой же объективности в оценке качества этой информации может идти речь. Ведь именно данный центр осуществлял подготовку, процесс опроса и контроль качества работы. Было бы странно ожидать от представителей социологических служб публичного критического самоанализа всех недостатков собственной работы и подвергать сомнению собственные результаты.

К слову, в США проведение рейтинговых опросов, результаты которых обнародуются, заказывают и оплачивают, как правило, сами средства массовой информации – газеты, телекомпании. Степень их респектабельности является определенной гарантией качества фирмы, проводящей опросы и, соответственно, гарантией качества данных. Конечно, все это не позволяет полностью избежать скандальных несоответствий и «справедливых подозрений». Все, кто следил за опросами общественного мнения в США во время последних выборов, знают об этом. Но нарекания и обвинения в тенденциозности или неправильности тех или иных результатов адресуются не социологам, а тем средствам массовой информации, которые их обнародовали. Это совершенно справедливо, так как «рейтинги» приобретают характер манипулятивного атрибута только в том случае, если они появляются на публичной сцене. А публичность является сутью именно журналистской работы.

Было бы целесообразно, на наш взгляд, и в Украине следовать общепринятым правилам профессиональной дифференциации и профессиональной ответственности. Когда заказчиком социологических опросов выступают средства массовой информации или аналитические центры при тех или иных политических структурах, они сами должны нести всю полноту ответственности не только за выбор фирмы по проведению опроса, но и за качество ее работы. Будучи заинтересованным в объективности и достоверности информа-

ции, заказчик может приглашать независимых экспертов для оценки качества результатов на всех этапах работы. Выступая с презентацией результатов опроса, они должны принимать на себя ответственность за качество обнародуемых результатов, делая лишь ссылку на то, что «опрос по заказу такой-то организации проводил такой-то центр». Если же обнародованные результаты опросов вызывают у широкой общественности подозрения, заказчик может лишний раз обратиться к независимым экспертам и принять для себя решение о продолжении или прекращении сотрудничества с тем или иным опросным центром, не превращая собственные ошибки в публичный скандал и скорый «общественный» суд над социологами.

Таким образом, экзит-поллы, проведенные во время проведения выборов президента в Украине в 2004 г., как лакмусовая бумажка обнаружили накопление ряда *методических, этических и организационных проблем*, без конструктивного разрешения которых на основе реорганизации украинской социологии и ее взаимоотношений с другими институциями, на наш взгляд, трудно прогнозировать ее дальнейшее благоприятное развитие.

Борис Сагалаков (Київ)

ПОЛІТИКА, СОЦІОЛОГІЯ, ВИБОРИ

Минулі президентські вибори значною мірою підірвали довіру суспільства до соціологів і поставили перед останніми серйозні питання щодо підвищення власного професіоналізму. Причому під професіоналізмом я розумію не тільки високий теоретико-методологічний, але й моральний рівень підготовки соціологів, бо незаангажованість, неупередженість, об'єктивність дослідження не меншою мірою підкреслює професіоналізм соціолога. Практика показує, що чим нижче рівень підготовки соціолога, чим нижчий професіоналізм працівників соціологічної служби, тим більша вірогідність фальсифікації ними результатів соціологічних досліджень, особливо в соціології політики, де соціологічні результати, передусім рейтинги кандидатів чи політичних сил, використовують часто для ідеологічних пропагандистських цілей або взагалі для виправдання фальсифікації результатів виборів. І в цьому випадку соціологів не може виправдати посилення на тиск з боку влади, не кажучи вже про чисто меркантильні інтереси певних соціологів або соціологічних служб, які готові за гроші забезпечувати для політиків будь-який замовлений результат.

Якщо із замовленими «дослідженнями» все зрозуміло, то зниження загального якісного рівня соціологічних досліджень у соціології політики не може не турбувати. Дехто може закинути мені в тому, що я «згущую фарби», але аналіз результатів роботи соціологів в останній президентській кампанії підтверджує правоту такого висновку. Так, на середину серпня 2004 р. практично всі соціологічні служби України (а багато які ще в квітні-травні) у своїх рейтингових опитуваннях показували розрив між двома основними

кандидатами в Президенти України В. Ющенком і В. Януковичем в середньому на рівні 3 5% , деякі максимум 7% (див. рейтинги в засобах масової інформації за серпень 2004 р.).

Але соціологічне дослідження, проведене нашою службою з 23 по 27 серпня 2004 р. в 16 регіонах України, які були відібрані за результатами парламентських виборів 1998 і 2002 рр. та президентських 1999 р. (причому пріоритет надавався останнім парламентським виборам), дало зовсім інший результат, і не тільки по двом основним кандидатам.

Усього за випадковою квотною вибіркою з урахуванням основних соціально-демографічних характеристик населення України (населений пункт, у якому проживає респондент, стать, вік, освіта) було опитано 2500 респондентів. Після чистки масиву анкет (вибраковки таких, що не відповідають репрезентативності вибіркової сукупності) для аналізу було залишено 2293 анкети.

Квотна, а не маршрутна вибірка була вибрана для того, щоб максимально збільшити анонімність опитування. Бо як показує практика подібних соціологічних досліджень (особливо досліджень в ході президентської кампанії 1999 р.), при поквартирному опитуванні населення значна частина респондентів або починає давати неправдиву відповідь, або не дає змістовної відповіді, «ховаючись» за пунктом «важко відповісти».

Рейтинг основних кандидатів у Президенти України за даними нашого опитування:

- Н. Вітренко – 3,9% ;
- А. Кінах – 1,6% ;
- О. Мороз – 8,6% ;
- П. Симоненко – 8,6% ;
- О. Омельченко – 1,4% ;
- В. Ющенко – 34,7% ;
- В. Янукович – 23,1% ;
- Інший – 2,7% ;
- Не визначилися – 14,6% .

Причому серед тих, хто однозначно збирався прийти на вибори, готові були проголосувати:

- за О. Мороза – 9,2% ;
- за П. Симоненка – 10,8% ;
- за В. Ющенка – 42,2% ;
- за В. Януковича – 22,8% .

Як бачимо, розрив між двома основними кандидатами складав на той момент близько 12% , а серед тих, хто однозначно планував прийти на виборчі дільниці, – більше 19% опитаних респондентів. Що значно відрізняється навіть від семивідсоткового розриву, не кажучи вже про 35% .

Дані наших досліджень підтверджуються і якісними показниками значної переваги В. Ющенка над основним конкурентом. Нижче наводяться оцінки населенням країни діяльності головних претендентів на посаду Президента України в основних сферах життєдіяльності суспільства на посту прем'єр-міністрів:

	В. Ющенко	В. Янукович
	<i>Економіка</i>	
Найнижча оцінка	7,3% опитаних респондентів	11,3%
Низька	11,7%	14,0%
Середня	20,5%	27,9%
Висока	29,7%	23,5%
Найвища	17,8%	9,8%
	<i>Політика</i>	
Найнижча	7,7%	11,6%
Низька	14,2%	16,6%
Середня	23,0%	28,0%
Висока	26,7%	20,7%
Найвища	15,0%	8,8%
	<i>Соціальна сфера</i>	
Найнижча	8,4%	12,9%
Низька	14,7%	16,7%

	В. Ющенко	В. Янукович
<i>Соціальна сфера</i>		
Середня	23,0%	27,3%
Висока	25,7%	20,5%
Найвища	14,6%	8,2%
<i>Культура</i>		
Найнижча	9,2%	14,6%
Низька	16,1%	17,1%
Середня	22,5%	27,1%
Висока	24,2%	17,6%
Найвища	12,9%	7,6%

Окрім того, кращим прем'єр-міністром України В. Ющенка назвали 45,7% опитаних респондентів, а В. Януковича – 30,2%.

Як бачимо, і в цілому (+15,5%), і по кожній сфері зберігається стійка тенденція переваги В. Ющенка над В. Януковичем на рівні 11,5–14,5%:

Економіка – 47,5% позитивних оцінок у першого проти 33,3% у другого = + 14,2%;

Політика – 41,7% проти 29,5% = + 12,2%;

Соціальна сфера – 40,1% проти 28,7% = + 11,4%;

Культура – 37,1% проти 25,2% = + 11,9%.

Якщо взяти різницю середніх якісних оцінок обох основних кандидатів на посаді прем'єра і порівняти з різницею їх рейтингу, то вони практично однакові: 15,5% + 14,2% + 12,2% + 11,4% + 11,9% = 65,2 : 5 = 13,0% проти 13,8%.

Таким чином, змістовні оцінки діяльності обох кандидатів на посаді прем'єр-міністра фактично підтверджують їх рейтингові показники в даному дослідженні.

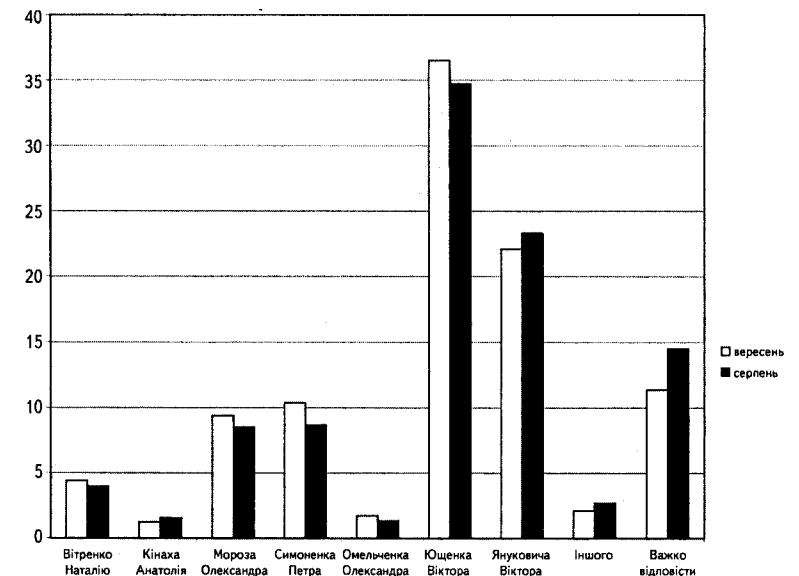
Але резонно можуть прозвучати аргументи опонентів, що одне опитування, навіть проведене з дотриманням всіх методичних принципів, не може відмінити результати декількох моніторингових, проведених іншими соціологічними службами.

Тому нижче наводяться дані повторного соціологічного дослідження, проведені за тією ж методикою і в тих же регіонах нашою службою з 10 по 14 вересня 2004 р. Причому з метою забезпечення надійності соціологічного дослідження були замінені організатори, а значить і інтерв'юери, в Криму, Волинській та Рівненській, Дніпропетровській, Харківській областях повністю, а, також, в м. Києві, Південному регіоні (Одеська, Миколаївська, Херсонська і Запорізька області) та Чернігівській і Сумській областях відсотків на сімдесят. Тобто в цілому було замінено більше 50% інтерв'юерів.

Але результати практично не змінилися. По рейтингу кандидатів у Президенти України друге опитування практично як калька наклалося на перше:

Зміна рейтингів кандидатів у Президенти України протягом двох тижнів (остання декада серпня – середина вересня):

За кого б Ви проголосували, якби вибори відбулись зараз?

	Серпень, %	Вересень, %
Н. Вітренко	3,9	4,4
А. Кінах	1,6	1,2
О. Мороз	8,6	9,4
П. Симоненко	8,6	10,4
О. Омельченко	1,4	1,7
В. Ющенко	34,7	36,5
В. Янукович	23,1	22,7
Ще не визначилися	14,6	11,4

Серед тих, хто однозначно прийде на вибори, готові проголосувати:

за В.Ющенка 43,9% опитаних респондентів;
за В. Януковича 21,8%.

Без змін залишився і розрив між двома основними кандидатами на посаду Президента України у другому турі виборів:

В. Ющенко – 47,4%;
В. Янукович – 28,7%.

Доповнимо рейтингові показники двох основних кандидатів у президенти аналізом оцінок населенням їх особистісних, ділових та негативних якостей.

Відсоток респондентів, які позитивно оцінили особистісні якості основних кандидатів у президенти:

	В. Ющенко, %	В. Янукович, %
Чесність, порядність	56,2	35,2
Освіченість	71,3	49,4
Людяність, доброзичливість	60,0	41,5
Цілеспрямованість	68,4	60,5
Сміливість	62,5	58,0
Надійність	55,3	37,2
Впевненість	62,3	55,5
Розум	68,9	51,2

	В. Ющенко, %	В. Янукович, %
Мудрість	59,7	42,1
Рішучість, наполегливість	65,8	59,8
Толерантність	59,1	41,3

Оцінка населенням ділових якостей основних кандидатів у Президенти України:

	В. Ющенко, %	В. Янукович, %
Професіоналізм	66,3	50,0
Кваліфікованість	66,4	49,2
Компетентність	63,2	48,2
Підбір кадрів	57,5	48,2
Демократичність в управлінні	59,8	42,8
Колективність при прийнятті рішень	56,5	41,4
Авторитаризм в управлінні	47,5	43,6
Вміння досягати результату	64,1	58,3
Вміння йти на компроміси з різними політичними силами	57,6	46,1

Розрив в оцінці населенням ділових якостей двох основних кандидатів у президенти дещо менший, ніж особистісних, але й він за середніми оцінками всіх якостей близький до рейтингового показника: 59,9% у В. Ющенка мінус 47,5% у В. Януковича = 12,4%.

Відсоток респондентів, які відмітили наявність негативних якостей в основних кандидатів у президенти:

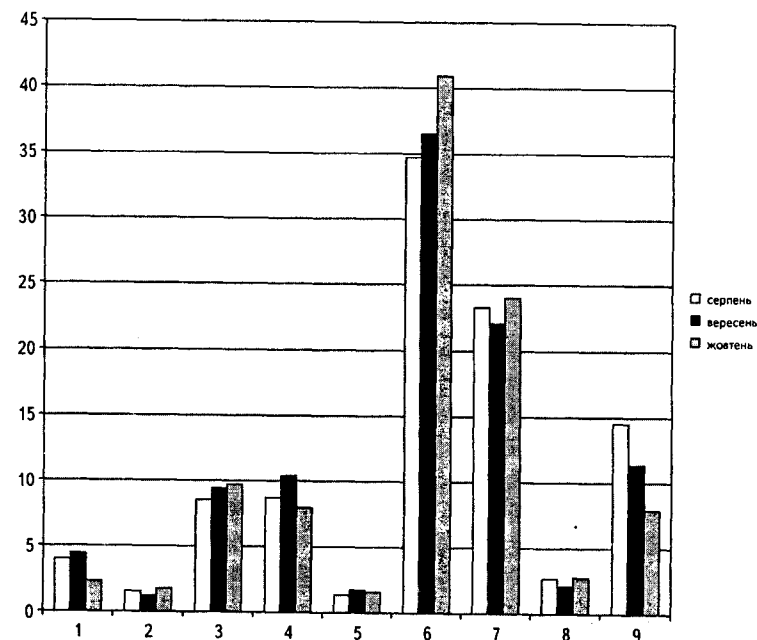
	В. Ющенко, %	В. Янукович, %
Зловживання владою	21,6	43,4
Зв'язок з олігархічними кланами	34,2	45,2

	В. Ющенко, %	В. Янукович, %
Некомпетентність в управлінні	14,9	30,5
Зв'язок з організованою злочинністю	18,3	36,4
Розкрадання державних коштів	23,4	41,6
Претензія на одноосібну владу (встановлення диктатури)	18,2	36,4
Протекціонізм при підборі кадрів	21,0	39,0
Зрада національних інтересів	17,4	28,3

Очевидно, що населення країни більш негативно оцінювало діяльність В. Януковича, ніж В. Ющенка. І розрив між середніми оцінками негативних якостей основних кандидатів у президенти дещо вищий (17,1%), ніж показник різниці їх рейтингів. Зате різниця сумарних результатів особистісних і ділових якостей практично дорівнює різниці рейтингів: $14,4 + 12,4 = 26,8\% : 2 = 13,4\%$ проти 13,8% рейтингової різниці. Як бачимо, оцінка якісних характеристик кандидатів практично збігалась з їх рейтингами, що підтверджує достовірність останніх.

Дані рейтингові показники були підтвержені і в результаті третього нашого опитування, проведеного за тією ж методикою з 1 по 5 жовтня 2004 р. в тих же 16 регіонах України. З метою забезпечення надійності соціологічного дослідження знову були замінені організатори, а значить і інтерв'юери в Криму, Полтавській та Кіровоградській, Чернігівській та Сумській областях, Південному регіоні повністю, а також в м. Києві, Київській та Житомирській, Чернівецькій та Закарпатській областях наполовину.

Ось як змінилися рейтинги основних кандидатів у Президенти України з останньої декади серпня до початку жовтня:

	Серпень, %	Вересень, %	Жовтень, %
1. Н. Вітренко	3,9	4,4	2,9
2. А. Кінах	1,6	1,2	1,7
3. О. Мороз	8,6	9,4	9,7
4. П. Симоненко	8,6	10,4	7,9
5. О. Омельченко	1,4	1,7	1,6
6. В. Ющенко	34,7	36,5	40,0
7. В. Янукович	23,1	22,7	25,1
9. Ще не визначилися	14,6	11,4	7,9

Серед тих, хто однозначно прийде на вибори, готові були проголосувати:

за В. Ющенка 46,8% опитаних респондентів;
за В. Януковича 23,8%.

Як і по першому туру, дещо збільшився розрив між двома основними кандидатами на посаду Президента України у другому турі виборів:

В. Ющенко – 50,4%;
В. Янукович – 28,3%.

Дані таблиці показують, що відмінність рейтингових результатів основних кандидатів у трьох дослідженнях, проведених нашою службою, є досить незначною. Чітко простежується тенденція незначного зростання розриву в рейтингах двох основних кандидатів у президенти як по першому, так і по другому турах виборів.

Таким чином, стабільність отриманих нашою службою результатів при постійній зміні більш ніж половини інтерв'юєрів в кожному новому опитуванні показує, що ті результати соціологічних опитувань, які друкувалися в цей період у засобах масової інформації, або носили замовний пропагандистський характер, або були виконані на невідповідному науково-методичному рівні.

Даний висновок підтверджує і аналіз результатів екзит-полів, які були проведені в першому, другому і третьому турах президентських виборів. І питання не в тому, що дані результати не збіглися з результатами грубо сфальсифікованих виборів – це нормально, вони й не могли збігатися, якщо ці екзит-поли проводилися добросовісно і якісно. Але у виступах самих організаторів даних опитувань у прямому телефірі явно простежується невпевненість в їх результатах. Чого варта заява керівника КМІС В. Хмелька за результатами опитування в другому турі, що їх служба дочекається даних ЦВК про відсоток участі населення у виборах, а потім скорегує свої результати за ними, тобто підстроїть під офіційний результат. Не говорячи вже про заяву керівника

центру «Соціальний моніторинг» О. Балакіревої про те, що результати екзит-полів можуть давати помилку і 3%, і 5%. Не хочеться навіть коментувати, а просто поставити просте питання: для чого тоді потрібно було витратити великі кошти, опитувати від 12 до 15 і більше тисяч респондентів, якщо результат екзит-пола може відрізнятись від результатів виборів на 10%?

Не можна не відмітити й те, що жодна із соціологічних служб, які проводили екзит-поли не заявила про вилучення з їх даних результатів виборів, отриманих в закритих і напівзакритих виборчих дільницях. Адже ж ніхто не проводив опитування в слідчих ізоляторах, зонах, тубдиспансерах, лікарнях для психічно хворих, інфекційних лікарнях і відділеннях, просто лікарнях, інтернатах для престарілих і т. п. Але ж електорат цих і їм подібних закладів складає до 4-5% виборців, що приходять на дільниці і завжди є резервом горезвісного адміністративного ресурсу.

Напрошується висновок про те, що попри гучні заяви організаторів екзит-поли погано готувалися і неякісно проводилися, бо, по-перше, жодна зі служб не зробила заяву про те, що вона провела дані опитування в усіх 225 виборчих округах країни. А якщо це не зроблено, то не важливо, на скількох дільницях – 200, 300 чи 1000 – проводилося опитування, результат буде не адекватний результатам виборів. Бо є суттєва різниця, як голосують в округах на півночі й півдні Одещини, північно-західних і південних районах Харківщини, металургійних центрах і шахтарських селищах Донбасу. Проведене нашою службою в грудні 2005 р. опитування населення Донецької області (всього за квотною вибіркою опитано 2300 респондентів – по 100 в кожному виборчому окрузі області) показало, що розбіжність результатів між окремими виборчими округами досягає 15%. А по-друге, виходить, що екзит-поли не спиралися на якісні соціологічні опитування, які б визначили рівень явки населення на виборчі дільниці, бо тоді б соціологам не довелося коригувати результати екзит-полів з результатами ЦВК. І останнє:

якщо я помиляюсь і екзит-поли проводилися якісно, то чому жоден із керівників, які їх проводили, аргументовано і змістовно не захищав в ЗМІ отримані результати?

Таким чином, теза про те, що соціологи в ході останньої президентської кампанії спрацювали не професійно, на жаль, підтверджується. І взагалі, наших офіційних соціологів більше хочеться назвати політтехнологами, аніж соціологами.

Тетяна Астаніна (Київ)

ЦІННІСНІ ОРІЄНТИРИ ТА ПОЛІТИЧНИЙ ВИБІР УКРАЇНЦІВ ВОСЕНИ 2004 РОКУ

Розкол суспільства на два протилежних табори в ході президентських виборів 2004 р. поставив питання визначення мотивів електоральної поведінки населення країни. Аналіз соціологічних досліджень, проведених Всеукраїнською соціологічною службою напередодні виборів, показав, що одним з чинників, які здійснюють значний вплив на виборчу поведінку населення – є його ціннісні орієнтації.

Вже розгляд причин вибору населенням тієї чи іншої політичної сили на виборах 2002 р. підкреслив специфічну орієнтацію електорату основних кандидатів у Президенти України:

Чим був зумовлений вибір політичної сили в 2002 р.	Електорат О. Мороза, %	Електорат П. Симоненка, %	Електорат В. Ющенко, %	Електорат В. Януковича, %
Практичною діяльністю даної партії, блоку	18,9	28,6	21,6	16,1
Протестом проти погіршення життя	27,5	33,5	22,6	11,2
Надією на позитивні зміни	52,7	46,5	48,8	35,9
Відсутність кращого варіанта	10,7	8,6	9,2	14,6
Побоюванням гіршого	4,9	12,4	5,3	4,9
Позицією автори тетних людей	2,2	0,5	4,8	4,7
Тиском місцевої влади	0,5	2,2	1,1	4,5
Впливом ЗМІ	0,5	0,5	0,6	2,8

Чітко видно, що електорат перших трьох кандидатів більш «протесний» порівняно з електоратом кандидата від влади. І як результат свій вибір вони більше пов'язували з надіями на позитивні зміни.

При відповіді на те, яку політичну силу вони підтримували, якби парламентські вибори відбулися в період напередодні виборів Президента, проглядалась направленість електорату В. Януковича на ліві, за виключенням соціалістів (його готові були підтримати 4,5% прихильників комуністів і 35,3% прихильників ПСПУ проти відповідно 2,5% і 17,6% у В.Ющенко), і провладні (35,3% прихильників СДПУ(О) і 90,1% прихильників Партії регіонів проти відповідно, 17,6 і 1,9% у В. Ющенко) політичні партії, тоді як В. Ющенко, політичні сили націонал-демократичного напрямку (98% прихильників «Нашої України» й 46,9% прихильників Блоку Ю. Тимошенко проти, відповідно, 0,4% і 12,5% у В. Януковича).

А от що повинно характеризувати політичну партію ідеального зразку вважають представники основних кандидатів у Президенти України:

Що повинно характеризувати політичну партію ідеального зразка	Електорат О. Мороза, %	Електорат П. Симоненка, %	Електорат В. Ющенко, %	Електорат В. Януковича, %
Утвердження демократичних свобод у суспільстві	37,7	16,8	47,0	37,1
Утвердження авторитарного порядку	5,1	13,3	4,2	5,9
Лібералізація економіки, розвиток підприємництва	12,2	4,1	19,7	23,5
Відновлення суспільної власності на засоби виробництва	15,8	37,2	8,3	10,9
Пріоритетність захисту національних інтересів	8,2	7,1	27,3	11,8

Що повинно характеризувати політичну партію ідеального зразка	Електорат О. Мороза, %	Електорат П. Симоненка, %	Електорат В. Ющенко, %	Електорат В. Януковича, %
Пріоритетність захисту інтересів конкретних верств населення	12,2	15,3	8,2	9,7
Захист прав людини	45,9	41,3	50,6	51,2
Захист інтересів усього суспільства	38,3	40,8	39,4	33,3

Як видно з таблиці, електорат П. Симоненка мало переймається розвитком демократії в країні, менше за інших його хвилює і захист прав людини. З іншого боку, саме електорат цього кандидата найбільше готовий підтримати авторитарні методи управління країною, відновлення суспільної власності на засоби виробництва і захищати інтереси конкретних соціальних груп населення. Електорат В. Ющенко значно більше за прибічників інших кандидатів готовий відстоювати розвиток демократії в країні і захищати її національні інтереси. Виборці, які готові віддати свої голоси В. Януковичу, більше навіть, ніж прихильники В. Ющенко, виступають за лібералізацію економічних відносин і розвиток підприємництва, але менше за прихильників інших кандидатів готові захищати інтереси всього суспільства.

Дані отримані з вищенаведених таблиць підтверджують і аналізом ставлення електорату основних кандидатів у Президенти України до принципів розвитку українського суспільства. Так, чітко проглядалась більша за прихильників інших кандидатів орієнтація електорату В. Януковича на збереження статус-кво, що склалося в країні. Якщо серед потенційних виборців О. Мороза ратували за радикальні зміни у суспільстві 33,8%, П. Симоненка – 33,3%, В. Ющенко – 33,8%, то В. Януковича – тільки 25,3%.

Принципи демократії найбільше готові захищати прихильники В. Ющенка (64,8% опитаних респондентів) і О. Мороза (62,0%), менше (56,8%) прихильники В. Януковича і ще значно менше П. Симоненка (31,8%). І, навпаки, останні найбільше готові підтримати авторитарний режим з сильною владою (37,4%), тоді як серед прибічників О. Мороза таких 17,7%, В. Януковича – 19,0%, а В. Юценка взагалі тільки 12,0%.

Зате електорат В. Юценка найбільше виступає за те, щоб економіка країни розвивалася на принципах конкуренції, які базуються на приватній власності на засоби виробництва (48,3%) і найменше підтримує принцип плановості економіки на базі суспільної власності (20,7%). Серед електорату О. Мороза таких, відповідно, 26,1% і 45,6%, П. Симоненка – 5,1% і 65,3%, В. Януковича – 41,7% і 27,1%.

Але найбільше електорат В. Юценка вирізняється серед прихильників інших основних кандидатів у Президенти України своєю орієнтованістю на захист незалежного розвитку нашої країни. Так, серед прихильників В. Юценка хотіли, щоб Україна у майбутньому розвивалася як незалежна держава 75,8% опитаних респондентів, об'єдналася в союзі з Росією і Білорусією – 13,5%, створила з більшістю радянських республік новий Союз – 4,3%, тоді як серед прихильників О. Мороза таких, відповідно, 45,6%, 41,0% і 7,7%, П. Симоненка – 15,2%, 52,3% і 27,9%, В. Януковича – 46,4%, 35,0% і 7,4%.

Зате прихильники останнього більш за інших виступають за купівлю-продаж землі без обмежень (20,1% проти 16,8% прихильників В. Юценка, 14,7% О. Мороза і 6,1% П. Симоненка) і виділяються значно вищою довірою до органів державної влади, ніж прихильники інших кандидатів (див. таблицю):

Довіра	Електорат О. Мороза		Електорат П. Симоненка		Електорат В. Юценка		Електорат В. Януковича	
	Не дов., %	Дов., %	Не дов., %	Дов., %	Не дов., %	Дов., %	Не дов., %	Дов., %
До Президента	51,0	15,1	60,3	11,8	58,6	12,4	27,3	33,1
До Верховної Ради	43,0	12,9	54,6	11,8	49,9	11,0	37,1	17,2
До Кабінету Міністрів	33,3	15,8	50,3	13,8	45,5	13,8	21,0	31,0
До Голів обл-адміністрацій	33,1	18,3	35,9	18,2	32,7	24,0	19,8	32,3

А ось які надії пов'язував з приходом до влади свого обранця електорат основних кандидатів у Президенти України:

Надії, які пов'язують з перемогою свого кандидата	Електорат О. Мороза, %	Електорат П. Симоненка, %	Електорат В. Юценка, %	Електорат В. Януковича, %
Проведення політичної реформи	14,7	15,7	15,8	13,1
Прискорення економічних реформ	25,9	14,7	39,7	37,9
Захист національних інтересів	12,2	16,2	26,8	10,1
Захист бідних	33,5	53,8	25,9	19,3
Відновлення Союзу	5,6	35,0	1,6	5,9
Ліквідація корупції	26,9	22,3	30,0	16,7
Стабільність у житті	43,1	35,5	42,3	48,2
Розвиток економічних і політичних відносин з Заходом	7,1	4,1	17,3	9,1

Надії, які пов'язують з перемогою свого кандидата	Електорат О. Мороза, %	Електорат П. Симоненка, %	Електорат В. Ющенка, %	Електорат В. Януковича, %
Розвиток національної культури	3,0	6,1	12,1	5,1
Поліпшення стосунків з Росією	15,7	23,3	6,2	21,8
Розвиток підприємництва	8,6	2,0	15,3	17,8
Перегляд результатів приватизації	13,7	12,7	9,0	3,4
Зростання виробництва	23,3	15,7	23,7	31,7
Зростання добробуту людей	45,2	41,1	46,2	49,5
Вступу в дію договору про ЄП країн СНД	4,1	8,1	2,1	7,0
Забезпечення свободи слова	3,5	4,1	11,1	3,0

Знову проглядається чітке розмежування між прихильниками «лівих» кандидатів О. Мороза і П. Симоненка (менше першого і більше другого) і «правих» по межі прискорення економічних реформ і розвитку підприємництва. Відтак орієнтація населення на нові соціально-економічні відносини обумовила перемогу двох останніх кандидатів в першому турі президентських перегонів і підкреслила повний крах комуністичного кандидата, який продовжує триматися за відстоювання соціально-економічних принципів минулого й абстрактні розмови про захист бідних (на практиці не захищаючи нікого, окрім власних інтересів). Відмінність же між орієнтацією електорату головних кандидатів у Президенти України В. Ющенка і В. Януковича визначилася по межі відстоювання національної незалежності України, міжнародних відносин (орієнтацій на Росію чи Захід) і проблемах корупції влади. Окрім того, однозначно видно, що електорат В. Януковича значно «лівіший» за електорат В. Ющенка. Нижче наводяться прихильність до певних політичних ідей електорату основних кандидатів у Президенти України:

Політичні ідеї	Електорат О. Мороза, %	Електорат П. Симоненка, %	Електорат В. Ющенка, %	Електорат В. Януковича, %
Комуністична	9,3	81,0	1,9	8,1
Соціал-демократична	58,2	8,2	33,8	44,6
Ліберальна	0,5	0,5	6,7	10,9
Національно-демократична	8,2	2,0	33,1	10,7
Націонал-радикальна	2,1	0	2,6	0,6

Як бачимо, прихильників «лівої» комуністичної і соціал-демократичної ідеології серед електорату В. Януковича було значно більше, ніж серед електорату В. Ющенка. А враховуючи загальну тенденцію до зменшення «лівого» електорату в країні в цілому, зрозумілою стає загальна перемога другого кандидата над першим.

Але основна причина поразки В. Януковича і перемоги В. Ющенка проглядається, по-перше, в орієнтації населення України на недовіру до органів виконавчої влади. Середній показник цієї недовіри у прихильників В. Ющенка складає 46,6%, що близько до його результату в третьому турі виборів і, навпаки, середній результат довіри у прихильників В. Януковича складає 32,1%, що також відповідає його реальному результату в третьому турі виборів. По-друге, це орієнтація населення на незалежний розвиток нашої країни, які вони, безумовно, пов'язували з кандидатурою В. Ющенка.

Згідно з нашими дослідженнями, 53,8% опитаних респондентів хочуть, щоб Україна розвивалась як незалежна держава, що практично відповідає кількості голосів набраних В. Ющенком у третьому турі виборів. А 27,4% за об'єднання в союз з Росією та Білорусією і ще 8,9% за відновлення старого Союзу сумарно складає 36,3%, що близько до реальної підтримки В. Януковича в третьому турі виборів.

Ірина Бекешкіна (Київ)

ВІДНОСИНИ ВЛАДИ І СОЦІОЛОГІЧНОЇ СПІЛЬНОТИ ЯК КОЛІЗІЯ ГРОМАДЯНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА

Соціологія за самим визначенням є наукою про суспільство, і отримувати нею знання мають велике суспільне значення як підґрунтя для ухвалення державних рішень, як чинник, що впливає на громадську думку тощо. Тому й відносини між соціологією і соціологами, з одного боку, суспільством та владою – з іншого є складними і різними у різних суспільствах. Обговорення всього комплексу цих проблем посідає значне місце у соціологічному дискурсі науковців різних країн. Зокрема, обговоренню питань ставлення суспільства до опитувань громадської думки була присвячена секція на міжнародній конференції «Дослідження громадської думки у період розбудови демократії», що відбулася у Варшаві у листопаді 2001 р. і була організована Центрально-Східноєвропейським відділенням Всесвітньої Асоціації дослідження громадської думки (WAPOR) та Польським Центром дослідження громадської думки (CBOS)¹.

В Україні питання складних колізій соціології та влади дуже рідко ставали предметом обговорення професійної спільноти. Вперше таке обговорення було організоване Фондом «Демократичні ініціативи» у листопаді 1997 р. на семінарі «Громадська думка і політика», у якому взяли участь вітчизняні й іноземні соціологи та журналісти².

¹ Бекешкіна І. Громадська думка у суспільствах, що трансформуються // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – № 4. – 2001.

² Громадська думка і політика. – К.: Демократичні ініціативи, 1997.

Нинішній Круглий стіл – це друга спроба розібратися у складних колізіях взаємовідносин влади і соціології.

Проблематика відносин влади і соціології включає кілька рівнів: ставлення влади до соціологічного знання, ставлення влади до соціології як соціальної інституції і, нарешті, взаємовідносини влади і соціологічної спільноти. Третій аспект – відносини влади і спільноти – дозволяє розглянути питання в аспекті розвитку громадянського суспільства. Соціологи – не лише науковці, які здобувають певне знання, не лише працівники державних чи комерційних установ, а й певна професійна група. Професійна спільнота не є просто сукупністю соціологів, які працюють у країні. Вона набуває якостей громадянської, стає частиною громадянського суспільства в разі відповідності певним критеріям: усвідомлення соціологами своїх особливих професійних інтересів і готовність обстоювати ці інтереси у суспільстві; самоорганізація у певні структури; саморегуляція відносин всередині самої спільноти.

Наскільки спільнота соціологів України відповідає вимогам громадянського суспільства? Президентські вибори-2004, що відбувалися в екстремальних умовах, як лакмусовий папір виявили, хто є хто в українському суспільстві. Завданням даної статті є аналіз української соціологічної спільноти, як вона виявила себе під час останніх президентських виборів.

Можливо, комплекс питань взаємовідносин соціологів і влади, а також відносин всередині соціологічного середовища не ставав предметом аналізу з тієї причини, що ці відносини до певного критичного часу виглядали цілком благополучними. В одній із своїх статей я розвивала думку про те, що ставлення влади соціології можуть слугувати одним із критеріїв рівня демократичності суспільства. У країнах демократичних соціологічна наука є неодмінним компонентом ухвалення державних рішень. Згадаймо хоча б той величезний обсяг роботи соціологів у східноєвропейських країнах, що передував вступу до ЄС. У країнах зовсім недемократичних соціологія не потрібна, адже партія (вождь, аятола,

«батька») і без усякої соціології краще знає, що думає народ і що слід робити. В Україні ставлення до соціології було цілком типовим для напівдемократичних країн. Інколи з нею рахувалися, залучаючи соціологів до підготовки певних державних рішень, іноді вони ігнорувалися. Особливо полюбляли політики вихоплювати певні дані, використовуючи їх як знаряддя полеміки чи маніпуляції масовою свідомістю. Під час виборів соціологія ставала на певний час дуже популярною, потім про неї підзабували до наступних «гарячих» часів. Проте, слід підкреслити, ніколи на соціологів не було ані гонінь, ані серйозного тиску, ніхто не жадав, аби соціологи вдавалися до фальсифікації отриманих результатів. Влада, не ремствуючи, терпіла низькі рейтинги довіри та оцінки її діяльності, що постійно виставлялися їй і широко оприлюднювалися дослідниками громадської думки.

Відносини у соціологічному середовищі теж склалися цілком доброзичливі. Навіть керівники конкуруючих між собою комерційних фірм співробітничали і майже дружили, будучи, до того ж, зв'язані багатьма роками добрих стосунків. Соціологи об'єдналися в Соціологічну Асоціацію України (САУ), яка робила чимало корисних справ – проводила щорічні конференції, видавала літературу. Був ухвалений і Кодекс професійної етики, Соціологічної Асоціації України, де у пункті 4.2. ясно записано, що «соціолог не фабрикує дані і не фальсифікує результати»³. За дотриманням соціологами Кодексу мала слідкувати Комісія з професійної етики САУ, причому, згідно з Кодексом, «порушення положень кодексу може призвести до застосування санкцій, аж до виключення з членів Асоціації»⁴.

Зміцнювався й авторитет соціології у суспільстві. Багаторічна чесна робота провідних соціологічних служб сформувала у суспільстві думку, що фірмам, які багато років працюють на ринку, треба довіряти, бо репутація – понад усе.

³ Кодекс професійної етики соціолога // Громадська думка. – № 3. – 2004. – С. 39.

⁴ Там само. – С. 35.

Звичайно, час від часу й у ЗМІ, і з політичних трибун лунали звинувачення соціологів у заангажованості, проте вони сприймалися як звичайна виборча риторика і не більше.

З 1998 р. в Україні проводилися екзит-поли – опитування на виборчих дільницях, майже усі (за винятком 2002 р.) – за організації Фонду «Демократичні ініціативи», і ніколи це не викликало якихось спротиву соціологів, оскільки методологічну і польову роботу виконували провідні соціологічні служби України. Усі чотири екзит-поли, проведені провідними соціологічними фірмами під час виборів 1998, 1999 (два тури), 2002 рр. були проведені на рівні світових стандартів і визнані такими міжнародною професійною спільнотою. Та й в Україні вони жодного разу після виборів не піддавалися сумнівам. Результати екзит-полів ніколи докорінно не відрізнялися від офіційних даних ЦВК, що надавало результатам виборів додаткової легітимності і переконливості⁵. А екзит-пол 2002 р. був проведений просто блискуче: різниця між офіційними даними ЦВК та екзит-полу відрізнялися лише по двох суб'єктах, та й то на 1,5%, причому результати трьох соціологічних служб, кожна з яких здійснювала власний екзит-пол за загальнонаціональною вибіркою у 6000 респондентів, були майже тотожними.

Що ж трапилося далі, що призвело до «гріхопадіння» соціологів?

Головна причина в тому, що в рік президентських виборів докорінним чином змінилася ситуація в Україні. До того року Україна в усіх класифікаціях тлумачилася як напівдемократична країна, як електоральна демократія. Відмінність електоральної демократії від просто країни, де регулярно проводять вибори, полягає у тому, що на виборах у країні електоральної демократії влада ризикує втратити владу. Так трапилося в Україні на президентських виборах 1994 р., коли Леонід Кравчук втратив владу внаслідок

⁵ Exit Poll: парламентські вибори-1998. Президентські вибори-1999. Парламентські вибори-2002. – К., 2002.

виборів. Та й на парламентських виборах 2002 р. впевнену перемогу за партійним списком отримали опозиційні партії.

Проте президентські вибори-2004 не йшли ні в яке порівняння з усіма попередніми. Закінчувалася ціла політична епоха, пов'язана з Президентом Кучмою. За 10 років його царювання склалася певна «планетарна» структура влади, з «планетами», «супутниками», «кометами», що обертаються навколо Президента, структура, де тісно злиті в ціле бюрократія, фінанси й економіка, де великий бізнес невід'ємний від державної «криши», пов'язаний із зловживанням, а часто – й просто злочинами. Отже, вибори могли призвести не просто до зміни прізвища Президента, а й до знищення самої системи, що склалася, зміни усєї політичної еліти. І в такій ситуації владі вже було не до демократичних сантиментів, наявну систему слід було зберегти будь-що.

Першим «тренінгом» стали вибори мера м. Мукачєвого. Це закарпатське містечко на час виборів перетворилося на політичний центр України. Здавалося б, навіть на очах численних вітчизняних та міжнародних спостерігачів, журналістів і політиків так нахабно і брутально фальсифікувати результати, адже посада мера невеликого міста не є такою вже вагомою? Річ не лише в амбіціях політичних лідерів. Мукачєве стало своєрідним тестом – якою буде реакція на грубу фальсифікацію результатів? Реакція як всередині країни, так і з-за кордону була бурхливою, але безплідною.

Соціологи у Мукачєвому робили свою звичну роботу – проводили екзит-пол. Він був організований Фондом «Демократичні ініціативи» і проводився консорціумом, що планував проводити екзит-пол і на загальнонаціональних президентських виборах і включав усі провідні соціологічні фірми України – СОЦІС, Київський міжнародний інститут соціології, Центр «Соціальний моніторинг», Центр ім. Разумкова. Результати екзит-полу в Мукачєвому, згідно з яким впевнену перемогу одержав кандидат від «Нашої України» Віктор Балюга (62,4% проти 29,99% у його головного супер-

ника Ернеста Нусєра)⁶ не стали несподіванкою для соціологів. Протягом місяця у Мукачєвому фірмою «СОЦІС» на замовлення Фонду «Демократичні ініціативи» проводилися передвиборчі опитування, а останні результати «ролінгу» були отримані за два дні до дня голосування. І протягом усього часу опитувань Віктор Балюга мав стабільну перевагу у 1,5 рази⁷.

Будь-який фахівець у галузі електоральної соціології, та й просто практикуючий політтехнолог знає, що подолати за 2 дні такий розрив просто неможливо.

А от офіційні результати стали шоком – вони були дзеркально протилежними і екзит-полу, і паралельному підрахунку голосів, які здійснювали представники «Нашої України» на основі протоколів. Далі – відома фарсова ситуація з «вкраденими» протоколами і бюлетєнями. Зараз за фактами фальсифікації виборів у Мукачєвому відкрито кримінальну справу і ведеться слідство.

Варто зазначити, що вперше за час проведення в Україні опитувань у Мукачєвому влада застосувала тиск по відношенню до соціологів. Половина місцевих інтерв'юєрів відмовилася працювати, насамперед вчителі, оскільки їм це заборонили їхні керівники. Довелося везти інтерв'юєрів з інших областей України. Проведенню самого екзит-полу заважали молодики «кримінального вигляду», які стирчали чи не біля кожної виборчої дільниці і до яких міліція ставилася надто шанобливо.

Якою ж мала бути реакція соціологічної спільноти, зокрема Соціологічної асоціації України, на цю нечувану подію? Адже вперше в історії української соціології та, мабуть, і вперше у світовій соціології результати екзит-полу й офіційні результати розійшлися на 60%, якщо сумувати різниці по обом кандидатам!

⁶ Прес-реліз за результатами екзит-полу. Мукачєве, 18 квітня 2004 року. – Мукачєве-2004: екзит-пол. – К., 2004. – С. 20–21.

⁷ Бєкєшкіна І. Напередодні: очікування, сподівання, рейтинги // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – № 4. – 2001. – С. 8–12.

Реакції Соціологічної асоціації не було жодної. І це попри те, що з чотирьох фірм, які брали участь у проведенні екзит-полу, три («СОЦІС», «Соціальний моніторинг» і Київський міжнародний інститут соціології) були колективними членами САУ! Що мала зробити САУ? Насамперед слід було провести соціологічний аудит проведеного екзит-полу і дати фаховий висновок: чи був екзит-пол проведений відповідно до професійних стандартів? У даному випадку Соціологічна асоціація не діяла як осередок громадянського суспільства, оскільки не стала захищати своїх членів і відстоювати істину. А на захист соціологів, що проводили екзит-пол у Мукачевому, став Комітет виборців України, виступивши із Заявою з приводу Мукачівських виборів⁸.

Після Мукачівського шоку я написала статтю «Мукачеве: Оруел-2004», яка закінчувалася такими словами: «У країні, де так нахабно і брутально фальсифікують вибори, де нахабно брешуть по центральних телеканалах, об'єктивна професійна соціологія не потрібна, більше того – вона шкідлива. Зрештою, в Оруелівській Океанії не було соціології»⁹.

Після Мукачівських виборів над Україною нависла реальна загроза позбавитися останніх демократичних здобутків і перестати бути електоральною демократією.

Підготовка до «мукачівського» сценарію на загальнонаціональних виборах Президента у повний зріст поставила для влади проблему: що робити з екзит-полом, який, як і зазвичай, буде проводитися на президентських виборах? Громадськість і в Україні, і міжнародна вже звикла довіряти екзит-полам. Загострювали проблему й події, що сталися у Грузії, коли саме екзит-пол, що засвідчив фальсифікацію виборів на користь партії влади, став поштовхом до «революції троянд».

⁸ «Екзит-пол відображає волевиявлення громадян точніше, ніж паралельний підрахунок голосів». Заява Комітету виборців України. – Там само. – С. 7.

⁹ Бекешкіна І. Мукачеве: Оруел-2004 «Українська правда», 20 квітня 2004 р.; Силіна Т. Exit poll: ходіння по муках // Дзеркало тижня. – 6 листопада 2004 р.

Антиекзит-польна «артпідготовка» у засобах масової інформації певної політичної орієнтації велася постійно. Проте протягом тривалого часу штаб «єдиного кандидата», за висловом самого кандидата, не знав, «як маніпулювати» такою «технологією», як екзит-пол. Просто заборонити проведення екзит-полу – означало б поставити себе в один ряд з найодіознішими режимами. Тому для боротьби із соціологами влада обрала іншу тактику: використати самих соціологів, протиставити екзит-полу Консорціуму кілька екзит-полів з «потрібними» результатами. Першою такою «альтернативою» був проголошений екзит-пол Фонду «Общественное мнение» під голосуванням сумно відомого Глеба Павловського, другим – екзит-пол Українського інституту соціальних досліджень під голосуванням Яременка.

Що мала зробити Соціологічна асоціація, щоб захистити соціологію від дискредитації? Очевидно, стати тією арбітражною інстанцією, яка б могла зробити кваліфіковану експертизу принаймні тих екзит-полів, що проводилися організаціями, які до неї входять. Фонд «Демократичні ініціативи» звернувся до САУ з відповідною пропозицією. Замість цього асоціація підтримала один з екзит-полів, Українського інституту соціальних досліджень, причому з аргументацією протиставлення його екзит-полу Консорціуму, який фінансується іноземними донорами як «Українського», що фінансується з «вітчизняних джерел» (тільки от – яких? Посилання на «Центр політичного менеджменту» просто нічого не пояснює, бо виникає інше питання: а звідки фінансується згаданий центр?). У постанові САУ серед аргументів на користь підтримки «альтернативного» екзит-полу, зокрема, зазначалося що «це дозволить зламати практику, коли exit-poll в Україні проводиться тільки за закордонні кошти» і що «організатори інших екзит-полів будуть бачити наявність альтернативи і це їх може зупинити від необдуманих кроків в оцінці отриманих результатів та їх інтерпретації». Пізніше деякі члени правління посилалися на те, що ця аргументація була викладена на другій сторінці, яку вони просто... не прочитали. Можливо, й так. Але це не пояснює

інше: чому члени правління не поцікавилися джерелами фінансування цього екзит-полу? А це питання дуже й дуже принципове. І якщо вже САУ взяла під свій дах цей екзит-пол, додаючи йому авторитету і легітимності, то чи контролював хтось його проведення не на рівні попередньої документації, а у день виборів? Чи може хтось із правління гарантувати, що оприлюднені були саме ті результати, які реально отримані, чи, може, вони теж були зважені на якийсь «коефіцієнт міграції»?

Отже, невміння «маніпулювати екзит-полами», свого часу оголошене Януковичем, швидко пройшло. І в ніч виборів надзвичайно важливо було домогтися «однорідності» більшості екзит-полів на користь Януковича. А особливо важливо владі було домогтися потрібних даних від членів Консорціуму, куди увійшли найбільш авторитетні в Україні організації і який фінансувався на кошти західних спонсорів.

Про дальші події тієї трагічної ночі 31 жовтня, коли двоє з членів Консорціуму – центри «СОЦІС» та «Соціальний моніторинг» – змінили отримані своїми службами результати на користь Януковича, аби забезпечити ті 3–4% переваги, про які постійно говорили представники його штабу, написано було достатньо¹⁰.

Про те, що екзит-польна «однорідність» мала бути досягнута будь-що, свідчить дуже цікава табличка, розповсюджена Олександром Яременком 8 листопада на конференції, що проходила Комітетом виборців України за підтримки Фонду Аденауера. Слід сказати, що захід був дуже представницьким, у ньому брали участь окрім аналітиків, численних журналістів, й працівники іноземних посольств. Наведу її повністю.

¹⁰ Бекешкина І. Кінець останнього романтика // Українська правда. – 10 листопада 2004 р.

Екзит-поли в день виборів Президента

	Екзит-пол Павловського, %	Екзит-пол Консорціуму (КМІС+ЦР), %	Екзит-пол Консорціуму (ЦСМ+Соціс), %	Екзит-пол УІСД, %
Вітренко Н.М.	–	1,5	1,35	1,5
Кінах А.К.	–	н/д	0,77	1,0
Мороз О.О.	–	5,5	5,88	6,3
Симоненко П.М.	–	4,8	6,11	4,7
Ющенко В.А.	38,0	44,1	39,25	39,3
Янукович В.Ф.	43,5	38,8	42,65	43,0
Не підтримують жодного з кандидатів	2,5	2,0	1,47	2,0

Яка чітка подібність трьох екзит-полів, де «перемагає» Янукович і майже з однаковим рахунком! І як різко з цієї однорідності вибивається один-єдиний екзит-пол, де перемагає Ющенко. Якби там не було КМІСу, то взагалі могли б сказати: ну що ви хочете, ще ж дані «разумковців»...

Проте уся таблиця – суцільні натяжки. Адже Фонд «Общественное мнение», що проводив екзит-пол «Павловського» офіційно оголосив у день виборів о 16:00 про припинення свого екзит-полу у зв'язку з «великою кількістю відмов». Очевидно, професійна честь для ФОМівців все ж важила більше, ніж зобов'язання перед замовником. Щодо даних «Соцісу» і «Соціального моніторингу», не піддані обробці на «міграційний коефіцієнт» теж виглядають зовсім інакше. І ці, не викривлені, дані на час укладення «таблиці Яременко» вже були оприлюднені 4 листопада на тій «скандальній» прес-конференції: «Соціс»: Ющенко – 42,0%, Янукович – 41,1%; «Соціальний моніторинг»: Ющенко – 40,1%, Янукович – 41,2%.

І тоді «табличка» виглядає зовсім інакше. ФОМу немає, за даними трьох «екзит-полів» – КМІСу, Центру Разумкова

і «Соціса» – перевагу має Ющенко, за даними Українського інституту соціальних досліджень та «Соціального моніторингу» – Янукович. Проте масив «Соціального моніторингу» (принаймні той, що був-таки надісланий організаторам екзит-полу через десять днів) сильно зміщений за вибіркою у східні області, і чи не були зважені дані Українського інституту соціальних досліджень на якийсь «міграційний коефіцієнт» – ніхто того не знає.

Нагадаю, що на час 8 листопада ЦВК все ще рахувала результати. І, уявімо собі, що вона б змогла вийти на запланований результат переваги Януковича у 3–4%? О, тоді наші колишні колеги ходили б у героях, і нікого б не цікавили різні подробиці на кшталт зважування, методів та інших соціологічних тонкощів. Проте не все склалося, як гадалося.

Скандал, започаткований відомою прес-конференцією від 4 листопада, коли організатори Національного екзит-полу збиралися надати громадськості реальні результати, отримані «СОЦІСом» і «Соціальним моніторингом» (і надані, до речі, керівниками цих служб), транслювався всіма телеканалами на всю країну. Тут було все – і про «шалений тиск», і про «роботу на замовлений результат». Як я тепер розумію, ну не могли, ніяк не могли Чурилов з Балакіревою оприлюднити свої ж власні результати (нагадаю, що на той час ЦВК «ще рахувала»). Цікаво, що напередодні прес-конференції ані Чурилов, ані Балакірева жодним словом не обмовилися своїм колегам, з якими їх пов'язували довгі роки дружніх стосунків, про свій намір вийти з Консорціуму, тим більше з таким скандалом на всю країну. Розкол Консорціуму став однією з топ-новин, який обговорювався в усіх засобах масової інформації.

А що ж професійна організація соціологів – САУ? Яка була її реакція? Вочевидь, у цій ситуації вона повинна була терміново зібрати правління і розібратися, зокрема, який такий «коефіцієнт зважування», досі невідомий світовій історії екзит-полів, застосував Чурилов, чому так відрізняються результати, отримані різними центрами? Нарешті, відчуваючи свою відповідальність і як професіонали, і як

громадяни своєї країни, узяти під контроль проведення екзит-полів у другому турі, тим більше, що майже всі центри, що мали намір проводити екзит-поли, є членами Соціологічної організації? І головне – відрядити своїх представників в організації-члени САУ, що проводили екзит-поли, щоб вони «слідкували за руками», хто які результати насправді отримує і на які коефіцієнти вони зважуються. Бо насправді усі маніпуляції відбуваються не у полі, яке працює незалежно від потрібного для керівників результату, усі маніпуляції відбуваються у офісах, де зводяться дані. Адже під час зведення результатів і першого, і другого туру Національного екзит-полу у Київському міжнародному інституті соціології за усіма процесами спостерігали міжнародні спостерігачі, які засвідчили, що все відбувалося чесно і професійно.

Нічого цього асоціація не зробила. Більше того, вона знову... підтримала одних з екзит-полів – Українського інституту соціальних досліджень.

Про те, що відбувалося під час другого туру, теж добре відомо¹¹.

Те, що у першому турі відбувалося як трагедія, у другому перетворилося на фарс.

Скільки було піару на всіх телеканалах, включаючи російські, Українського екзит-полу Яременка, під проводом Соціологічної асоціації України та шести університетів. В результаті віце-президент САУ картинно розвів руками з «пренепреятнейшим известием» щодо провалу свого екзит-полу з причини, начебто, великої кількості відмов (до 50%). Проте чи була звітність перед шістьма університетами, що брали участь у екзит-полі, перед Соціологічною асоціацією?

Ще більш цікавою і майже детективною виявилася ситуація з широко розпропагованим чи не на всіх телеканалах, включаючи російські, екзит-полем під гучною назвою «Вибір народу», що його проводили разом центри «Соціс» та «Соціальний моніторинг». При першому зйомі інформації

¹¹ Бекешкіна І. Екзит-пол для України і «екзот-пол» для Путіна // Дзеркало тижня. – 27 листопада 2004 р.

станом на 15:00 були проголошені спільні зведені результати 49,4% : 45,9% на користь Ющенка. Проте остаточні результати двох фірм, які працювали за єдиною методикою і мали схожі попередні результати, далі розійшлися не лише кількісно, а й до протилежного. Остаточний результат «Соціального моніторингу» – 49,7% : 46,7% на користь Ющенка, «Соцісу» (зважений на особливий «коефіцієнт Чурилова»?) – 48,3% : 46,8% на користь Януковича, причому, що характерно, оголосив ці дані Чурилов на брифінгу у штабі Януковича. А у прямому ефірі телеканалу «1+1», проголошуючи ці дані, їх «автор» соромливо від них відхрещувався, зазначаючи, що їх не слід брати до уваги, що, начебто, було багато відмов, що інтерв'юери рано припинили роботу і т. д. і т. п. Проте ці обмовки аж ніяк не завадили тому, що самі ці результати крутили по віх телеканалах, і особливо – російських, разом з точно такими самими результатами неіснуючого екзит-полу, що начебто провів центр «Соціальна перспективи». Ну треба ж було мати «потрібні» результати, за якими Президент Росії Путін міг поздоровити переможця.

Дуже цікавими і навіть загадковими були пояснення, що їх дав Чурилов під час нашої конференції. Кінець кінцем, він у серцях сказав: «У першому турі переміг Янукович, у другому – Ющенко». Але ж оприлюднені результати «Соцісу» були діаметрально протилежними! Загадки, та й годі.

Як же відреагувала соціологічна громадськість на всі «художества» керівників провідних соціологічних служб, які спостерігала уся країна? Принаймні на всіх прес-конференціях після виборів ставилися питання про оцінки соціологами поведінки своїх колег. І особливо, як зреагувала Соціологічна асоціація України, яка має гарний Устав і, вочевидь, як єдина в Україні організація соціологів повинна з'ясувати всі обставини тих подій, які завдали великої шкоди репутації соціологів і соціології взагалі? Особливо якщо зважити, що чотири організації, які проводили екзит-поли, були колективними членами САУ, отже, конфлікт відбувся переважно між членами асоціації.

Правління Соціологічної асоціації не реагувало ніяк – ні після скандальної прес-конференції після першого туру виборів, коли одні члени САУ – Чурилов і Балакірева – публічно звинуватили своїх колег у роботі на замовлений результат, а ті їх, у свою чергу, у фальсифікації результатів; ні після другого туру виборів, коли керівник екзит-полу, підтриманого САУ, заявив, що він провалився; ні після усіх публікацій у ЗМІ.

Відсутність реакції соціологічної спільноти викликала подив не лише серед соціологів, а й серед журналістів, активістів громадських організацій, політиків, усіх, хто стежив за розгортанням ситуації. І, аби змусити правління САУ до дій, 18 соціологів – членів САУ звернулися з відкритим листом до правління з вимогою розібратися у ситуації, що склалася, і дати їй належну оцінку відповідно до Уставу. І справді, 8 лютого правління зібралось на засідання, але «гора народила мишу»: єдине, на що спромоглося правління САУ, так це на рішення щодо деяких неприйнятних формулювань, які фігурували в рішеннях про підтримку екзит-полу Українського інституту соціальних досліджень як «альтернативного». Жодної реакції і жодних рішень щодо дивних маніпуляцій керівників соціологічних центрів з даними екзит-полів громадськість так і не дочекалася. На знак протесту вийшов з правління САУ Президент Київського міжнародного інституту соціології Валерій Хмелько. Подав у відставку Президент САУ Микола Шульга. Ще раніше, вже після першого туру виборів, подала у відставку голова комісії з професійної етики Наталя Паніна.

Що далі? Від того засідання Соціологічна асоціація не функціонує. У кількох регіональних відділеннях САУ пройшли збори, які ухвалили рішення про необхідність скликання позачергового з'їзду САУ. Проте ніхто з членів правління, що залишилися, цим не займається. Ситуація зависла у своїй невизначеності. На сайтах «Соцісу» та «Соціального моніторингу» годі й шукати якихось слідів колишніх проведених екзит-полів – це схоже на знищення слідів злочину. Від часів виборчої кампанії Президент фірми

«Соціс» Микола Чурилов жодного разу не з'являвся з презентацією даних перед журналістами, очевидно, не бажаючи неприємних запитань. А його пояснення на нашій конференції, де він знову відстоював правомірність свого «зважування», викликала подив навіть у незаангажованих соціологів з Москви.

Реакція на події у соціологічній спільноті виявилася різною, причому, на жаль, часто опосередкованою неприйняттям новообраного президента і нової влади. На конференції чітко виявилася тенденція (доповідь Наталі Паніної) прикрити ганебний і небувалий в історії української соціології факт підлогу результатів розмірковуваннями про різницю методології, про організаційні недоліки проведення екзит-полів тощо. Так був підлог чи не був? Правомірним було «зважування на коефіцієнт міграції» чи ні? Чому так різко розійшлися результати «Соцісу» і «Соціального моніторингу» у їх спільному, проведеному за єдиною методикою екзит-полі другого туру «Вибір народу»? Чи справді не відбувся екзит-пол другого туру Українського інституту соціальних досліджень через начебто 50% рівень відмов? Усі ці запитання зависли й досі залишаються без відповідей.

Отже, слід констатувати дуже прикрий для української соціології факт: у складній ситуації, коли влада пішла вабанк і не гребувала будь-якими засобами для збереження своєї влади, деякі соціологи й виявилися одним із цих засобів (підозрюємо, зовсім не безкорисливо). Соціологічна асоціація виявила повну безпринципність і безпорадність, нездатність обстоювати професійну гідність соціологічної спільноти перед суспільством і владою. Чи можна говорити про те, що соціологічна спільнота нині є осередком, що відповідає принципам громадянського суспільства? Очевидно, що ні.

І знов насуваються вибори. І до них соціологи підходять у найгіршому стані, ніж за увесь час існування української соціології. Вже з'являються заяви політиків і журналістів про дискредитацію соціології і про неможливість вірити їх даним. Заяви звичні, але цього разу вони не зовсім голосливі.

Якщо раніше аксіомою було, що довіряти можна результатам досліджень тих фірм, які давно працюють на ринку і тому дбають про свою репутацію, які є членами Соціологічної асоціації України, то тепер ці аргументи вже не є справедливими. І Устав Соціологічної асоціації, виявляється, не є діючим документом.

Отже, що повинна зробити соціологічна спільнота, щоб довести суспільству свою громадянську позицію і свою відповідальність перед суспільством? Перш за все – ще до початку виборчої кампанії зібрати позачерговий з'їзд, розібрати екстраординарну ситуацію – підлогу результатів, обрати нове правління, а головне, виробити низку заходів, які назавжди унеможливлять виникнення подібних ситуацій. Вибірчі опитування є надзвичайно важливими не лише для політиків; як би там не було, але саме вони багато в чому формують громадську думку щодо соціології взагалі. Отже, соціологічна асоціація має стати арбітром у разі, коли виникає недовіра до результатів того чи того центру, принаймні зареєстрованого в асоціації. Для цього слід на час виборів утворити методологічну комісію з найбільш авторитетних соціологів, які б могли проаналізувати методологічну коректність проведення опитувань. На це цілком можна знайти фінансування у фондів, що мають програми на час виборів. Проведення екзит-полів теж має взяти під свій контроль Соціологічна асоціація, залучаючи й міжнародних фахівців. Причому цей контроль має відбуватися не лише як аналіз підготовчої документації, а й як контроль усіх етапів, особливо ж – зведення отриманих даних, зважування і підготовка результатів до представлення. Якби під час екзит-полу другого туру хтось «стежив за руками» Миколи Чурилова, цілком можливо, що не виник би нечуваний у світовій соціології «коефіцієнт міграції» і вся ситуація, яка надовго підірвала довіру до соціології у суспільстві.

Лише тоді, коли об'єднання соціологів буде відчувати суспільну відповідальність за свою професійну діяльність, воно матиме право вважати себе осередком громадянського суспільства.

Вопрос. Скажите, а после Мукачево вы обращались в Ассоциацию, когда случилось это все?

Ответ. Я считаю, что Социологическая ассоциация не должна ждать, пока ей принесут заявление. Она должна вести более активную политику, а не просто ждать, когда к ней принесут все документы...

Вопрос. То есть она должна отслеживать ситуацию. Вы это хотите сказать?

Ответ. Да. Хотя бы в отношении своих членов, за которых она может ручаться.

Я думаю, что сейчас уже никаким данным верить нельзя. Необходимы механизмы контроля, что, в общем, совершенно естественно. Это большая работа, и эксперты должны работать за деньги. Необходимо, чтобы во время выборов была создана группа экспертов, которые бы занимались контролем результатов. Можно получить под это грант и предложить всем, кто профессионально работает, даже тем, кто не является членом Ассоциации, заняться таким аудитом. Предложить, нельзя заставить. И тогда Ассоциация могла бы удостоверить их результат.

Илько Кучерив (Киев)

ФОНД «ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ» В ВЫБОРАХ 2004 ГОДА

Мы подготовили в письменном виде темы для обсуждения, которые я считаю важными. Я хочу пояснить то, что касается экзит-полла и Фонда «Демократические инициативы». Фонд «Демократические инициативы» не занимается социологией, он не ставил перед собой такой цели. Цель нашей организации – это углубление демократии, что и следует из нашего названия. Мы работаем уже 12 лет и считаем, что основная наша миссия – это углубление демократии через обсуждение общественного мнения в политическом дискурсе. Мы в основном работаем с журналистами. То есть, я могу говорить, что я больше на стороне журналистов в понимании того, чем есть анализ общественного мнения. Работаем также с международными организациями, стараемся придерживаться международных стандартов. В Украине мы сотрудничаем, я считаю, с лучшими социологами. Это Институт социологии – и Наталья Викторовна Панина, и многие другие социологи и социологические центры. И я считаю, что во многом мы достигли своей цели именно во время последней избирательной кампании и «помаранчевой революции», потому что действительно опрос общественного мнения, экзит-полл, особенно во втором туре, сыграл очень важную роль в том, что произошло в начале «помаранчевой революции». Он был первым доказательством победы Виктора Ющенко во втором туре и доказательством наглых фальсификаций, которые совершила предыдущая власть, украв, как минимум, три с половиной миллиона голосов или 12%. Что касается экзит-полла. Давайте разберемся вообще, с какой целью проводился экзит-полл и с какой целью проводятся экзит-поллы во всем мире. Экзит-полл во всех

странах проводится для оперативных новостей, для телеканалов, служб новостей, и это бизнес. В таких странах, как наша, он проводится совершенно с другой целью, как мы и планировали. Он проводился с целью контроля за честностью процесса голосования. Как организаторы экзит-полла мы обратились к международным донорам, это было восемь посольств – четыре из Европы, Америки и Канады, четыре международных фонда. Мы также обратились к лучшим из доступных организаций, которые проводят опрос общественного мнения, с которыми мы долгое время сотрудничали и получили то, что мы получили. Еще я хочу сказать относительно компетенции в этом вопросе, почему мы этим занялись? Никто нас не назначал и не избирал. Мы являемся заказчиками. То есть идея экзит-полла с самого начала – моя личная идея, с которой я как общественный деятель обратился к Вам и заинтересованным лицам. Кстати, я могу сказать, что Фонд «Демократические инициативы» организовал семь экзит-поллов, первый из которых был проведен в 1998 г. Именно, опять-таки, с целью осуществления контроля за честностью выборов, и кстати, экзит-полл проводился как часть более широкой кампании общественных организаций, которые ставили своей целью честные и справедливые выборы. Это были и мониторинг прессы, и анализ законодательства, и отслеживание нарушений, и обучение избирательных комиссий и т. д. То есть это был очень большой проект, в который входило несколько сот общественных организаций. Наша часть только небольшая. Так вот, вся логика проекта была построена на том, что мы обращаемся к авторитетным фирмам. Я считаю, что моя большая ошибка была в том, что отношения не были построены более жестко, по принципу «заказчик – исполнитель», а была создана некая демократическая атмосфера, когда все участники были равными. И я слишком доверился лидерам этих организаций, которые, собственно, и должны были проводить экзит-полл. Но, во всяком случае, лучших организаций, которые делают, бизнес на опросах общественного мнения в Украине нет. В основу нашей деятельности мы положили

этические кодексы, о чем подписали соответствующие документы. Это кодекс Социологической ассоциации Украины, и кодексы мировой ассоциации исследователей общественного мнения.

В общем, суть моего выступления сводится к тому, что я лицо заинтересованное, но мы должны оценить деятельность участника экзит-полльного процесса и определить, были ли нарушения этического кодекса. Я думаю, что это должна сделать, в первую очередь, Социологическая ассоциация. Были ли технологические просчеты со стороны организаторов проекта, была ли ложь, непрофессиональность или непорядочность со стороны участников? И это выходит далеко за темы методологии. Что касается методологии, мы пытались, насколько могли, сделать проект максимально защищенным и надежным. Потому что у нас есть ответственность и перед обществом, и перед журналистами, и перед международными организациями. Потому что восемь посольств и правительств внимательно следили за тем, что происходит. Для нас это было достаточно ответственно. Мы пригласили аудиторов, или наблюдателей, экспертов, из Украины, из России (Центр Юрия Левады), из Польши, которые являются лучшими из тех, кого мы смогли пригласить и, в общем-то, в своих странах самыми авторитетными. Частью нашей кампании была работа с прессой. Мы действовали публично, рассказывали, шаг за шагом, что происходит, и публиковали источники финансирования, в отличие от всех остальных, кстати. Могу сказать, что три экзит-полла стоили приблизительно 300 тыс. долларов. Это к вопросу, откуда берутся деньги в такой бедной стране на то, чтобы провести 16 различных экзит-поллов за три тура выборов. Но мы столкнулись с некоторыми вещами, которые сейчас нужно прояснить, чтобы уважаемые господа социологи все-таки сказали, что они об этом думают, и потому, что социология получила ощутимый удар. Украинское общество в недоумении относительно того, что же произошло в социологии. И этот удар в первую очередь по репутации, по авторитету социологов. И поэтому мы расписали список спорных вопросов, которые

должны спокойно оценить. Я думаю, что его должны оценить в первую очередь профессионалы, сделать это публично, и тогда можно будет говорить о возобновлении авторитета социологии. Повторяю, что я сторона заинтересованная, но все-таки я вам зачитаю некоторые основные пункты. Скажем, вопрос такой: кто же все-таки дезинформировал президента Российской Федерации Путина, когда он поздравил Виктора Януковича с победой в первом и втором туре выборов, ссылаясь на результаты экзит-полла? И вообще, подход к экзит-поллу был очень хорошо обозначен самим В. Януковичем. Он в августе сказал (здесь есть цитата): «Экзит-полл – это новые современные технологии, которые будут впервые в Украине испытываться и как ими манипулировать мы еще не научились». Так вот, научились. Потому что господин Чурилов все-таки объяснит, наконец, публично, почему произошла подмена результатов экзит-полла в первом туре, когда население Западной Украины было уменьшено на два миллиона, и в результате на два миллиона был уменьшен электорат В. Ющенко? Мы на это до сих пор не получили ответ, а такая счастливая возможность наконец представилась. Николай Николаевич здесь присутствует, и я думаю, он прояснит эту ситуацию. Также непонятна мне позиция О. Балакиревой, которая тоже работала над этим экзит-поллом (фирма «Социальный мониторинг»), где тоже были получены странные результаты. Опять-таки, это, наверное, не имеет отношения к социологии, но имеет отношение к порядочности. Мы организовали пресс-конференцию после первого тура, где О. Балакирева вместо того, чтобы представлять результаты опроса, за который ей было заплачено, обвинила нас, как заказчиков, и международных доноров в том, что на нее «давят» с целью показать результаты в пользу одного из кандидатов, имелся в виду В. Ющенко. И потом на эту тему началась массовая кампания. Тогда на нескольких каналах шла одна и та же подводка, одни и те же кадры. То есть можно доказать, что это была спланированная кампания, где она была лишь инструментом. Также мне непонятна ситуация в Социологической ассоциации Украины,

когда мы обращались в Ассоциацию (я лично написал письмо президенту господину Н. Шульге), обращая внимание на то, что социологическая ассоциация должна быть над всеми экзит-поллами и проверить все, что происходит, потому что это профессиональное объединение социологов. В результате Социологическая ассоциация приняла решение (я не член Ассоциации, вы меня поправите) проводить экзит-полл, свой собственный, и причем провела его с нарушением своего собственного устава. Как это все произошло, непонятно, откуда взялись деньги у Ассоциации на этот экзит-полл, и почему не были представлены результаты? Получили ли члены Ассоциации отчет от г-на Яременко о том, как этот экзит-полл был проведен и каковы же его результаты? И потом, в чем смысл колебаний результатов, которые представлял г-н Чурилов? Опять-таки, то он говорил, что результаты есть, то результатов нет, и чем же это закончилось? Это мне абсолютно не понятно. Поэтому я считаю, чтобы прояснить все вопросы, должна быть дана профессиональная оценка, именно профессионалами. Что произошло, присутствовали ли непорядочность или непрофессиональность? Обе эти фирмы продолжают заниматься бизнесом, потому что для них это бизнес, это не наука, они заработали неплохие деньги на всем этом деле. Вот эти вопросы должны быть прояснены.

Вопрос. Скажите, пожалуйста, обращались ли вы в такую российскую фирму, как Фонд общественного мнения? Приглашали ли Вы их?

Ответ. Нет. Мы обращались к г-ну Павловскому – он возглавляет Фонд эффективной политики, и он был заказчиком экзит-полла, проведенного Фондом общественного мнения. И на одной из встреч г-н Павловский сказал, что он планирует проводить экзит-полл. И я ему предложил, что давайте проведем его вместе, потому что у нас одна и та же цель – провести экзит-полл с целью контроля за честностью голосования. Но он сказал, что нет, он не готов сотрудничать. Но с моей стороны было такое предложение. Такая вот позиция. Но мы знали, что Фонд общественного мнения

работает над своим экзит-поллом, поэтому мы обратились к аналитическому центру Юрия Левады.

Вопрос. Какой предполагался критерий валидности Вашего экзит-полла? Какой у Вас был критерий качества полученной информации?

Ответ. Если фирмы, которые работают параллельно, и работают по одной методике, получают близкие результаты, значит, по крайней мере их результаты имеют объективность. Близость результатов – это если расхождения результатов опросов не выходят за пределы двух процентов.

Вопрос. Почему 2%?

Ирина Бекешкина (Киев)

2% рассчитывал Владимир Ильич Паниотто.

Андрей Горбачик (Киев)

Я могу сказать по поводу 2-х %, если нужно.

Я беседовал с В. Паниотто уже после этого всего, то есть я не принимал участие в проектировании, и не принимал участие в принятии правила, 2%. Но, в общем-то, 2% берутся следующим образом. Каждая фирма имела 12,5 тыс. выборку. Если бы выборка была трехступенчатая, случайная, то обычный учет дизайн-эффекта по Кишу привел бы к тому, что называют эффективным объем выборки, порядка 7,5 тыс. Из этих 12,5 было где-то порядка 7500–7900. Далее, точность при этом доверительного интервала получается порядка 1,1%, а поскольку мы берем пересечение двух доверительных интервалов, то это получается приблизительно 2% разницы. Поскольку это берется ошибка для разности, а не для одного точечного замера.

Вопрос. 2% по двум кандидатурам, по всем? По чему, по какому результату должны были различаться погрешности?

Ирина Бекешкина. Очевидно, все-таки задавать подобные вопросы по выборке надо не Ильку Кучериву, а Николаю Николаевичу Чурилову, который эту выборку делал. Что касается, скажем, алгоритма валидности и алгоритма

сведения, надо задавать этот вопрос В.И. Паниотто. Я не вижу смысла задавать подобные вопросы Ильку Кучериву.

Вопрос. Был еще случай, который был озвучен на пленках Рыбачука на пресс-конференции. Это можно включить в перечень ваших вопросов?

Ответ. Ну да.

Вопрос. Там речь идет о разрыве между кандидатами – 10,5%, это социолог говорит. И спрашивает: сколько вам нужно? 3,5%? Окей! Будет сделано 3,5. Выходит, дело в этических проблемах украинской социологии?

Ответ. Анонимный социолог. Кого угодно можно обозначить социологом на пленках. Там может быть и не социолог. К тому же не все слушали пленки. Дело в том, что сейчас очень многие ринулись доказывать свою верность В. Ющенко, так что мы кроме этих пленок еще много всего услышим, и тут уже приходят желающие рассказать.

Игорь Буров. Спасибо. Есть вопросы еще? Я бы хотел услышать еще несколько слов от Фонда «Общественное мнение», если возможно, поскольку здесь упоминалось о них. Поэтому, пожалуйста, Светлана Гавриловна (Климова. – *Ред.*), поясните нам немного. Что касается КМИС, к сожалению, как вы видите, они не пришли. Что касается Центра Разумкова – они не пришли. А в тоже время я отдаю должное мужеству Николая Николаевича Чурилова, который, зная, какой будет разговор, все-таки пришел на наш круглый стол и, я думаю, ответит на все реплики, которые прозвучали в его адрес или вопросы, которые будут задаваться. Я предоставляю слово для реплики представителю Фонда «Общественное мнение» Климовой Светлане Гавриловне.

Светлана Климова (Москва). Уважаемые коллеги, я готова буду, если смогу, конечно, ответить на вопросы, связанные с экзит-поллом, у меня есть какие-то свои соображения. Но непосредственно в этой работе я не участвовала.

Я могу просто как профессионал-социолог ответить на те вопросы, которые вы сочтете нужным мне задать.

Я не была включена в процедуру экзит-полла в Украине. Но я знаю эту ситуацию по нашим данным, начиная еще с первого культурного шока, который обнаружился, когда разошлись прогнозы голосования за Жириновского с результатами голосования. Дело в том, что результаты опроса, даже экзит-полла, самого точного из опросов, и экспертные оценки, экспертные прогнозы – это разные вещи. Здесь об этом не говорилось, а я думаю, что об этом тоже стоит поговорить. Экспертные оценки и экспертные заключения строятся на основе данных социологических опросов, в том числе и экзит-поллов. Дело в том, что когда люди, особенно в такой наэлектризованной обстановке, выходят с избирательного участка, они, естественно, очень часто либо отказываются от ответа, либо могут говорить не то, как есть на самом деле.

Почему я вспомнила про Жириновского? Потому что вокруг Жириновского была аура человека неприличного. Но многие в глубине души с ним соглашались. И поэтому голосовать они за него голосовали, но стеснялись признаться интервьюеру в этом. И вот знание таких случаев, когда люди могут слукавить, – это экспертное знание, которое напрямую из результатов опросов не выводится.

Это первое соображение, которое я прошу вас учесть в ваших обсуждениях результатов экзит-поллов. Второе соображение касается отказов от ответов. Я опять же не уполномочена и не могу обсуждать конкретно ту ситуацию, что сложилась, но я знаю, что я в своих текстах всегда пишу, кто не отвечал на вопросы. Я очень подробно это описываю, особенно если группа не ответивших на вопрос отличается от генеральной совокупности, я обязательно об этом пишу – кто не отвечал на эти вопросы. И что вы думаете, хоть один раз, хоть один журналист обратил внимание, что я говорю не обо всех россиянах, а только об их части, потому что какая-то часть не ответила, и из-за этого выборка оказалась искаженной? Никогда! Никто на это внимания не обращает. Все говорят: Фонд «Общественное мнение» сказал то-то и то-то,

россияне думают это. А то, что я твердить устала, что это не все россияне, это совершенно никому не интересно. Вот это тоже та проблема, которую стоит обсуждать. Надо просто сесть спокойно, разобраться в технологии опроса и прогнозов, это разные вещи, понять, где могли произойти технологические сбои, а потом говорить об этике. Вот этику я бы оставила седьмым пунктом.

Вопрос. Может, Вы все-таки знаете, кто же сказал В. Путину, что победил В. Янукович в первом и втором туре, Фонд «Общественное мнение»?

Ответ. Не знаю.

Вопрос. А вам известно, что Павловский здесь говорил, когда не состоялся экзит-полл?

Ответ. Я слышала то, что говорили российские СМИ. Ничего, кроме того, что говорили по российскому ТВ, я не знаю.

Вопрос. Почему Фонд в первом туре прекратил проведение экзит-полла?

Ответ. У меня только есть официальная версия – из-за множества отказов.

Вопрос. Но все же было названо, кто за кого и сколько проголосовал. Вот в чем все дело. И технология сохранилась, а потом сработала уже во втором туре, так? Назовите мне хоть один пример, чтобы фирма отказалась накануне оглашения официальных результатов от экзит-полла, в который вложены немалые деньги? И еще. Скажите, с точки зрения методологии, обсуждалось ли в Фонде «Общественное мнение», почему, скажем, в данном экзит-полле было такое невероятное количество отказов, которого не было при проведении экзит-полла другими фирмами. В чем такая особенность методологии, что такое огромное количество отказов?

Ответ. Специально эта тема не обсуждалась, я могу высказать только свою личную гипотезу. Я предполагаю, что отказы были вызваны тем, что интервьюеры представлялись как люди, проводящие опрос от имени российской организации. Именно с этим это связано, мне кажется.

Вопрос. То есть были региональные различия?

Ответ. Да, были.

Вопрос. А Вы можете сказать, кто заказывал и оплачивал экзит-поллы, которые вы проводили?

Ответ. Нет. Это касается организации, не идеологии, не каких-то соображений из сферы науки методологии, а организационно-финансовых вопросов. Я на них отвечать не буду.

Екатерина Козыренко (Москва). Буквально два слова. Все время всплывает эта история с Жириновским, когда все социологические фирмы дали неверный прогноз по результатам выборов. Ситуация была следующая. Это были не экзит-поллы, тогда их не проводили, предвыборные опросы. Жириновский, как стало известно тогда и хорошо известно сейчас, это человек блиц-броска. Он набирает свои голоса последние две недели перед выборами. Собственно говоря, этот своего рода «эффект Жириновского» послужил толчком для развития методик быстрого реагирования. Потом у нас в Центре это получило название сначала «экспресс», потом «курьер» – опрос, потому как раз на тот момент, когда Жириновский появился на арене, мы проводили опросы стандартными методиками с трехкратным посещением через 2–3 недели. Поэтому последние данные, которые мы получили перед выборами, были за две недели до выборов, и мы уже тогда зафиксировали рывок Жириновского. Он поднялся, я сейчас уже точно не помню, что-то, по-моему, с 6 до 15%. Десятипроцентный скачок за две недели до выборов. По Закону мы не смогли опубликовать эти данные, поскольку уже был запрет на публикацию данных. Мы их передали

заказчику, а в ту пору нашим заказчиком был Гайдар. Надо сказать, что в его книжке «Дни поражений и побед» написано, что он эти данные получил и что действительно он был предупрежден. Единственное, что сделать уже ничего было нельзя, это было накануне выборов. Так что говорить о том, что этот эффект Жириновского был пропущен вовсе, – нельзя. Но здесь очень много говорилось о внутренней ангажированности, и, наверное, она есть. Исследователь – он тоже живой. И отрешиться от этого бывает очень трудно. И я очень хорошо помню наши центровские, внутренние семинары, когда мы зафиксировали, этот рывок и когда вся интеллектуальная мощь нашего Центра была направлена на то, чтобы уговорить себя, что этого не может быть. Вот, ну не может этого быть! Это какой-нибудь артефакт или что-то с выборкой. Мы эту выборку под лупой изучали. Думали это, наверное, от выборки, а может, еще почему-то. Ну не может такого быть, чтобы Жириновский вот столько набрал. Конечно, это присутствовало. Интерпретация она и есть интерпретация. Стакан – он либо полупустой либо полуполный. Кроме этого, еще про «эффект Жириновского». После тех выборов был человек, Сабянинов, если я не путаю, он проанализировал официальные результаты выборов. Это была очень интересная работа. Результат этой работы – доказательство того, что выборы те, в общем-то, были фальсифицированы. Что он сделал? Он посмотрел корреляции между голосованием против всех и явкой. И обратил внимание на следующую вещь: там, где явка была выше среднего, там процент голосования против всех был минимален. Все, кто имеет дело с электоральными опросами, знают, что «против всех» – это фиксированная цифра. Это всегда где-то от 2 до 3%. А здесь она была меньше 1%. Что, в общем, не поддается логическому объяснению. Можно легко найти какие-то политические объяснения, связывать явку и какие-то политические партии и говорить про мобилизацию или немобилизацию того или иного электората. Но процент «против всех» – статистически устойчив, а здесь он был сильно завязан на явку. Что же произошло в ходе тех выборов?

Тогда одновременно с выборами в Думу проходили и выборы в местные органы власти. Вообще, фальсифицировать выборы из центра – это довольно трудоемкая задача. И слишком много народу в этом участвует, чтобы это не стало известным. А когда это было на уровне субъекта Федерации, то главы субъектов Федерации накидали бланков за себя, дорогих, любимых. Дальше они сообразили, что количество проголосовавших на уровне субъектов Федерации должно совпадать с количеством проголосовавших на федеральном уровне, в Думу. И уже по своим личным предпочтениям подкидывали бюллетени голосования за те или иные партии по Думе. А вот сообразить испортить бюллетени – это было чересчур, ума не хватило. Не сообразили, не смекнули. Так что, с одной стороны, этот «эффект Жириновского» был, по всей видимости, явно завышен. Да, и был еще один момент. Тогда, если кто-то помнит из присутствующих, было такое шоу на телевидении, которое называлось «Встреча нового политического года». И организаторы допустили следующую ошибку. На момент, когда еще во всей европейской части только-только начинался подсчет голосов, они обнародовали данные голосования по Дальнему Востоку. А там Жириновский традиционно набирал больше. И те главы субъектов Федерации – по всей видимости, это уже как гипотеза, – которым было все равно за кого кидать бюллетени, вбрасывали их за Жириновского, чтобы было как у других, чтобы не отличаться от всех прочих. Так что, с одной стороны, выборы явно были сфальсифицированы и, скорее всего, за счет этой встречи Нового года в пользу Жириновского, а с другой – этот эффект все-таки был пойман накануне. Так что сказать, что социологи уж совсем в «лужу сели», тоже нельзя. Ну а ошибки бывают, они неизбежны. Не надо забывать, что мы имеем дело с вероятностными вещами.

Николай Чурилов (Киев)

ОПЫТ ЭКЗИТ-ПОЛЛА

Несколько слов по поводу экзит-полла. Почему-то все считают, что этот бес, или, как вы говорите, «манипуляция», если вы вкладываете правильный смысл в понятие «манипуляция» или «взвешивание», возникла буквально за 5 минут до публикации мною этих результатов. Вы очень ошибаетесь.

Еще дней за 10 мы решали вопрос, как построить коэффициенты перевзвеса. И вот тогда, если помните, в Ровенском исследовании был включен один вопрос, вопрос о прописке. Мы искали факторы, которые могут повлиять на приход людей на избирательные участки. Потому что была гипотеза, что поскольку место прописки не совпадает с местом жительства, то определенная часть людей – по нашим прогнозам, около 20% – может не оказаться в списке избирателей. Анализировались и другие факторы. Я высказал гипотезу. Это было за три-четыре дня до выборов. Этот вопрос мы обсуждали с руководителями исследовательских кампаний – с О. Балакиревой, В. Паниотто и другими. Я также присутствовал на выступлении В. Ющенко, это было года полтора назад. Речь шла о трудовой миграции, о том, что по самым скромным подсчетам около 2 млн 400 тыс., а по другим данным – до 7 млн человек работают за пределами Украины. Я остановился на цифре 2 млн 500 тыс. Если я не ошибаюсь, В. Ющенко, выступая на пресс-конференции в Германии, назвал цифру в 5 млн. жителей Украины, которые работают за границей. Мы обсуждали этот вопрос, но поскольку перекраивать выборку уже было невозможно, я высказал идею о том, что необходимо ввести коэффициент перевзвешивания, исходя из этой цифры. И этот вопрос,

по сути дела, «завис». Мы не знали, что делать. Как скажется на явке прописка – этот вопрос тоже не был решен до самых последних минут. С коэффициентами перевзвешивания у нас был полный тупик. Те коэффициенты, которые я получил в 15:00 31 октября 2004 г., вызвали у меня массу вопросов, но ни одного ответа. В. Паниотто не мог мне объяснить, откуда они были взяты и каким образом они строились. В 9:30 того же дня мне были переданы не взвешенные массивы, мой и О. Балакиревой. Мы не получили информацию об оставшемся массиве, и тогда я принял решение перевзвесить свой массив и О. Балакиревой. Я не скрываю. Из чего я исходил? Я объяснял это сразу же, четыре месяца тому назад. Я объяснял это все при экспертах. Я говорил о том, как были построены мной коэффициенты. Теперь о выборке. Я абсолютно согласен с коллегой Козыренко, что наша выборка была нерепрезентативна для областей. Причина была в экономическом факторе. Я говорил о том, что нужно построить достаточно надежную выборку для каждой кампании, и, чтобы покрыть регион, надо было еще где-то примерно 560–600 точек, но поскольку была выделена недостаточная сумма финансирования, все кампании настояли на том, что достаточно 320–340, максимум 360 точек опроса. Дизайн эффект на той выборке, которую я построил, был не с коэффициентом 2, как вы говорите, а с коэффициентом 4. То есть реальная выборка была всего на всего чуть больше 3,5 тыс. единиц. Ошибка как раз и составила чуть более 2%. Вот откуда В. Паниотто исходил. Мы говорили о 2%. Вот откуда все это получилось.

Вопрос. Я вам не заказывал никаких коэффициентов. С кем обсуждались эти коэффициенты? Какие были мотивы для перевзвешивания коэффициентов?

Ответ. Я объяснил уже об этих мотивах. Или Вы глухой, или не понимаете. Когда я первый раз проводил экзит-полл, я не смотрел на мировую практику. Я проводил его сам. Все было сделано мной.

Вопрос. Взвешивание было ошибкой или оно было правильным?

Ответ. Я скажу так. По моим подсчетам, в первом туре, который прошел с крупнейшей фальсификацией с обеих сторон, победил В. Янукович, во втором туре победил В. Ющенко. Со взвешиванием, я считаю, я абсолютно правильно сделал. Потому что я не поленился и сделал запрос в пограничную службу. Был ли в течение недели до выборов массовый приток в Украину наших граждан из других стран – Италии, Германии, Словакии и т. д.? Миграционные потоки в этот период времени абсолютно не менялись.

Вопрос. Вы перевзвешивали данные по Ужгородской, Донецкой области? Ведь масса людей работает еще и в России. И вряд ли пограничные службы дадут эти данные. Во всем мире в экзит-поллах учитывают явку избирателей, а не миграционные потоки.

Ответ. Нужно было реформировать выборку, но времени на это не было. Вот и все.

Ирина Прибыткова (Киев). По поводу трудовой миграции. Нет 5–7 млн трудовых мигрантов. Реально – 2,5–3 млн. И то за всю историю. Я это говорю специально для всех, потому что это не последние наши работы. Когда вы делаете выборку, придите ко мне, я вас бесплатно проконсультирую.

Вопрос. Я слышу, у вас было распределение функций между участниками. Кто должен был делать взвешивание?

Ответ. В день выборов, 31 октября, я пришел к КМИС в 9:30. Результатов КМИСа и центра Разумкова не было, к 11 часам – нет, 11:30 – нет, а в 11:45 мы выехали на пресс-конференцию в УНИАН.

Вопрос. Когда же были перевзвешены данные? С кем?

Ответ. Они были перевзвешены раньше, но весь массив находился в КМИСе. Он должен был перевзвесить, но они этого не сделали. Поэтому я представлял свои перевзвешенные результаты. Я говорю честно. Я их перевзвесил.

Вопрос. Во 2-м туре тоже перевзвешивали свой экзит-полл?

Ответ. Мы о каком туре говорим? В данной ситуации без комментариев. Все результате на сайте «СОЦИС».

И. Буров. Для того чтобы подвести итог этой дискуссии. Несколько слов по поводу результатов центра «Соцперспективы», который я представляю и который организовал этот круглый стол. Здесь данные попали в точку. Но официально я объяснил, что такого экзит-полла я не проводил. В день выборов я выступал в три часа ночи в телеэфире с этим заявлением. У меня будут переговоры с юристом о том, чтобы подать в суд на кампанию, которая опубликовала это. Да, действительно прозвучало, что центр «Социальные перспективы» провел экзит-полл с победой В. Януковича. И следом, может быть, в результате этого г-н Путин поздравил В. Януковича с победой по результатам экзит-полла.

Андрей Горбачик (Киев). Во-первых, пару общих слов о социологии. Провалилась она или не провалилась, хорошие мы или плохие? Настоящий профессионал-социолог никогда не утверждает, что мы имеем абсолютную науку, которая дает абсолютно точные результаты. Настоящий профессионал определяется не тем, что он может сказать или сделать, а тем что, он четко представляет границы своих методов и своей работы. И, конечно, у нас такие границы есть. И о доверии, которое мы получили или потеряли, нужно говорить – тут я согласен с Ириной Эриковной – в контексте того, что называется «гражданское общество». Тут важным фактором являются общественные организации, в частности профессиональные общественные организации, которые должны иметь авторитет, причем не делегированный авторитет. Я, например, заведующий кафедрой и имею делегированный авторитет. Со мной должны считаться, независимо от того, хороший я или плохой. Авторитет надо заслужить и поддерживать. К примеру, экзит-полл, который проводил ICTV. Есть сведения по поводу этих двух американцев, которые приехали за два дня и якобы провели этот экзит-полл. Оказывается, одного из них исключили из профессиональ-

ной ассоциации еще 3 года назад. Именно за фальсификацию. Такого человека могли нанять только в Украине, его не могли нанять в Америке потому, что там люди блюдут свою профессиональную гордость и репутацию.

Второе, относительно самого экзит-полла. Я работал в группе экспертов. Действительно, мы проверяли валидность. Валидность можно проверять, она может быть внешней и конструктивной. То, чем мы занимались до проведения экзит-полла, называется «конструктивная валидность». То есть мы пытались посмотреть на сам метод, хотя это не был аудит, потому что было слишком мало времени и слишком мало документов. Мы с коллегами из Москвы и Польши сделали очень много замечаний, хотя окончательного заключения по поводу того, что экзит-полл является настолько хорошим и что к нему вообще претензий нет, такого заключения ни мы и ни одна экспертная группа не делали. Я процитирую фразу, которую приписывают Бисмарку: тот, кто знает, как готовится колбаса и законы, тот никогда не будет спать спокойно. Всякий взгляд изнутри всегда проблематичен. Я так понимаю, что и Наталия Викторовна Панина осознает это. У нас было после этого два довольно тяжелых, длинных разговора, которые стоили ей и мне много нервов. И может ли Наталья Викторовна считать, что этот экзит-полл был настолько плохо подготовлен, что не надо было его вообще проводить и не надо было публиковать эти данные. Возможно? Но по общему своему впечатлению я тогда говорил и сей час повторяю, что экзит-полл со всеми его проблемами (той «колбасы», которая была так приготовлена) все-таки состоялся. Он состоялся, и даже приемлемость его внешняя валидность, если ее рассматривать на уровне уже всей Украины, а не по областям. Потому что действительно, данные не репрезентативны по областям, и то, что их представляли прессе по областям, – это грубейшая ошибка, о которой я говорил В. Паниотто. И когда уже В. Паниотто проектировал выборку и взвешивание по явке на следующее исследование, я так понял, что они учли мои рекомендации, хотя экспертная группа уже не работала во 2-м туре. Потому что

репрезентативность должна быть обеспечена по регионам, а регионы были выделены на основе результатов первого экзит-полла.

Поэтому я бы сказал так. Проблемы, конечно, были. Я говорю только о первом экзит-полле. Но если снять это взвешивание и ошибки – потому что все-таки была ошибка и я действительно получил письмо от сотрудников Н. Чурилова о том, что произошла ошибка при сведении данных с нумерацией областей, – и мне прислали данные уже без взвешиваний и уже без ошибок. Эти данные у меня есть. У меня несколько мегабайт переписки только за этот экзит-полл. И там действительно существенных различий нет и эти различия нужно было обсуждать в профессиональном ключе. Обсуждать с точки зрения того, что надо было, действительно, делать другую выборку, уменьшать размер кластера, увеличивать количество точек опроса. Ту оценку, о которой я говорил – о дизайн-эффекте, – я делал, исходя из гипотетического представления о равенстве дисперсий. Но они были очень разные, потому что области были очень неоднородные, и все это нужно было хотя бы попытаться учесть. И по крайней мере это можно было бы сделать сейчас, взяв данные по ЦИКУ по всем участкам, сравнить их с данными, которые мы получили по своим экзит-поллам, сравнить дисперсии, попытаться оценить и сделать реальный план выборки и, возможно, на будущее извлечь из этого результат. Я не противник этических проблем и согласен – их нужно надо обсуждать. Но я считаю, что для нас как для профессионального сообщества важнее, вот тут меня коллеги могут не поддержать, не столько этические, сколько методологические проблемы. Надо все результаты собрать вместе, и чтобы все поделились своими данными, и сравнить это с данными ЦИКа, и затем – сделать профессиональный анализ. Тогда из этого будет польза, а не только выяснение того, кто герой, а кто не герой. Профессиональная Ассоциация же должна быть чистой и незапятнанной. Я приведу пример из модного ныне фильма, где борются силы зла и добра, света и тьмы.

Но для того чтобы сохранить баланс в этом своем искусственном мире, авторы вводят еще одну силу – это инквизиторы, которые находятся вне противоборствующих сил и наблюдают за тем, чтобы некий договор между силами света и тьмы соблюдался. Так вот, должны быть инквизиторы в любом деле, а в социологии эту роль могут играть высокопрофессиональные методологи и эксперты.

Михаил Кунявский (Одесса)

О ПРОБЛЕМАХ И ОПЫТЕ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ СОЦИЛОГОВ И ВЛАСТИ В ОДЕССЕ И ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

Одесские социологи имеют достаточно большой опыт сотрудничества с различными ветвями власти. Для органов местного самоуправления работали больше, для органов администрации – меньше. Достаточно плотно сотрудничали социологи Одессы и с «четвертой властью» (СМИ). А у третьей ветви (судебной) в нашем регионе, насколько известно автору, нужды в сколько-нибудь систематических услугах профессиональных социологов практически нет.

Сотрудничество социологов и властных структур взаимовыгодно. Хотя выгода каждой из сторон разная.

Что дает сотрудничество с социологами властям?

Они получают информацию о социальной ситуации. Причем информацию системную, а не фрагментарную. И не только от людей, которые обращаются в горисполком, госадминистрацию, общественные организации и СМИ со своими проблемами, жалобами и т. п. Или по своим традиционным каналам, от своих подчиненных, в границах компетенции каждого из них. Власти получают от социологов информацию о том, как их решения и действия сказываются на гражданах, как они ими воспринимаются и оцениваются. Массив данных власти получают от представителей всего населения, включая тех, кто может справиться и справляется со своими проблемами и трудностями самостоятельно, либо при поддержке родных и друзей (а таких большинство). При этом самым ценным, пожалуй, является возможность получения информации упреждающей – о возможной реакции населения на те решения, которые власти только собираются принимать. А также о наиболее социально приемлемых

вариантах решения тех или иных актуальных проблем города, области, региона или Украины в целом.

И в зависимости от оперативно полученной от социологов информации власти получают возможность корректировать либо практические решения, либо их подачу на публику (работу соответствующего специалиста, то есть спин-доктора). Или планировать соответствующие PR-акции. Если население будет знать, что его мнением по вопросам, затрагивающим его жизненные интересы, для начала, хотя бы интересуются, то со временем это даст возможность как то сократить уровень недоверия к властям и неудовлетворенности их работой. Тем более, если мнение большинства в чем-то будет учитываться.

Таким образом, организуется еще одна, сверх традиционных, линия в системе «обратной связи» между населением города и органами городского самоуправления.

Что дает сотрудничество с властями социологам?

Прежде всего – оно является еще одним источником финансирования социологических исследований. Как оперативной социологической работы (в том числе так называемых «полстеров»), так и фундаментальных мониторинговых исследований. В результате социологи получают большой объем достаточно надежной эмпирической информации.

Существенно важным для социологов является, кроме прочего, дать возможность высказаться в процессе исследований, проводимых по заказу властей, массе «рядовых» граждан по большому перечню как злободневных «материальных» проблем, так и по вопросам другого плана – о жизненных ценностях, например. Исследование создает условия для того, чтобы наши сограждане могли узнать о том, какие точки зрения существуют в общественном мнении по самым различным проблемам. Иными словами, мониторинговые исследования являются достаточно надежным орудием самопознания для общественности.

Разумеется, ценность этой информации в первую очередь обуславливается продуманностью, профессионализмом программ этих исследований. Наличие заранее разработанных

ной качественной программы, безусловно, необходимо и для оперативного исследования по относительно узкому кругу вопросов «на злобу дня». Разумеется, это возможно лишь в том случае, когда при разработке этих программ социологи руководствуются не только сиюминутными запросами, сформулированными самими заказчиками. Но и интересами территориальной общины (города, области, региона), Украины, долгосрочными интересами самих заказчиков и, не в последнюю очередь, потребностями в валидной информации сообщества профессиональных социологов.

В Одесской области и в Одессе реализованы два диаметрально противоположных подхода к организации сотрудничества социологов и власти.

Органы городского самоуправления Одессы нанимают для проведения социологических работ профессиональных социологов, организованных в Южно-Украинском отделении Социологической ассоциации Украины. Заключается соответствующий договор, вся работа ведется под эгидой ЮУО САУ по программе, разработанной творческим коллективом квалифицированных социологов – членов САУ. Для сбора информации используется постоянно действующая сеть опытных интервьюеров центра «Пульс», проводится контроль качества работы исполнителей, производится углубленный анализ и интерпретация полученной информации, результаты излагаются в научном отчете, оформленном в соответствии со стандартом ДСТУ 3008-95 и поступающем (вместе с массивом данных в формате файла SPSS) в полное распоряжение социологического сообщества.

Разработка программы мониторингового исследования социальной ситуации в Одессе потребовала решения ряда методических проблем:

1) обеспечения сопоставимости с национальными мониторинговыми исследованиями, проводимыми ИС НАНУ (проекты «Украинское общество на пороге XXI века» и «Украинское общество: мониторинг социальных изменений»);

2) обеспечения сопоставимости с мониторинговыми исследованиями, проводимыми в Одессе и области центром «Пульс» с 1990 г.;

3) обеспечения сопоставимости с данными Госкомстата;

4) учета социально-экономического контекста;

5) обеспечения возможности независимой профессиональной экспертизы программы и методики исследования (в соответствии с правилами, изложенными в п. 2.24 «Кодекса профессиональной этики социолога» САУ);

6) использования стандартных методов и процедур формирования выборки и социологических измерений;

7) использования стандартных математико-статистических процедур анализа информации (базовых и углубленных);

8) организационного (путем договоренности с заказчиком) и технического (путем передачи соответствующих файлов данных и распечатки отчета) обеспечения максимально полного доступа социологического сообщества к исходной информации и к результатам ее анализа;

9) обеспечения максимальной гласности и информирования публики о результатах исследования (путем проведения пресс-конференций, издания пресс-релизов, публикации материалов исследований в местных электронных и печатных СМИ). При этом факты интерпретируются и тексты публикуются в формулировках социологов.

Поскольку социальные показатели и блоки вопросов мониторинговых исследований ИС НАНУ и центра «Пульс» были не идентичными, обеспечить решение и первой и второй из перечисленных выше проблем – задача непростая. В конечном счете мы склонились к компромиссному способу решения этой задачи. Не отказываясь от всех «одесских» показателей и блоков вопросов, постепенно использовать все больше показателей ИС НАНУ.

Еще одна проблема сопоставимости связана с тем, что данные мониторинговых исследований ИС НАНУ публикуются, как правило, в виде одномерных распределений.

Но для сколько-нибудь адекватного сопоставления данных национального исследования и исследования, скажем, Житомира, нужна информация в виде двумерных распределений (в «разрезе», например, по размеру населенных пунктов или по регионам и др.).

Серьезной «тактической» проблемой является обеспечение разумного сочетания в мониторинговых исследованиях с одной стороны, собственно мониторинговых, повторяющихся из исследования в исследование показателей и с другой блоков вопросов «злободневных». Такими были в одесском мониторинге вопросы, с помощью которых фиксировалось отношение одесситов к жилищно-коммунальной реформе, проводимой в нашем городе. В наших исследованиях соотношение этих блоков было примерно 3 к 1.

Кроме того, поскольку нам было известно, что некоторые социальные показатели меняются чрезвычайно медленно, мы приняли решение измерять их не каждый год, а раз в два года.

Сопоставимость с данными Госкомстата¹ достигается благодаря использованию, там где это возможно и целесообразно, его методик² и классификаторов.

Для учета социально-экономического контекста регулярно замеряются такие мониторинговые показатели, как среднедушевой доход, стоимость прожиточного минимума, комплекс показателей потребительских настроений и показатели Индекса человеческого развития.

Специфической организационно-методической задачей было обеспечить формирование равноправных, партнерских отношений между заказчиком мониторинговых исследований и социологами. Частично это удалось благодаря

¹ У социологов имеются вполне обоснованные и давние, еще с советских времен, претензии к социальной статистике, собираемой и издаваемой государственными органами статистики. Но, несмотря на это, у них (социологов) не вызывает сомнений необходимость обеспечивать (в пределах разумного) сопоставимость с данными Госкомстата.

² Например, при ежемесячном измерении стоимости прожиточного минимума в Одессе.

авторитету в городе и независимой позиции таких социологов, как профессор И.М. Попова. Частично – в результате определенной предварительной работы с заказчиком. Последний был осведомлен, в частности, что социологи сохраняют за собой право не допускать фальсификации результатов исследования при их публикации в городских и областных СМИ. В итоге можно утверждать, что удалось выстроить не только прагматичные, но и взаимоуважительные отношения между социологами и городскими властями.

Одесская областная госадминистрация пошла другим путем. При Управлении внутренней политики облгосадминистрации был образован Одесский областной центр мониторинговых социологических исследований. В своей деятельности он руководствуется соответствующим Положением (от 02.09.2002 № 643/А-2002). К сожалению, весь цикл работ, проводимых этим центром, осуществляется в режиме почти полной закрытости от профессионального социологического сообщества. Это относится и к программе, и к инструментарию, и к результатам исследований.

У одесских социологов имеется также опыт организации и успешного проведения таких специфических исследований общественного мнения, как экзит-полл. В 1999–2004 гг. Социологический центр «Пульс» провел в Одессе четыре таких опроса. В процессе их организации и проведения экзит-полла выполнялись следующие работы:

- разработка типовой программы и инструментария репрезентативного выборочного опроса избирателей в технике «экзит-полл»; корректировка программы и инструментария в соответствии применительно к специфике выборов в 1999–2004 гг.;
- уведомление о проведении экзит-полла городского головы, окружных избирательных комиссий, городского управления милиции, руководящих органов основных политических партий или штабов основных претендентов;
- определение репрезентативной выборки избирательных участков;

- развертывание сети интервьюеров, их обучение методике экзит-полла;
- тиражирование инструментария (анкет, инструкций интервьюерам, диспетчерам-бригадирам, контролерам);
- организация «пожарной команды» по гашению конфликтных ситуаций;
- организация системы основной и резервной связи с интервьюерами и диспетчерами-бригадами; комплектация небольшой компьютерной сети (4–5 компьютеров);
- разработка приложения-макета для ввода и оперативного автоматического обсчета информации в день выборов (с помощью средств Excel'я);
- собственно выборочный репрезентативный (с механическим отбором по определенной методике) опрос в технике экзит-полла (анонимного интервью «лицом-к-лицу»);
- сбор информации от интервьюеров к диспетчерам-бригадирам и от бригадиров в центр сбора данных, оперативный обсчет (в три этапа – к 12, 15 и 19 или 20 часам);
- сбор и концентрация всех полевых документов экзит-полла (занимали обычно два дня после выборов);
- перенос данных из анкет на машинные носители информации в формате файлов SPSS;
- сравнительный анализ официальных данных горизбиркома (сразу после их публикации в СМИ) и экзит-полла; расчет показателей «внешней» валидности (средняя фактическая погрешность не превышала 2%);
- оформление заверенной печатью «Пульса» информационно-аналитической справки об электоральной ситуации в Одессе в день выборов (по данным экзит-полла); передача справки заказчику;
- расчет показателей «внутренней» валидности методом «независимых подвыборок»;

- обеспечение сохранности полевых документов «экзит-полла» в течение двух–трех лет (см. п. 2.24 Кодекса профессиональной этики социолога, утвержденного V съездом САУ).

Следует заметить, что, насколько нам известно, действующим городским властям не было особой необходимости существенно «корректировать» реальные результаты выборов, так как они вполне их устраивали и в 1999 г., и в последующие годы. Поэтому мы могли с большой долей уверенности доверять официальным результатам. Исходили мы при этом из соображений здравого смысла – что если нет интереса что-то делать, то и делать это не будут. Особенно если есть опасность, что оппозиция обнаружит и докажет факт *масштабной* фальсификации.

Вопрос. У Вас есть региональный опыт проведения опросов, у нас – общенациональный. Скажите, исходя из Вашего опыта, не лучше ли проводить 3–4 мониторинговых исследования в год, а не одно, которое мы уже 11 лет проводим? Нужно один, но хорошо, или много, но плохо?

Ответ. Речь идет об острых вопросах, когда наше украинское общество разделилось и разделилось культурно – у нас есть один русскоязычный социум и есть другой. Они друг от друга отличаются. Есть исторические причины, современные. Есть проблемы. И прятать голову в песок нельзя. Когда такая острая ситуация, обязательно нужно, как минимум, два мониторинга на одном и том же объекте. Мы проводим наши областные и городские мониторинги. Естественно, было бы желательно, чтобы результаты публиковались, так как их публикует бывший ВЦИОМ, а ныне – центр Ю. Левады, а именно, чтобы были не только одномерки, а еще и в некоторых самых главных вопросах и по крупным городам двухмерные распределения.

О. Иващенко (Киев). Я понимаю москвичей, им больно за Жириновского, и они нам подробно об этом рассказали,

я понимаю одесситов – у них свои проблемы, свои экзит-поллы, но мы киевляне, мы – этот институт, и нам больно за то, что у нас произошло. Мы периодически проводим мониторинг. Гордимся тем, что с точностью до 1% даем данные, а вот теперь произошла ситуация, когда одно и тоже исследование провели 5 центров и до 10% разницы. Если завтра та же О. Балакирева возьмет наш мониторинг, проведет параллельно, и получим 10% разницы. Что в такой ситуации делать? Скажут – Институт социологии врет, и будут правы, если мы даем разницу до 10%. Мы как социологи потеряем всякий авторитет.

Н. Панина (Киев). Социология должна иметь критерий качества. Как социолог Вы не можете говорить «верю не верю». Как социолог Вы должны проверить любую цифру.

А. Горбачик (Киев). Ценность любого результата определяется тем, как он был получен. Это в любом деле. Ситуация очень простая. Есть показатели достаточно стабильные, которые измеряются медленно и тогда мониторинг делается раз в два года, раз в три года, есть ситуации, когда показатель меняется очень быстро, к тому же опять так и есть малая дисперсия, есть большая дисперсия, разные разбросы и т. д. Поэтому разные вещи нужно по-разному и с разным ожиданием мерять. Это естественно.

Олександр Вишняк (Київ)

СОЦІОЛОГІЯ І ПОЛІТИКА

Я підготував доповідь більш широку – не про владу і соціологію, влада у нас не фінансує досліджень з 1991 р., а про політику і соціологію. Тут багато проблемних питань на майбутнє, які виникають в ході політичних досліджень. Але оскільки тут все звелось до екзит-полу, то я хотів би додати кілька штрихів щодо тих речей, які тут виникали. У мене немає ніякого сумніву в тому, що М. Чурилов є в десять разів кращим від мене фахівцем у галузі вибірки. Але він не пояснив елементарних речей, які навіть мені, не спеціалісту з вибірки, не зрозумілі. Навіщо зважувати результати екзит-полів? На відміну від передвиборчих опитувань, які ніхто не зважував тому, що там є стандартна генеральна сукупність, так і тут. Населення певних регіонів відбираємо в тих же пропорціях, ми знаємо з точністю до 1%, скільки там проживає в таких-то областях, в таких-то поселеннях. Що стосується генсукупності екзит-полу, то скільки виборців приїде на вибори в Донецькій Луганській, Львівській, Київській областях – невідомо. І ніхто з точністю до 100% не може цього сказати. Попередня схема вибірки має зважуватись на ці регіони і, в принципі, вона повинна бути зважена, на вік на стать і т. ін., але даних ЦВК щодо цих речей не буває, бюлетень є анонімним. А от щодо регіонів, ЦВК видає ці дані: скільки прийшло в тому чи іншому регіоні, і ці дані переважаються. До чого тут трудова міграція? Микола Миколайович услід за політтехнологами, включаючи і п. Тигипка, який за три дні до першого туру на каналі ICTV розповідав, що в Західній Україні 2 млн. людей виїхали і вони голосувати не будуть, зіславшись на ці речі, ствер-

джує, що голосували паспорти, а не люди. Скажімо, ті 70% виборців, які голосували в Хмельницькій області. М. Чурилов стверджує, що вони не голосували, бо він їх викинув, тобто 20% із вибірки, відповідно вважаючи, що вони поїхали в далекі краї заробляти гроші. Ось про що йде мова. І нехай обгрунтує, чому він так це зробив як спеціаліст по вибірці.

Тут є представники ФОМу. Ця компанія брудно себе вела і під час передвиборчих опитувань, фокусуючи відповідні питання анкети, а блок питань рейтингових переносючи вкiнець. Тобто спочатку даються питання, які фокусують увагу до В. Януковича, який щось зробив, а потім задається питання, за кого голосувати. Але це окрема тема. Що стосується екзит-полу Г. Павловського та ФОМу, то тут взагалі безпрецедентна річ. Чому я задав питання, хто для них його проводив? Я знаю, хто проводив, – це українська маркетингова група «UMG». Ними були отримані такі дані: 43% – В. Ющенко, 39% – В. Янукович. Але в день виборів в 15:00, в Москві на прес-конференції, коли в Україні ще йдуть вибори, були оприлюднені дані, обернені навпаки. Я про це написав на сайті «Української правди» ще на початку листопада 2004 р. після першого туру виборів. Ніякого спростування ні з боку фонду Г. Павловського, ні з боку ФОМ, ні з боку UMG не було. Значить, вони визнають, що це було саме так. Г. Павловський оприлюднив сфальсифіковані дані.

Далі. Технологія скриньок, тобто секретного бюлетеня при голосуванні, нічим не відрізняється від Національного екзит-полу КМІСУ і центру Разумкова. Різниця в межах одного відсотка, на який вона й має бути, хоча проводилася різними методами. А якраз з фальсифікованим, перевернутим екзит-полом Г. Павловського збіглися дані М. Чурилова, зважені на трудову міграцію, дані О. Яременка і дані О. Балакіревої. Аналогічний випадок з центром СОЦИС у другому турі. Він був сфальсифікований, разом неіснуючим екзит-полом Центру «Соціальні перспективи». Про це заявив його керівник І. Буров і в день виборів, і сьогодні. Але цей неіснуючий екзит-пол був оприлюднений на ICTV,

Інтері, і «1+1», тобто на провідних каналах України о 20:00, ще до оприлюднення, звичайно, даних ЦВК і навіть даних екзит-полу М. Чурилова. Він обнародував свій екзит-пол пізніше, ніж були оголошені дані сфальсифікованого екзит-полу. Останній збігся з точністю до 1% з фальсифікованими даними Ківалова (ЦВК) і з даними екзит-полу М. Чурилова. Тобто це говорить про те, що ці речі писалися в одній конторі і ті, хто зі стелі писав екзит-пол «Соціальні перспективи», точніше вдумували його в останній момент і ті, хто писав дані ЦВК, і ті, хто писав дані екзит-полу М. Чурилова. От про що йде мова. Більше того, я задаю собі запитання: «А чому не було сфальсифікованих екзит-полів на користь В. Януковича у третьому турі голосування?» Екзит-полів було кілька, але на користь В. Януковича з його перемогою у третьому турі голосування ніхто не фальсифікував. Відповідь напрошується така. Було відомо, що ЦВК під керівництвом Я. Давидовича, нові комісії, новий закон про їх формування і відкриті бюлетені не дадуть можливості сфальсифікувати результати виборів. Тому й прикриття фальсифікації цих результатів теж не було потрібним. Центру «Соціальний моніторинг» навіть дозволили дати ще більші цифри на користь В. Ющенка, і був проведений екзит-пол ICTV, який підтверджував, що В. Ющенко переміг, що вибори вже закінчилися. Бо стало зрозумілим, що В. Янукович все одно не переможе ні в 3-му, ні в 4-му, ні в 5-му турі. Ось про що йде мова. При цьому я зовсім не маю сумніву, що і СОЦИС, і «Соціальний моніторинг», і Український Інститут соціальних досліджень мають достатні і мережу, і професійні кадри, аби провести нормальний екзит-пол. Що стосується їх професійності, у мене немає питань. Тут проблема підлогу даних на користь певних кандидатів. Хоча такі питання постійно виникають у передвиборчих опитуваннях перед соціологами. Усі ми працюємо з кількома замовниками. Це може бути і влада, і опозиція, і треті сили, і бізнес, і будь-хто, але моральна проблема все одно існує. Чому В. Паніотто перед виборами написав статтю

«Не втягуйте соціологів у політику»? Частково соціологи самі були повинні в цьому. Не можна працювати в одній кампанії на сили, які мають суперечливі інтереси, брати замовлення від тих, хто бореться один з одним. Навіть якщо це окремі дослідження. Все одно анкети різні. Замовник замовляє, окрім рейтингів, ще й інші блоки запитань в анкеті. Тому результати можуть не збігатися. І викликає недовіру, коли один і той же професійний цех видає протягом кількох днів різні дані. Цього не можна робити. Голова соціолога – це файли, цифри, тексти. Їх можна розкласти по папках – даю цьому, бо це він замовив, а це даю тому, бо він замовив. З голови ж аналітика не можна викинути ті дані, які я бачив вчора і аналізував для одного замовника, а сьогодні для іншого. Це голова відмовляється це робити. Тобто проблем тут багато і тому треба збиратися соціологам, щоб на майбутнє ми домовлялися про єдині правила гри.

Питання. Мене більш турбує навіть не перший тур, а третій. Там відхилення 7% і більше. Це дуже велике відхилення від даних ЦВК.

Відповідь. Взагалі соціолог звіряє по кожному кандидату результат ЦВК і той результат, що показують опитування по цьому кандидату. Різниця між відсотками В. Януковича та В. Ющенко по ЦВК і екзитполу – це те, що ви сказали. Але справа не тільки в цьому. Я аналізував це питання і навіть підготував для центру «Демократичні ініціативи» статтю, де висунув три гіпотези чим це обумовлено. Перша гіпотеза – як в попередніх, так і в третьому турі в окремих областях мала місце фальсифікація результатів голосування на користь В. Януковича. Друга гіпотеза – спрацювала так звана «спіраль замовчування». Це коли в якомусь регіоні, місті, селі переважна більшість виборців голосують за одного кандидата, а інші навіть в екзит-полі, виходячи з виборчих дільниць побоюються говорити, що вони голосували за того, хто в даному населеному пункті не є фаворитом. І третя гіпотеза – «фургон з оркестром», тобто більше опитаних

говорить, що голосували за майбутнього переможця, ніж справді за нього голосували. Перевірка цих гіпотез на даних екзит-полу центру Разумкова і КМІС показала, що вірна перша гіпотеза. В окремих областях, і цей список у мене є, фальсифікація на користь В. Януковича відбувалась і в третьому турі. І це дало відхилення.

Евгений Быстрицкий (Киев)

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКЗИТ-ПОЛЛА И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ

Этот круглый стол – фантастический случай, когда социологи, особенно те, которые претендуют или хотели бы быть теоретиками социологии, а не только практиками, попали в самый центр важнейших методологических и этических проблем. Я вас просто поздравляю. С другой стороны, проблема это, безусловно, этическая, моральная проблема. Если она не будет решена каким-то образом самим сообществом социологов, то возникает проблема и для нас.

Несколько положений. Первое, Фонд «Відродження» – это Фонд Сороса, но который управляется не Соросом, а самими украинцами, практически координировал всех остальных доноров в проведении экзит-полла. Мы были контрапартнерами Фонда «Демократические инициативы». Мы дали деньги, не заказывая анкеты, мы сказали, что выбираем Вас – тех, кто уже организовывал экзит-поллы до того – для проведения экзит-полла, который был бы объективным. Это было единственное условие, которое мы ставили. Потом возникли новые условия, о которых я дальше скажу. Какую цель мы преследовали? Мы преследовали совсем не то, о чем тут, кто-то уже намекнул. Экзит-полл всегда выступал для нас неким методом измерения общественного мнения. Измерением, на которое можно опереться, и доверять. Очевидно, экзит-полл не мог дать результатов выборов, но он был стартовой площадкой для того, чтобы определить общественное мнение и это было крайне важно в этой ситуации. И вот представьте себе положение доноров. Мне приходилось отвечать на очень сложные вопросы. Большие деньги, но и прозрачный бюджет. Мы говорили: кому и что заплачено – пожалуйста, вы можете убедиться – все

открыто. Вскользь замечу, что другие экзит-поллы их бюджеты не были прозрачны. Все помнят процессы и состояние нашего общества того времени: политические репрессии против общественных организаций, против того же фонда «Відродження», комиссия Мишуры, их постоянные «наезды» на НДО, постоянное гнилое состояние, использование админресурсов – если просто напомнить эту ситуацию. И не нужно быть большим теоретиком, чтобы на уровне непосредственного знания понимать это. И изучение этих вещей – также есть предмет социологического исследования.

Далее. Начинается финансирование экзит-полла. Первый тур прошли, начинается второй тур – и возникает конфликтная ситуация. Ситуация, когда ясно, что есть ошибка, но когда эту ошибку упорно не хотят признавать. При чем эта ошибка очевидна уже для всех. Что делать? Тогда я был вынужден вместе с другими донорами выставить еще одно условие, очень простое, а именно: одна команда, один метод и единый результат. Может быть, это неправильное условие, это вам судить. Это последнее условие один из участников-исполнителей экзит-полла интерпретирует публично на одном из центральных каналов, как требования какого-то определенного результата. Я не подаю в суд, это долгая история и не хотелось судиться из-за этой ерунды. Теперь подробнее об упомянутом условии и методе экзит-полла. Ясно, есть общий проект, одна команда, есть разработанные процедуры и методы исследования. В отношении последнего. Когда мы увидели, что происходит, мы как организаторы и доноры настаивали на использовании метода *secret ballots* – анонимного анкетного опроса, воспроизводящего тайную процедуру голосования. Этому сопротивлялись два из четырех организаций-участников экзит-полла, аргументируя тем, что, во-первых, этого никто не делал никогда и, во-вторых, это дело сложное. Но это были как бы внешние причины. Было ясно для тех, кто организовывал и финансировал экзит-полл, что происходит что-то нехорошее. Это ощущение нечестной игры, глубоко морально испорченной, подтверждалось тем, что все официальные СМИ, в том числе и российские, вдруг

подхватили одну версию, и на этих СМИ выступали некоторые члены экзит-полла. Это касается непосредственного знания о котором писал еще Гегель, что в наш просвещенный век нужно быть очень недалеким, чтобы не обосновать все что угодно. И вот это обоснование «всего, что угодно» мы слушали на центральных каналах.

Какие выводы? Сейчас мы поддерживаем два проекта Института социологии: первый - этот круглый стол, второй - европейский проект Е.И. Головахи. Но возникает вопрос, что дальше? Как мы можем доверять тому, кто это делает? И когда мы финансировали проект Е. Головахи, была просьба, пожелание - не давайте это СОЦИСу, если можно. Почему? А потому, что возникает недоверие. И эти вопросы нужно прояснять и решать. Повторю - это вопрос доверия, этический, моральный вопрос. Будут следующие выборы в парламент 2006 г. Очень сложные, особенные выборы. Все чувствуют это. Нужно вновь проводить экзит-полл. А как?

Теперь я перехожу к вопросу об этических критериях. Здесь правильно говорилось, что в основе работы социолога истина или интерес? Какое отношение между истиной и интересом? Для социолога это особенно важно. Он не только изучает статистический фактический материал, но живет и работает в обществе. Недаром Н.В. Панина задала вопрос о предпосылках. Если социолог претендует на объективный анализ и при этом не говорит, а какие же его собственные скрытые знания, я никогда не буду доверять его фактам, если это социология. А каковы же критерии автономности разума, который должен еще публично проявлять себя, как сказал бы Кант? Если не будут даны ясные ответы от сообщества социологов на то, как они понимают соотношение интереса и истины в представлении социологического результата, доверие к ним трудно будет восстановить. Впрочем, это относится ко всему обществу и не только к нам, ученым. Академия наук всегда была сервильна по отношению к власти. Как бюджетная организация она по крайней мере вынуждена была это делать. Будет ли это продолжаться дальше? Это - риторический вопрос.

Второе. Положим, в вашем сообществе есть один или два человека, которые при экзит-полле или проводя соцопрос сопротивляются тем моральным ошибкам, которые совершает другая часть, принадлежащая руководству Социологической ассоциации. И предположим, эта Ассоциация зависит от начальников тех, кто делал этот опрос.

И начинается «выдавливание» человека из коллектива, из социологического сообщества незаметными научными методами. Говорят, мол, вы не профессионалы, а вот мы профессионалы, у нас целый ряд прекрасных с социологической точки зрения, обоснованных на научных результатах. Но при этом забывают, что у социолога не может быть абсолютного результата без выявления его собственного интереса. Что тогда будет делать это социологическое сообщество? То есть, будем ли мы продолжать практику сервильного служения тому, кто нам скажет? Это вопрос более широкий, чем просто обсуждение здесь. Это относится ко всем ученым, которые оказались свидетелями «оранжевой революции». Вы подняли очень интересные вопросы. Я по-хорошему завидую, что на вашу социологическую жизнь выпало это исследование, из которого можно сделать поучительные выводы, которые могут дать конечный ответ на бесконечные моральные вопросы.

И. Буров. Евгений Константинович, хочу поблагодарить Вас и Фонд «Відродження», который позволил нам собраться здесь. Редко когда удавалось держать внимание нашей публики в течение восьми часов. Тема оказалась острой и животрепещущей. Потому что очень она задевает профессиональную честь и гордость. Хотелось непредвзято обсудить наболевшие острые вопросы.

Когда я брался за этот круглый стол, было опасение, что если придут представители одной точки зрения, не появятся другие и наоборот. Однако видим, что здесь присутствуют разные точки зрения, и нашей целью было без эмоций, смотря друг другу в глаза, профессионально обсудить наши проблемы. Я очень сожалею, что все-таки здесь отсутствуют представители многих центров, которые приглашались для

участия – КМИС, Центр Разумкова. С ведущими экспертами этих центров я разговаривал, и они обещали принять участие в нашем обсуждении. Но не пришли, может быть, устали... Но в то же время должен отдать должное мужеству Н.Н. Чурилова который пришел, зная, какой будет разговор. Есть ли вопросы?

Н. Панина. У меня комментарий по поводу доверия к социологам. Мой многолетний опыт показывает, что эта категория не первоочередная. Один и тот же центр, одна и та же группа могут работать по-разному. Для профессионального исследования необходим документ с техническим обоснованием, далее – его экспертиза и контроль за выполнением. Контролируешь исследования – данные получаются качественные, не контролируешь – гарантий качества нет. Даже опытных интервьюеров двадцать раз надо инструктировать перед каждым исследованием. Опыт – это в своем роде расхляпывающий элемент. Кажется, раньше проходило, пройдет и сейчас. Я считаю, что любому из упомянутых участвовавших в экзит-полле центров можно заказывать социологическое исследование. Единственное, надо четко понимать: должна быть тщательно подготовлена программа исследования и его техническое обоснование. И чем дороже исследование, тем более скрупулезной и профессиональной должна быть его экспертиза с возможностью что-то исправить, и контроль за выполнением.

Наталья Лавриненко (Киев). Я очень довольна, что произошел этот разговор. Мы вскрываем какой-то нарыв. И нарыв этот нравственный, этический. И проблемы, которые обсуждаются по поводу истины или интереса, – это темы, в которых последние десятилетия «варилось» наше общество. Трудно было разобраться во всем этом, но именно сейчас можно дать характеристику многим социологическим организациям Украины не только на почти интуитивном уровне, а может быть и на уровне профессионального знания, которым все здесь сидящие в достаточной мере обладают. Но я в корне не согласна с тем, что всем организациям, которые участвовали в экзит-полле можно доверять.

Н. Панина. Доверять никому нельзя, нужно проверять.

Н. Лавриненко. Я считаю, что доноры должны быть более разборчивы в выборе своих грантополучателей. Я приведу один маленький пример. В нашей профессиональной среде всем известно, что центр «Социальный мониторинг» и Институт социальных исследований – это одна организация. Почему они могут получать два заказа? Есть государственный институт при Министерстве по делам семьи (Институт социальных исследований) – и тут же частная зарегистрированная организация господина Яременко. Как можно проводить на одной опросной сети и одним научным коллективом два соцопроса? Вот отсюда «растут ноги» аморальности во всех последующих действиях, и на этом этапе нужно работодателям проводить определенную работу.

О. Иващенко. Эти вопросы мы обсуждали внутри нашего социологического сообщества. Это очень хорошо и важно. Самый главный вывод, который был сделан после всех экзит-поллов после выборов прозвучал словами одного комментатора-эксперта на страницах газеты «День»: задание по дискредитации экзит-полла было выполнено блестяще. И об этом нужно говорить. Мы будем разбираться, но социальная ткань уже испорчена. Когда говорят о том, что нужно выбирать структуры, которым можно доверять и которые будут проводить исследование, возникает вопрос: а каково доверие к тем данным, которые будут получены даже честными фирмами у людей, которые потеряли доверие? И когда я апеллировала в Комиссию по этике, я говорила не только о возможности «нечестной» социологии, но и о доверии людей к социологи вообще.

И. Буров. Я согласен. Профессия социолога настолько востребована и поднята на такой уровень, что прикрываясь ею, применяются некоторые сомнительные технологии. Однако мне не стыдно говорить, о том что я социолог. Я готов разложить по полочкам, почему так получается. В этой ситуации надо защищаться. Чистеньким из такой игры выходить очень сложно.

Сергей Стукало (Киев). Украинский институт социальных исследований на сегодняшний день имеет статус общественной организации. Это уточнение к предыдущему выступлению. Я хотел бы перейти к теме, которая не затрагивалась. Мы как социологические сообщества стали перед проблемой недоверия Правлению нашей Социологической ассоциации. Потому что, на наш взгляд, по крайней мере часть Правления приняла по своей сути неправильное решение, заявив о своем участии в одном из экзит-поллов. Этим решением Правление противопоставило одних членов Ассоциации другим. Пусть бы любые организации проводили еще один экзит-полл, но не нужно заявлять о присутствии Социологической ассоциации Украины. К этому мнению не прислушались. И по существу, Ассоциация участвовала в том экзит-полле, который проводил господин Яременко с участием части университетов. Конечно, не имеет значения то, что некоторые люди из этих университетов были связаны и являлись членами тех прартий, которые поддерживали одного из кандидатов – В. Януковича и даже являлись его доверенными лицами в определенных округах и областях, не имеет значения, что в этой команде присутствовали ректоры университетов, которые оказывали давление на своих сотрудников и студентов, чтобы они голосовали определенным образом. Это все политика. А вот социология – дело чести. И потому мы, часть членов Ассоциации, выразили недоверие Правлению Социологической ассоциации. Поэтому и президент Ассоциации подал в отставку. Ассоциация не работает, секретариат не работает, съезды не проводятся. Нам нужно активизировать работу на местах, потому что силы, связанные с прежним руководством, уже проводят работу по саботированию съезда и смене Правления, а ему мы уже не доверяем и его необходимо переизбрать. Поскольку довольно значительные силы стоят за этими людьми, особенно в регионах, по всей видимости, произойдет раскол Социологической ассоциации Украины, из нее часть людей выйдет и будет создана новая структура.

И. Буров. Не хотелось на такой пессимистической ноте заканчивать наш круглый стол. У нас просит еще слово Алексей Георгиевич Левинсон («Левада-Центр») и заключительное слово – профессору Виктору Танчеру.

А. Левинсон (Москва). Уважаемые коллеги – слово «уважаемые» не простая форма вежливости, а выражение того чувства, которое у меня возникает как у человека, профессионала, гражданина и гостя. Что я все-таки обязательно хочу сказать на прощание. Между российскими социологами и украинскими, которые представлены здесь, возникали весьма сложные отношения. Однако во время экзит-полла к нам обратились как к экспертам, как к авторитетной внешней стороне. Спасибо Вам за это. Я склоняю голову перед авторитетом того профессионального сообщества, которое я здесь вижу. Не верю, что сейчас у меня в стране возможен такой разговор, который здесь произошел. Я очень рад видеть, слышать этот, если хотите, скандал, этот профессиональный разговор, потому что это – свидетельство очень здоровых процессов. Никого ближе Вас, и профессионально и географически – коллег, на которых можно надеяться как на честных профессионалов, у нас нет. Я поддержал бы идею, которую высказал донор этого собрания, что эти проблемы сами по себе являются – предметом для социологического исследования. «Социология социологии» сейчас нужна. Я бы просил выделить некоторые средства, заинтересовать профессионалов, которые бы изучали этот процесс и рассматривали его не только как этический или чисто методологически, но был бы сделан его анализ, как социологической проблематики. Собственно, тема сегодняшнего круглого стола должна стать темой научного исследования. Потому что проблема, как социолог «взвешен» внутри поля разных сил – эта проблема необычайно важная. Она стоит по-своему в обществе такого типа, каким на сегодняшний день является Россия и имеет, к счастью, другое звучание в обществе, каким на сегодняшний день становится Украина. Но проблема не исчезает.

Вопрос был о том, кто проинформировал В. Путина или был ли В. Путин дезинформирован? Я не отвечаю за В. Путина, но я каким-то образом отвечаю за ситуацию в России. К сожалению, не обязательно имела место дезинформация. У меня данные опроса россиян. Кто их информировал, дезинформировал – Вы прекрасно понимаете. Большинство россиян убеждены, что позиция, которую занял президент В. Путин в отношении к ситуации в Украине, правильная. Вопросы социологии и власти у нас, в России, решаются таким странным образом: социология вынуждена говорить, обязана говорить о том, что общественность в той мере, в какой мы знаем ее мнение, поддерживает власть, и, к сожалению, тот настрой неприятия, который имеется в российском обществе в отношении процессов, идущих в Украине, и который у меня вызывает чувство горечи и стыда, этот настрой есть. Вы понимаете, какие ментальные, психологические и политические механизмы работают здесь. Для меня это повод искренне желать, чтобы процессы здесь шли в том направлении, в котором мы видели, и чтобы в моей стране было возможно такое обсуждение, чтобы люди были готовы поднимать вопросы профессиональной этики, профессиональной социологической работы. Я точно знаю, что профессор Ю. Левада и коллектив нашего Центра разделили бы те чувства и отношение, которые я здесь высказал. Поэтому я привез от Ю. Левады поклон и дружеское пожелание всяческих успехов Вам.

Е. Степанов (Москва). Я не совсем согласен. Тут прозвучало, что российские социологи такой разговор не способны завести. Я просто хочу констатировать. Только вчера в Институте социологии произошла отчетная конференция по результатам прошлого экзит-полла. Основной вопрос, который обсуждался бы – о том, что власти нужно предъявить претензии по поводу того, что она плохо «слышит» социологов, и что нужно делать для исправления этой ситуации.

В. Танчер (Киев). Все, что я хотел сказать, высказал мой коллега из Москвы. Я начинал с необходимости развития «социологии социологии», то есть с внутреннего анализа состояния нашей дисциплины и ее взаимоотношения с властными структурами. И хотелось бы сделать акцент на моральных этических аспектах этого взаимодействия. Это как-то ушло «в тень» во время выяснения технических проблем экзит-полла которые, по моему мнению, все же – второстепенны. Нужно же было обсудить вопрос шире, о моральных основаниях нашей работы социологического сообщества деятельности украинской социологической ассоциации. Я думаю, что то, что был затронут этот вопрос, положило начало такому обсуждению. Важно, что исследовательская тема нашего отдела стала темой этого Круглого стола. Теперь мы как-то обобщим все то, что прозвучало, и подготовим какой-то продукт полезный, я надеюсь, для всех социологов.

И. Буров. Я благодарю всех за внимание и за участие – все произошло на «одном дыхании», я думаю, что все разделяет чувство удовлетворения результатами нашей работы.

СПИСОК УЧАСНИКІВ

- Віктор Танчер, доктор філософських наук, професор, головний науковий співробітник Інституту соціології НАН України
- Віктор Степаненко, кандидат філософських наук, зав. відділом Інституту соціології НАН України
- Євген Степанов, доктор філософських наук Інституту соціології РАН, директор Центру конфліктології (Москва)
- Сергій Макеєв, доктор соціологічних наук, зав. відділом Інституту соціології НАН України
- Юрій Пачковський, доктор соціологічних наук, Львівський національний університет
- Віктор Бурлачук, кандидат філософських наук, провідний науковий співробітник, Інституту соціології НАН України
- Світлана Клімова, кандидат філософських наук, провідний спеціаліст Фонду «Общественное мнение», Москва
- Ігор Руценко, доктор соціологічних наук, нач. кафедри загальної соціології Національного університету внутрішніх справ (Харків)
- Юрій Саєнко, доктор економічних наук, зав. відділом Інституту соціології НАН України
- Володимир Полторак, доктор філософських наук, професор, директор Центру соціологічних і політичних досліджень і технологій «СОЦІОПОЛІС» (Дніпропетровськ)
- Володимир Фесенко, кандидат філософських наук, директор Центру «Пента» (Київ)
- Наталія Паніна, доктор соціологічних наук, головний науковий співробітник Інституту соціології НАН України
- Андрій Горбачик, кандидат фізико-математичних наук, старший науковий співробітник Інституту соціології НАН України
- Борис Сагалаков, кандидат філософських наук, директор з наукових питань Всеукраїнської соціологічної служби
- Тетяна Астаніна, зав. відділом збору й обробки інформації Всеукраїнської соціологічної служби
- Ірина Бекешкіна, старший науковий співробітник Інституту соціології НАН України, науковий керівник Центру «Демократичні ініціативи» (Київ)
- Ілько Кучерів, виконавчий директор Центру «Демократичні ініціативи» (Київ)
- Микола Чурилов, доктор соціологічних наук, директор компанії «СОЦИС» (Київ)
- Михайло Кунявський, кандидат філософських наук, зам. директора Соціологічного інформаційно-дослідницького центру «Пульс» (Одеса)
- Катерина Козиренко, кандидат філософських наук, науковий співробітник «Левада-Центр» (Москва)
- Олексій Левінсон, кандидат філософських наук, науковий співробітник «Левада-Центр» (Москва)
- Олександр Вишняк, доктор соціологічних наук, провідний науковий співробітник Інституту соціології НАН України
- Євген Бистрицький, доктор філософських наук, професор, виконавчий директор міжнародного Фонду «Відродження» (Київ)
- Ігор Буров, кандидат філософських наук, старший науковий співробітник Інституту соціології НАН України
- Ольга Іващенко, кандидат філософських наук, старший науковий співробітник Інституту соціології НАН України
- Сергій Стукало, кандидат філософських наук, старший науковий співробітник Інституту соціології НАН України

ЗМІСТ

<i>В. Танчер, В. Степаненко.</i> Передне слово	3
СЕКЦІЯ I. СОЦІОЛОГІЧНЕ ЗНАННЯ ТА ВЛАДА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГІЧНІ ПРОБЛЕМИ ВЗАЄМИН	
<i>В. Танчер (Київ).</i> Соціологія і влада: історія та нова диспозиція взаємин.....	10
<i>В. Степаненко (Київ).</i> Публичность власти как модус социального знания: миф или возможность постсоветской демократии?	19
<i>Евгений Степанов (Москва).</i> Социология конфликта как экспертное знание	36
<i>Сергей Макеев (Київ).</i> О власти политической в ее отношении к обществознанию.....	43
<i>Юрій Пачковський (Львів).</i> Три виміри соціології у сучасному політичному процесі	57
<i>Виктор Бурлачук (Київ).</i> Власть, ритуал и «оранжевая революция»	63
<i>Валерий Казаков (Київ).</i> Взаимодействие социологии и власти	76
<i>Светлана Климова (Москва).</i> Респонсивность власти как условие социальной интеграции	96
<i>Игорь Рущенко (Харьков).</i> Социология между государством и гражданским обществом	105
<i>Юрий Саенко (Київ).</i> Социология в обществе рисков и шансов	122

<i>Владимир Полторак (Днепропетровск).</i> Социология и социологический пиар: проблема органической взаимосвязи	124
<i>Владимир Фесенко (Київ).</i> Социология в ее взаимоотношениях с властью: новые шансы и перспективы	137
СЕКЦІЯ II. ПОЛІТИКО-ПРИКЛАДНІ АСПЕКТИ ВЗАЄМОДІЇ СОЦІОЛОГІЇ ТА ВЛАДИ	
<i>Наталья Панина (Київ).</i> Экзит-полл в Украине 2004 года: социология или политика?	146
<i>Борис Сагалаков (Київ).</i> Політика, соціологія, вибори ..	169
<i>Тетяна Астаніна (Київ).</i> Ціннісні орієнтири та політичний вибір українців восени 2004 року	181
<i>Ірина Бекешкіна (Київ).</i> Відносини влади і соціологічної спільноти як колізія громадянського суспільства	188
<i>Илько Кучерив (Київ).</i> Фонд «Демократические инициативы» в выборах 2004 года	205
<i>Николай Чурилов (Київ).</i> Опыт экзит-полла	217
<i>Михаил Куньявский (Одесса).</i> О проблемах и опыте взаимоотношений социологов и власти в Одессе и Одесской области	224
<i>Олександр Вишняк (Київ).</i> Соціологія і політика	233
<i>Евгений Быстрицкий (Київ).</i> Организация экзит-полла и этические проблемы социологии	238
Список учасників	248

**ЦЕНТР СУСПІЛЬНО-ІНФОРМАЦІЙНИХ ТЕХНОЛОГІЙ
«СОЦІАЛЬНА ПЕРСПЕКТИВА»**

01021, м.Київ 21, вул. Шовковична 12, к. 308 –
тел./факс (044) 255-61-44 – E-mail: i-v-b@ukr.net

ПРЕС-РЕЛІЗ

Контакти:

БУРОВ Ігор Володимирович
директор Центру
Тел. 255-61-44

Центр суспільно-інформаційних технологій «Соціальна перспектива» засновано у 1997 р. як некомерційну, без-прибуткову установу.

Центр створено з метою сприяння становлення громадянського суспільства, зміцнення державності України та її міжнародного престижу, встановлення публічних, демократичних зв'язків між суспільною думкою, засобами масової інформації та владними структурами, використання інтелектуального потенціалу України в реформуванні політики та економіки української держави.

Основними напрямками діяльності Центру є:

- організація та проведення конференцій, семінар столів з актуальних проблем українського суспільства;
- організація і проведення виборчих компаній;
- проведення соціологічних досліджень;
- формування політичних навиків і орієнтацій різних верств населення;
- громадська експертиза діяльності місцевих органів влади;
- організація ефективної і демократичної взаємодії між бізнесом, засобами масової інформації і органами влади;

- розробка та реалізація іміджу державних, неурядових, громадських організацій, українських або закордонних підприємств, фірм;
- інформація суспільства, засобів масової інформації, бізнесу і органів виконавчої і законодавчої влади з актуальних проблем суспільства і конкретних засобах (механізмах) їх вирішення.

Фахівці Центру мають багатий досвід в проведенні виборчих кампаній, соціологічних досліджень соціально-політичного та соціально-економічного напрямків.

The centre «Social Perspective» proposes its assistance in conducting public opinion polls by qualified experts in sociology.

Centre for social-information technologies «Social perspective» was founded in 1997 as noncommercial and non-profitable organisation. The aim of its activity is to contribute to strengthening of state and social development of Ukraine, establishing democratic relations between public opinion, mass media and government bodies, using intellectual abilities of Ukrainian people in reforming policy and economy of this country.

The main directions Centre's activities are:

- organising and holding conferences, seminars, round-tables devoted to urgent problems of Ukrainian society;
- organising and carrying out election campaigns;
- conducting sociological surveys;
- forming political skills and orientations of various (social) strata;
- conducting public expertise of local bodies' activities;
- organising effective and democratic interrelations between business, mass media and government;
- developing and realising the image of governmental, non-governmental and public organisations, Ukrainian or foreign enterprises, firms;
- informing society, mass media, business, executive and legislative bodies about urgent problems and ways of settling them.

Experts of the Centre have broad experience in conducting election campaigns, sociological surveys in social-political and social-economic fields.

Наукове видання

СОЦІОЛОГІЧНЕ ЗНАННЯ ТА ВЛАДА: СУПЕРЕЧЛИВІ ВЗАЄМВІДНОСИНИ СОЦІОЛОГІЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ І ПОЛІТИЧНОЇ ПРАКТИКИ

(українською мовою)

Технічний редактор І. Риндюк
Художній редактор О. Расовська
Коректор О. Шелудченко

Підп. до друку 17.11.2005. Формат 60x84/16.
Папір офс. Друк офс. Гарнітура SchoolBook.
Ум. друк. арк. 15,9. Обл.-вид. арк. 12,6.
Наклад 1000 прим. Замовл. № 32-05.

ТОВ «Видавничий дім «Стилос»
04080, Київ-80, вул. Оленівська, 8, к. 2. Тел.: (044) 467-53-50, 467-53-20
Свідоцтво Держкомінформу України серія ДК № 1465 від 13.08.2003 р.

Надруковано ТОВ «Поліграфічний центр «Фоліант»
04176, Київ-176, вул. Електриків, 26. Тел.: (044) 467-53-50, 425-30-01
Свідоцтво Держкомінформу України серія ДК № 149 від 16.08.2000 р.